

Карл фон Клаузевиц

ПРИНЦИПЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

Carl von Clausewitz

**SELECTION
FROM ON WAR**

**PRINCIPLES
OF WAR**

Карл фон Клаузевиц

ПРИНЦИПЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

УДК 355
ББК 68
К47

Серия «Хроники военных сражений»
выпускается с 2008 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Клаузевиц К. фон
К47 Принципы ведения войны / Пер. с англ. Л.А. Иго-
ревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. — 220 с. —
(Хроники военных сражений).

ISBN 978-5-9524-4349-5

В своей книге автор всесторонне рассматривает природу войны, подчеркивая решающее значение военного гения в исходе сражения. Четко и ясно излагая важность плана войны, взаимосвязь войны и политики, стратегию и тактику ведения войны, включая организацию боя, виды и способы наступления и обороны, Клаузевиц определяет и поясняет термины профессионального военного языка, что придает его книге характер превосходного справочного руководства. Отводя значительную часть книги оценке моральных факторов ведения войны, он подчеркивает необходимость таких качеств, как мужество, отвага и самопожертвование, обращает внимание на важность армейского кодекса чести, боевого духа и общественного мнения.

УДК 335
ББК 68

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2009
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2009

ISBN 978-5-9524-4349-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Карл фон Клаузевиц, духовный отец германской армии, долго считался одним из величайших и самых оригинальных авторов, писавших на тему войны. «Только если мы поймем природу войны в духе Клаузевица, мы можем надеяться поддержать наше существование в том случае, если суровая необходимость снова заставит нас взять в руки меч». Это слова, обращенные к германской армии и германскому народу.

Жизнь Клаузевица была жизнью солдата. Она редко была счастливой, никогда не была легкой, а его самая сокровенная мечта, занять влиятельное положение и претворить в жизнь свои идеи относительно теории и ведения войны, так и не осуществилась.

Родившийся в 1780 году в семье прусского офицера, Клаузевиц поступил на военную службу, когда ему было всего двенадцать лет. После участия в войне 1-й коалиции против Франции в 1793—1794 годах он несколько трудных и не богатых событиями лет служил офицером в небольшом гарнизоне города Нойруппин. Этот период он использовал для того, чтобы пополнить свое несовершенное образование, внимательно изучая сочинения короля Фридриха II Прусского, чьим характером и понятиями о долге он восхищался.

В 1801 году он поступил во Всеобщее военное училище (Кригс-шуле) в Берлине, готовившее офицеров. Недостаточная подготовка, а также финансовые трудности делали жизнь очень нелегкой и добавили пессимизма к его слишком чувствительному характеру. Через некоторое время, однако, один из преподавателей, великий Шарнхорст¹, признал блестящие способ-

¹ Шарнхорст Герхард Йоганн Давид (12 ноября 1755 г., Борденау, Ганновер — 28 июня 1813 г., Прага) — прусский генерал (1807) и военный реформатор. С июля 1807 г. начальник Генштаба и председатель комиссии

ности Клаузевица, подружился с ним и оказал поддержку, в которой тот нуждался. В результате Клаузевиц стал одним из его лучших учеников и в 1803 году по рекомендации Шарнхорста был назначен адъютантом принца Августа Прусского. В этом качестве он сопровождал своего венценосного начальника в кампании 1806 года против Наполеона и попал в плен к французам.

После возвращения в Германию в 1807 году Клаузевиц тесно сотрудничал с Шарнхорстом, чьи идеи относительно военной теории и необходимости реформировать прусскую армию он разделял. Шарнхорст оказывал на Клаузевица глубокое влияние, и после смерти великого реформатора в 1813 году Клаузевиц считал себя во многих отношениях интеллектуальным наследником духовного «отца и друга». В 1810 году, по рекомендации Шарнхорста, Клаузевиц поступил преподавателем стратегии и тактики (в чине майора) в Офицерское военное училище. Это училище, основанное в 1810 году, выросло из более ранних офицерских школ и в конечном счете, было преобразовано в знаменитую Военную академию. Именно тогда Клаузевиц крепко подружился с генералом Гнейзенау, который, как и Шарнхорст, был одной из выдающихся фигур прусской армии и начальником штаба маршала Блюхера в кампаниях против Наполеона. Доказательством признания способностей Клаузевица служит его назначение военным наставником прусского кронпринца Фридриха Вильгельма (1795—1861, прусский король Фридрих Вильгельм IV с 1840 г.).

В эти годы произошло феноменальное восхождение Наполеона. Клаузевиц, глубоко восхищаясь Наполеоном как военным, не принимал его как диктатора. Поэтому, когда король Фридрих Вильгельм III в 1812 году заключил с Францией договор, Клаузевиц последовал примеру многих офицеров и ушел со службы в своей стране, впоследствии публично и мужественно защищая свой поступок. По пути в Россию, к новому месту службы в армии царя Александра I, сражавшейся против Наполеона, он составил наставления своему августейшему ученику, назвав их: «Важнейшие принципы ведения войны для завершения моего курса в образовании его королевского вы-

по реорганизации армии, с 1808 г. возглавлял военное министерство. Вместе с генералом А. Гнейзенау провел военную реформу, в результате которой было подготовлено введение воинской повинности (с 1813), улучшена организация армии и подготовка офицеров, сокращен срок службы, создан обученный резерв, усовершенствовано вооружение, реорганизована тыловая служба. Во время освободительной войны с наполеоновской Францией в 1813 г. был начальником штаба Силезской армии генерала Г. Блюхера. (Примеч. пер.)

сочества кронпринца». Перевод этого труда приводится в этой книге.

В России Клаузевиц стал офицером, которому поручили организацию переговоров с прусским генералом Йорком, заключившим Таурогенскую конвенцию, в результате которой Пруссия снова оказалась в рядах сил, противостоящих Наполеону (до этого в 1812 г. Клаузевиц был квартирмейстером кавалерийского корпуса П. Палена, затем Ф. Уварова, участвовал в сражениях при Островно, Смоленске, Бородине). Клаузевиц принимал участие в освободительных войнах, сначала с русской армией, а потом в чине полковника армии своей страны. Как и его другу Шарнхорсту, ему никогда не доверяли руководства главными военными операциями, так что приходилось довольствоваться штабной работой. В качестве начальника штаба третьего армейского корпуса под командованием генерала Тильмана (Тилемана) он принял участие в битве при Ватерлоо и после заключения мира остался на этой должности до 1818 года.

Принимая во внимание сдержанность и застенчивость Клаузевица, снискавшие ему репутацию холодного и высокомерно-го человека, неизвестно, стал бы он успешным военачальником. Он был слишком чувствителен, может быть, слишком интеллектуален, в силу чего хорошо осознавал многоликость проблемы, чтобы обладать единством цели, которого сам же требовал от военачальника. С другой стороны, безграничная энергия и чувство реальности побуждали его претворять в жизнь свои идеи по военным вопросам. Невозможность сделать это стало причиной его недовольства и неудовлетворенности.

В 1818 году он получил чин генерал-майора и был вызван в Берлин, чтобы возглавить прусское Всеобщее военное училище. Эту должность он оставил только незадолго до смерти. Его обязанности, к сожалению, были ограничены руководством школой и давали мало возможностей для усовершенствования курса обучения в свете его революционных идей в области военного искусства. Лишенный этой возможности, Клаузевиц начал писать, видя в этом единственный способ выразить и развить свои идеи. Именно в этот период он написал обширные работы по военному делу, в том числе и самую знаменитую «О войне» (Vom Kriege).

Когда он еще писал эту книгу, его назначили начальником артиллерийской инспекции в Бреслау, а вскоре начальником штаба армии (с мая 1831 г.) фельдмаршала Гнейзенау, направленной в Позен¹ к границе с польскими землями Российской

¹ Позен — ныне Познань в Польше. (Примеч. пер.)

империи во время Польского восстания 1830—1831 годов. После подавления восстания в 1831 году он, серьезно заболев холерой, которую подхватил в Позене, 16 ноября 1831 года умер в Бреслау¹, Силезия, «освободившись от жизни, как от тяжелого бремени».

Работы Клаузевица были опубликованы только после его смерти. Он понимал, что они представляют собой «революцию в области военной мысли», и его чувствительная натура боялась непонимания и некомпетентной критики современников. Его вдова, Мария фон Клаузевиц, понимающий друг и соратник в течение двадцати лет, опубликовала десять томов его сочинений между 1831 и 1837 годами.

Первые три из них, названные *Vom Kriege*, содержат суть мыслей Клаузевица «О войне» и составляют, по словам графа фон Шлиффена², «по форме и содержанию величайшую из когда-либо написанных работ о войне». Книга неполная, многие из ее специфических подробностей и иллюстраций устарели из-за невероятного технического прогресса, происшедшего со времени Клаузевица. Тем не менее, поскольку она была задумана не как специфическое руководство в области ведения военных операций, а скорее как философская оценка войны, она существует вне времени и сегодня имеет такое же значение.

Клаузевиц понимал, что Французская революция и ее наследник, Наполеон, оказали глубокое влияние на характер и методы ведения войны. Война больше не была процессом маневрирования относительно небольших армий с целью прийти к окончательному решению наименее кровавым и дорогостоящим способом отрезания противника от снабжения. Война стала схваткой больших армий, в которой элементы скорости и концентрации превосходящих сил (забытые со времени Фридриха II Великого) снова приобрели решающее значение. «Победа покупается кровью», а полную победу обеспечивает только

¹ Б р е с л а у — ныне Вроцлав в Польше. (*Примеч. ред.*)

² Ш л и ф ф е н Альфред фон (28 февраля 1833 г., Берлин, — 4 января 1913 г., там же) — германский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1911). Окончил Офицерское училище (1853) и Военную академию (1861). В качестве офицера Генштаба участвовал в австро-прусской войне 1866 г. и Франко-прусской войне 1870—1871 гг. С 1884 г. начальник отдела германского Генштаба, в 1891—1905 гг. начальник Генштаба. С 1906 г. в отставке. Один из идеологов германского милитаризма. Теоретически обосновал т. н. стратегию уничтожения, направленную на достижение целей посредством двойного охвата, что в результате приводило к тактическому окружению. Автор германского плана войны (т. н. план Шлиффена, 1905). (*Примеч. пер.*)

уничтожение сил противника. Такова по Клаузевицу неограниченная война на уничтожение, его «абсолютная война». «Война есть насилие, доведенное до предела». Более того, этот акт насилия не отделяется от политической жизни нации, это не аномальная ситуация, а лишь осуществление политических целей насильственными методами, «просто продолжение политики иными средствами». Поэтому она должна быть продиктована политическими соображениями, а военное руководство армией должно быть подчинено политическому руководству государства.

Работа Клаузевица, по его собственным словам, является результатом «размышления и наблюдения, философии и опыта». Чтобы подтвердить свои обобщения, он постоянно ссылается на кампании, многие из которых он изучил досконально, а в некоторых участвовал сам. Но считать Клаузевица лишь интерпретатором достижений других, особенно Наполеона, означало бы недооценивать оригинальность его мысли и гибкость его идей. Он прекрасно понимал, что война изменится, как это не раз происходило в прошлом.

Значительная часть книги Клаузевица «О войне» посвящена оценке моральных факторов ведения войны. Эти разделы, в которых он рассматривает так называемые «моральные аспекты» войны, считаются самыми оригинальными и жизненными. По контрасту с акцентом, который в XVIII веке военная наука и военная теория делали на материальных силах и математических вычислениях, Клаузевиц подчеркивает необходимость таких нематериальных качеств, как мужество, отвага и самопожертвование, отлично сознавая огромную важность армейского кодекса чести, боевого духа и общественного мнения. Исключительные качества характера, глубокая преданность долгу и всестороннее образование являются необходимыми качествами военачальника. Они необходимы для преодоления возникающих сложностей, свойственных каждой войне, и принятия «героических решений, основанных на разуме», что является признаком истинного высшего руководителя.

Желание Клаузевица написать такую книгу о войне, «которая не будет забыта через два или три года», осуществилось. Он написал классический труд, который произвел глубокое впечатление не только на армию его страны, но также на армии других стран. Его идеи впервые претворил в жизнь Хельмут фон Мольтке-старший, начальник штаба прусской армии с 1858 по 1888 год; а успехи прусской армии в войнах 1864, 1866 и 1870—1871 годов считались доказательством правильности идей Клаузевица. Второй последователь Мольтке, граф Шлиф-

фен, также был великим почитателем и учеником Клаузевица. Мольтке, учившийся у Клаузевица в военном училище, признавал, что надо внести некоторые поправки в теорию Клаузевица из-за технического, социального и экономического развития в результате промышленной революции. И Мольтке, и Шлиффен, например, понимали, что решение Клаузевица в пользу сосредоточенной фронтальной атаки теперь невыполнимо из-за оборонительной силы современного оружия, и предложили вместо этого уничтожение противника стратегическими маневрами (знаменитый план Шлиффена 1905 года). Такие непредвзятые и широкие интерпретации принципов Клаузевица придают им непреходящее значение, независимо от того, насколько современные условия отличаются от условий времен Наполеона и Клаузевица. В 1937 году германский военный министр и главнокомандующий, генерал-фельдмаршал фон Бломберг, написал: «Несмотря на изменения военной организации и техники, книга Клаузевица «О войне» остается на все времена базисом для любого значительного развития военного искусства».

Очень важен и типичен постоянный акцент, который делает Клаузевиц на моральной стороне ведения войны. Его язык, язык человека, писавшего также романтические стихи, может для современного читателя иногда звучать странно. Но его совет: «Будь смел и хитер в своих планах, тверд и сдержан в их исполнении, решителен в нахождении достойного конца» никогда не потеряет своего значения.

*Ганс фон Гатцке
Кембридж, Массачусетс*

**ИЗ КНИГИ
«О ВОЙНЕ»**

Глава 1

О ПРИРОДЕ ВОЙНЫ

ВОЕННЫЙ ГЕНИЙ

Каждое дело, если хочешь добиться успеха, требует особой квалификации и соответствующего духовного настроения. Когда эти качества достигают высшего порядка и проявляются в необыкновенных достижениях, человека, которому они принадлежат, называют гением.

Мы прекрасно знаем, что это слово по широте смысла и по его толкованию применяется во многих значениях. Но, поскольку мы не выдаем себя ни за философа, ни за филолога, позволим себе придерживаться значения, используемого в обыденном языке, и понимать под словом «гений» чрезвычайно высокие духовные способности к какому-либо роду деятельности.

Чтобы более полно раскрыть значение этого понятия и его содержание, необходимо кратко остановиться на этой способности, на этом высоком качестве души. Нам придется рассмотреть каждую из общих склонностей ума и души к военному делу, которые, собранные в одно целое, и представляют собой *суть военного гения*. Мы говорим «общую», потому что в том и заключается военный гений, что это не единственное качество, как, например, мужество, при отсутствии других умственных и духовных способностей или если все эти качества имеют направление, не пригодное для войны. Гений — это *гармоничное сочетание способностей*, в котором та или другая может преобладать, но ни одна не противодействует другой.

Чем менее развито общество, тем большую важность для него приобретает военная деятельность и поэтому, каза-

лось бы, тем больше там должно было бы появляться военных гениев. Но это относится только к их числу, и никоим образом не к их степени, потому что уровень гениальности зависит от общего состояния и интеллектуальной культуры страны. Если взглянуть на дикие, воинственные народы, можно обнаружить, что воинственный дух там распространен больше, чем у цивилизованных народов. Но у нецивилизованных народов мы никогда не найдем по-настоящему великого генерала и очень редко то, что смело можно назвать военной гениальностью, потому что это требует развития умственных способностей, которого не встретишь у нецивилизованных народов. Само собой разумеется, цивилизованные народы тоже могут иметь тенденцию к воинственности; и чем больше она распространена, тем выше воинственный дух воинов их армий. Чем выше степень цивилизации наций, тем чаще они совершают самые блестящие военные подвиги, примером чему были римляне и французы. Величайшие имена этих и всех других наций, прославившиеся в войнах, принадлежат только эпохам, обладавшим более высокой культурой.

Отсюда можно сделать заключение, насколько велика доля умственных способностей в военном гении, особенно в его высшем проявлении. Теперь рассмотрим это более подробно.

Война есть область реальной опасности, поэтому самым главным качеством военного является мужество.

Мужество бывает двух видов: первое — физическое мужество, или мужество перед лицом опасности; и второе — моральное, нравственное мужество, то есть мужество перед лицом ответственности перед внешней властью, или внутренней — совестью. Здесь речь идет только о первом.

Мужество перед лицом опасности тоже бывает двух видов. Первое — это безразличие к опасности, являющееся или природным свойством человека, или презрением к смерти, или привычкой; в любом из этих случаев оно будет постоянным качеством человека.

Во-вторых, мужество может быть вызвано такими мотивами, как личная гордость, патриотизм, энтузиазм. В этом случае мужество — это не столько нормальное состояние, сколько порыв, проявление настроения.

Полагаем, эти два вида проявляются различно. Первое более надежно, потому что стало второй натурой; второе часто дает большие результаты. В первом случае больше твердости, во втором — отваги. Первое оставляет разум трезвым, второе иногда воодушевляет, но часто и ослепляет. В сочетании они составляют самый совершенный тип мужества.

Война есть область физического напряжения и страдания. Она требует определенной силы тела и духа, делающей человека способным переносить все тяготы войны. Обладая этими качествами, ведомый простым и здравым разумом, человек сразу же становится настоящим орудием войны. Если в требованиях, которые война предъявляет к своим приверженцам, мы зайдем дальше, то сочтем преобладающими умственные способности.

Война является областью неопределенности; три четверти того, на чем должен производиться расчет всех военных действий, спрятано в облаках великой неопределенности. Вот здесь-то и нужен тонкий и проницательный ум.

Средний интеллект может иногда случайно дойти до истины; с другой стороны, отсутствие здравого смысла может компенсировать необыкновенное мужество; но в большинстве случаев недостаток ума всегда скажется на общем уровне успехов.

Война есть область риска. Ни в одной сфере человеческой деятельности не остается столько места для этого незваного гостя. Он увеличивает неопределенность каждого обстоятельства и нарушает ход событий.

Из-за неуверенности во всех сведениях и предположениях на театре военных действий все оказывается не так, как думалось; а это не может не оказывать влияния на наши планы. Если это влияние настолько велико, что сводит на нет весь предопределенный план, тогда, как правило, ему на смену приходит другой. Но в данный момент для замены плана нет необходимых данных, а обстоятельства требуют немедленного решения, не оставляя времени на поиски свежих данных, зачастую недостаточных для зрелого вывода.

Но чаще случается так, что изменение одной предпосылки или сведений о случайных событиях не разруша-

ет наши планы, а лишь рождает неуверенность. Причина этого заключается в том, что опыт приобретается не сразу, а постепенно, когда наши знания беспрестанно обогащаются новым опытом; и здесь ум, если мы можем употребить это выражение, всегда должен быть «на вооружении».

Чтобы благополучно преодолеть вечные конфликты с неожиданным, не обойтись без двух качеств: во-первых, интеллекта, который даже среди этой густой неясности не теряет некоторых следов света, и, во-вторых, мужества, чтобы следовать за этим слабым светом. Первое свойство обозначается французским выражением «coup d'oeil»¹, второе — решимость. Поскольку бой — это особенность войны, а время и пространство являются ее важными элементами, идея быстрого и правильного решения связана с оценкой этих двух элементов, и, чтобы обозначить идею, было выбрано выражение «coup d'oeil», фактически лишь обозначающее правильный глазомер. В те времена, когда решительные действия конницы на полях сражения играли главную роль, в понятии о быстром и находчивом решении на первый план выдвигалась правильная оценка времени и пространства; отсюда и пошло это выражение, подчеркивающее лишь правильный глазомер. Однако вскоре под ним стали подразумевать все удачные решения, принятые в момент, когда надо действовать, например правильный выбор пункта атаки и пр. Поэтому под выражением «coup d'oeil» подразумевается не просто физический глаз, но духовное око. Естественно, это выражение более уместно в области тактики; однако без него нельзя обойтись и в стратегии, где тоже нужны быстрые решения.

В каждом отдельном случае решимость — это акт мужества, но если это становится характерной чертой человека — это уже привычка. Но здесь речь идет не о мужестве перед лицом физической опасности, а о мужестве перед лицом ответственности.

Мы называем решимостью способность в обстановке действий при недостаточных данных устранять муки сомнения и опасностей колебаний. Когда у человека есть доста-

¹ Проницательность, интуиция. (Примеч. пер.)

точные данные, объективные или субъективные, истинные или ложные, говорить о его решимости нет никаких оснований.

Итак, решимость, побеждающая все сомнения, может быть вызвана только разумом, причем своеобразной его нацеленностью. Одно сочетание выдающихся умственных способностей с мужеством еще не составляет решимости. Есть люди, обладающие острейшей проницательностью по отношению к самым сложным проблемам, которые не боятся ответственности и все же в трудных ситуациях не могут принять решения. Предвестником решения является умственная работа, в результате которой осознается необходимость риска. Именно это довольно необыкновенное направление ума, которое побеждает в человеке любой другой страх страхом перед колебаниями и медлительностью, и есть то, что вырабатывает в сильных характерах решимость; следовательно, по нашему мнению, люди с ограниченным умом никогда не могут быть решительными. Если кому-то наше утверждение покажется необыкновенным, потому что он знает много решительных офицеров, которые не являются глубокими мыслителями, мы должны напомнить ему, что речь идет об особой направленности ума, а не о великих мыслительных способностях.

Можно привести множество примеров людей, которые проявляли огромную решительность, занимая невысокий пост, и теряли ее, оказываясь выше, на более ответственной должности. Такие люди видят опасность неправильного решения, но не в состоянии охватить порученное им дело, и их разум теряет первоначальную силу; они становятся тем более робкими, чем больше осознают опасность охватившей их нерешительности.

От *coup d'oeil* мы естественным образом переходим к разговору о *присутствии духа*, которое на войне играет огромную роль, потому что это не что иное, как победа над неожиданным. Как мы восхищаемся присутствием духа при метком ответе на какую-то неожиданную фразу, так мы восхищаемся им при быстрой реакции на внезапную опасность. Ни ответу, ни реакции не обязательно быть необыкновенными самим по себе, если только они оказываются к месту.

Приписывается ли это благородное качество больше уму человека или его чувствам, зависит от случая. Эффектный, остроумный ответ свидетельствует скорее о развитом уме, а быстрая реакция при внезапной опасности подразумевает более уравновешенный характер.

Если в общих чертах рассмотреть четыре обстоятельства, образующие атмосферу, в которой протекает война, — *опасность, физическое напряжение, неуверенность и риск*, легко понять, что требуется огромная духовная и умственная сила, чтобы среди этой стихии уверенно и успешно продвигаться вперед. Эту силу мы подчас называем *энергией, твердостью, стойкостью, силой духа и характером*. Все эти проявления героической натуры можно рассматривать как одну и ту же силу воли, меняющуюся согласно обстоятельствам; но как бы ни близки между собой эти понятия, они все-таки различны по содержанию. Поэтому для нас желательно более подробно рассмотреть по крайней мере действие качеств души по отношению к ним.

До тех пор пока солдаты, исполненные мужества, сражаются страстно и воодушевленно, командиру редко предоставляется повод проявить огромную силу воли при достижении своей цели. Но как только возникнут затруднения, а это всегда случается, когда на кону великие результаты, тогда дело не идет само собой, как хорошо смазанная машина. Теперь сама машина начинает оказывать сопротивление, и, чтобы преодолеть его, командиру потребуется огромная сила воли. Под этим сопротивлением не следует подразумевать неподчинение или ропот; это ощущение полного упадка всех физических и моральных сил солдат, душераздирающее зрелище кровавых жертв. Командиру придется бороться с этими внутри себя, а затем и среди подчиненных, прямо или косвенно сообщающих ему свои впечатления, чувства, тревоги и желания. Когда его дух ослабевает настолько, что командир не может воодушевлять других, массы увлекут такого командира за собой в низменную область животной природы, которая, не ведая стыда, бежит от опасности. Это то бремя, которое должны преодолеть мужество и умственные способности военачальника, если он хочет прославить свое имя.

Энергия действия отражает силу движущих побуждений, при этом эти побуждения могут быть вызваны как убеждением разума, так и эмоциями духа. Последние необходимы, если требуется проявление больших усилий.

Твердость означает сопротивление воли силе единичного удара, *стойкость* — сопротивляемость продолжительному натиску. Хотя эти два понятия очень близки и часто одно выражение употребляют вместо другого, все же между ними есть значительная разница, которую невозможно не заметить, поскольку твердость по отношению к одному единичному силовому напору может опираться лишь на силу чувств, а стойкость должна поддерживаться разумом. Ведь стойкость черпает свою силу в планомерности, с которой связана всякая продолжительная деятельность.

Теперь рассмотрим *силу темперамента*, и первый вопрос прозвучит так: что следует под этим понимать?

Ясно, что это не бурное выражение чувств, не восторженные страсти, а способность повиноваться рассудку даже в моменты самого сильного возбуждения, в вихре самых бурных страстей. Это чувство уравнивается не чем иным, как чувством человеческого достоинства, благороднейшей гордостью, глубочайшей душевной потребностью всегда и везде действовать как существо, наделенное интеллектом или разумом.

Под *силой характера* или просто *характером* понимается твердость убеждения; но этот вид твердости, безусловно, не может проявиться, если сами взгляды часто меняются. Очевидно, что о человеке, который часто меняет свои взгляды, какими бы ни были причины этих перемен, нельзя сказать, что он обладает характером.

На войне под влиянием многочисленных и сильных впечатлений, которым подвергается ум, неуверенности в любых сведениях и знаниях у человека значительно больше возможностей сбиться с пути, ввести себя и других в заблуждение, чем в любой другой области человеческой деятельности.

Здесь человеку зачастую ничто не может помочь, кроме одного руководящего правила, которое, независимо от размышления, может господствовать над ним. Это правило заключается в том, чтобы во всех сомнительных слу-

чаях придерживаться первого мнения и отказываться от него только по получении вполне убедительных данных. Нужно твердо верить в справедливость испытанных основных принципов и под ослепительным влиянием мимолетных событий не забывать, что их ценность гораздо ниже. Если во всех сомнительных случаях мы отдадим предпочтение первоначальным установкам и этим засвидетельствуем верность и стойкость, наши действия приобретут устойчивость и постоянство, которые и называются характером.

Сила характера ведет нас к ее уродливой разновидности — упрямству.

Часто очень сложно в конкретных случаях сказать, где кончается одно и начинается другое; но разницу в понятиях определить несложно.

Упрямство — это дефект темперамента. Неподатливость воли, неприятие противоречий происходят от особого рода самолюбия, для которого высшее удовольствие — властвовать только своим умом над собой и другими. Можно назвать это своего рода тщеславием, но оно все же лучше упрямства. Тщеславие удовлетворяется видимостью, тогда как упрямство зиждется на получаемом удовольствии.

Сила характера переходит в упрямство всякий раз, когда сопротивление чужим взглядам вытекает не из уверенности в своей правоте или следования высшим принципам, а из чувства противоречия. Если это определение фактически мало помогает на практике, оно все же не позволяет нам считать упрямство признаком сильного характера.

Познакомившись с высокими качествами великого военачальника, в которых совместно проявляются дух и разум, перейдем теперь к одной черте военной деятельности, которую, вероятно, можно считать самой яркой, если не самой важной. Она не зависит от духовных сил, а лишь от умственных способностей. Это связь, существующая между войной и местностью или территорией.

Эта связь, во-первых, является неизменным условием войны, потому что невозможно представить действия сформированной армии, совершаемые вне определенного пространства; во-вторых, она необычайно важна потому, что

накладывает отпечаток на действия всех сил, а порой совершенно их изменяет; в-третьих, эта связь то упирается в детальные особенности данного участка, то охватывает широчайшие пространства.

Военачальник вынужден приспособить свою деятельность к пространству, на котором ему предстоит действовать и которое при самом большом усердии он не может ни осмотреть, ни исследовать. Постоянная смена событий редко позволяет детально ознакомиться с этим пространством. Конечно, противник обычно находится в таком же положении; и все же трудности, хотя и общие для обоих, не перестают быть трудностями, и тот, кто с помощью своего таланта и опыта их преодолевает, получит огромное преимущество.

Эти совершенно необычные трудности должны быть преодолены природным свойством ума, которое определяется таким слишком ограниченным термином, как чувство местности (Ortsinn). Это способность быстро и правильно составить геометрическое представление о любой местности и, следовательно, оказаться в нужном месте в нужное время. Это просто работа воображения. Восприятие, несомненно, формируется отчасти при помощи физического зрения, а отчасти при помощи рассудка, отточенного знаниями и опытом, который формирует целое из фрагментов, видимых глазом. Но для того чтобы это целое живо предстало перед сознанием, стало картиной, мысленно начерченной картой, детали которой не распадаются и остаются в памяти надолго, нужна духовная сила, которую можно назвать воображением, фантазией.

Естественно, масштаб проявления этого таланта увеличивается вместе с рангом. Если гусар или стрелок, командир патруля, ведя свой дозор, обязан хорошо знать все дороги и тропинки и для этого достаточно лишь ограниченных умственных способностей, то командующий армией должен быть знаком с основными географическими особенностями провинции и даже страны. Он должен всегда живо представлять себе направления дорог, течение рек, расположение горных хребтов и, кроме того, обладать способностью детально понимать подробности местности, то есть обладать чувством местности. Несомненно, ему

очень помогает самая различная информация: сами объекты, карты, книги, мемуары, а также деятельность штаба. Но все же, безусловно, если он сам обладает талантом быстро и четко формировать идеальный образ местности, это помогает ему действовать легче и тверже, спасает от некоторой внутренней беспомощности и делает менее зависимым от других.

Кажется, мы рассмотрели все проявления умственных и духовных сил, которых требует от человека военная деятельность. Разум везде выступает как основная сила; и поэтому понятно, что военная деятельность, казалось бы, такая простая на первый взгляд, никогда не может успешно осуществляться людьми, лишенными выдающихся умственных способностей.

ОПАСНОСТЬ И НАПРЯЖЕНИЕ СИЛ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

До тех пор пока мы сами не узнаем, что такое настоящая опасность, у нас складывается о ней скорее привлекательное, нежели отталкивающее представление. В опьянении энтузиазмом броситься на врага — кто будет здесь обращать внимание на свист пуль и падающих людей? Зажмуришь на мгновение глаза, броситься навстречу смерти, не зная наверняка, предназначена она тебе или другим, и все это на самом пороге золотых ворот победы, у этого спелого плода, которого так жаждет наше тщеславие — может ли это быть трудным? Конечно, не трудно, но и не так легко, как может показаться. Таких мгновений на войне будет мало, а вот опасность дело не мгновенное, как кажется многим, и ее придется испытывать длительное время понемногу, как принимать горькую микстуру, прописанную доктором.

Молодой солдат, впервые попавший в бой, не минует опасностей всех уровней, не поняв, что мысль здесь пробуждают совсем другие силы и свет разума не распространяется здесь так, как при обычной умственной деятельности. Нужно быть совершенно необыкновенным человеком, чтобы под влиянием впечатлений, полученных

в первый раз, не потерять способности принимать мгновенные решения. Правда, привычка вскоре притупляет острые впечатления; через полчаса мы становимся более или менее безразличными ко всему, что происходит вокруг нас. Но обычный человек никогда не может прийти до полного спокойствия и естественной гибкости ума; и поэтому мы понимаем, что здесь недостаточно обычных качеств, и чем шире круг действий, тем выше требования. Нужны восторженная, стоическая, прирожденная храбрость, огромное честолюбие или также старая привычка к опасности и еще многое, чтобы в такой обстановке добиться результата не ниже нормы, которая в тиши кабинета кажется совершенно обыкновенной.

На войне существует много явлений, которые не поддаются нормированию, среди них можно особо отметить физическое напряжение. Способность к физическому напряжению, если она не растрачена заранее, обуславливает проявление всех сил человека, и никто не может точно сказать, до какой степени она может прийти. Как более сильный стрелок ту же натягивает тетиву лука, так и на войне более сильному духом удастся добиться от своих войск большего напряжения сил, которое можно разделить на два вида. Один, когда после страшного поражения армия, попавшая в катастрофическую ситуацию, распадается на части, как стена, которую сносят, с величайшим напряжением физических сил ищет спасения; и другой, когда полководец ведет свою гордую победоносную армию. Степень напряжения, которая в первом случае вызывает только сострадание и жалость, в другом — вызывает восхищение, потому что добиться ее гораздо труднее.

Мы коснулись здесь физического напряжения в основном потому, что, как и опасность, оно является одной из основных причин возникновения препятствий, помех и осложнений, и потому, что его неопределенная величина приближает его к природе эластичных тел, сопротивление которых, как хорошо известно, трудно поддается исчислению.

Особое внутреннее чувство, которым наделила нас природа, предостерегает нас против злоупотребления ссылками на опасности и напряжение на войне. Подобно тому как

человек ничего не выиграет, когда, подвергшись оскорблениям или плохому обращению, будет ссылаться на свою слабость. Напротив, он выставит себя в лучшем свете, сославшись на нее после того, как ему удастся восторжествовать над обидчиком или блестяще отомстить ему. Так и ни один полководец, ни одна армия, ссылаясь на опасности, тяготы и напряжение, не исправят впечатления от позорного поражения, но те же трудности усилят блеск одержанной победы. Таким образом, наше сознание, которое, в конце концов, есть всего лишь высший род суждения, не позволяет нам проявить снисходительность к побежденному, к которой склонен наш рассудок.

ИНФОРМАЦИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Словом «информация» мы обозначаем всю совокупность знаний, имеющихся у нас о противнике и о его стране, они являются фактически основой всех наших планов и действий. Достаточно лишь вникнуть в природу этой основы, в ее недостоверность и изменчивость, чтобы почувствовать, как ненадежно основанное на ней построение планов войны, как легко все может развалиться и похоронить нас под своими обломками.

Огромная часть информации, получаемая на войне, противоречива, еще большая часть ложна и гораздо большая часть сомнительна. От командира требуется некоторое умение различать информацию, что может дать только знание людей и жизненный опыт. При оценке различных сведений командир должен руководствоваться их вероятностью. Большие затруднения возникают уже при составлении планов войны в кабинете, вне реальных условий театра военных действий. В обстановке же боевых действий такие затруднения возрастают еще больше, когда одно сообщение следует за другим. Хорошо, если в этих сообщениях, противоречащих друг другу, существует явное несоответствие, вызывающее критическое отношение к ним, что тем самым дает нам чувство безопасности. Для неопытного человека гораздо хуже, когда случай отказывает ему в этой услуге: одно сообщение подтверждает и преувели-

чивает другое, раскрашивая общую картину новыми красками. Наконец, необходимость заставляет нас в спешном порядке принять решение, которое вскоре окажется глупым, а все эти сообщения ложными, преувеличенными, ошибочными и т. д.

Как правило, люди больше склонны верить в плохое, чем в хорошее, и в некоторой мере преувеличивать плохое. Твердо уверенный в превосходстве своих внутренних знаний, полководец должен стоять, как скала, о которую в бессильной ярости бьются волны сомнений. Эта роль не легка. Впечатление чувств сильнее представления разумного расчета, и оно заходит настолько далеко, что ни одно важное начинание никогда не претворяется в жизнь без того, чтобы полководец, приступая к делу, не засомневался в себе. Твердая уверенность в себе придает ему стойкость против кажущегося давления момента; это первоначальное убеждение в конце концов подтвердится ходом дальнейших событий, когда кулисы, выдвинутые судьбой на авансцену войны, с их размалеванными образами различных опасностей, отодвинутся в сторону, и горизонт расширится. Это одна из великих пропастей, разделяющих *составление плана от его исполнения*.

ПРЕПЯТСТВИЯ И ПОМЕХИ НА ВОЙНЕ

Пока человек лично не узнает, что такое война, он не поймет, в чем заключаются трудности, о которых так много говорят, и что такое на самом деле военный гений и необыкновенные умственные способности, требуемые от полководца. Все представляется простым: все необходимые знания — ясными, все комбинации — несущественными; по сравнению с ними легчайшая задача высшей математики производит более значительное впечатление своим научным величием. Но если человек видел войну, все становится понятно.

На войне все очень просто, но эта простота представляет трудности. Эти трудности накапливаются и становятся причиной помех, которые человек, не видевший войну, не может себе вообразить. Представим себе путешествен-

ника, который надеется к вечеру завершить два этапа своего путешествия; четыре или пять лье (1 лье старинное — 4,444 км; почтовое — 3,89808 км, есть и другие. — *Ред.*) на почтовых лошадях по шоссе — пустыки. Он приезжает на предпоследнюю станцию, а там или очень плохие лошади, или их нет вообще; а дальше гористая, разбитая дорога и наступает ночь. Он счастлив, когда, после стольких трудностей, прибывает на следующую станцию и находит там хоть какой-то ночлег. Так и на войне, из-за бесчисленного множества мелочей, которые невозможно должным образом описать на бумаге, обстоятельства складываются не так, как планировалось, и человек далеко отстает от намеченной цели. Целеустремленность и твердость преодолевают эти помехи; военачальник преодолевает препятствия, но, безусловно, в процессе этого страдает и сам (как и военная машина — совокупность сил и средств под началом полководца. — *Ред.*).

Препятствия и помехи — это то, что в общих чертах отличает настоящую войну от войны бумажной. Военная машина, армия и все к ней относящееся на самом деле просты, и поэтому кажется, что ими легко управлять. Но вспомним, что ни одна ее часть не сделана из одного куса, что она состоит из индивидуальностей, каждая из которых испытывает свои помехи. Опасности и физическое напряжение, неизбежные на войне, увеличивают это зло настолько, что их нужно рассматривать как важнейший его источник.

Эти ужасные помехи везде вступают в контакт со случайностью и вызывают явления, которые невозможно предугадать. Подобной случайностью может оказаться, например, погода. В одном месте туман не позволил вовремя обнаружить противника, помешал открыть огонь батарее, доставить донесение генералу. В другом — дождь помешал батальону подоспеть в срок, потому что вместо трех часов ему пришлось шагать восемь. В третьем — он помешал атаке кавалерии, потому что она увязла в размокшем глинистом грунте.

Деятельность на войне подобна движению в сопротивляющейся среде. Как человек, погруженный в воду, не может легко и правильно выполнять самые естественные и

простые движения, например ходить, так и на войне человеку с обыкновенными способностями невозможно даже выйти за рамки посредственности.

Знание этих возможных препятствий и помех — основная часть военного опыта, о котором так много говорят и которым должен обладать хороший полководец. Разумеется, полководец, придающий возможным сложностям исключительное значение и испытывающий к ним благоговение, не будет лучшим. Но он должен знать о них и уметь их преодолевать там, где это возможно, а также не ждать точности действий там, где она невозможна именно из-за этих помех.

Так что же, нет средств снизить издержки от возникших трудностей? Только одно, и оно не всегда доступно командующему армией. Это — привычка армии к войне.

Привычка приучает тело к огромным напряжениям, душу — к опасности, рассудок — к осторожности против первых впечатлений.

Подобно тому как человеческий глаз, в темноте расширяя зрачки, использует слабый свет, имеющийся в помещении, и начинает постепенно различать предметы, а в конце концов хорошо разбираться в них, так и опытный солдат может ориентироваться на войне, в то время как перед неопытным новобранцем расстилается лишь крошечная ночная тьма.

Ни один полководец не может сразу дать армии привычку к войне, а маневры (мирные упражнения) являются лишь слабой ее заменой, слабой по сравнению с настоящими военными испытаниями, но не такой уж слабой по сравнению с другими войсками, где подготовка сводится лишь к заурядным механическим упражнениям. Организация в мирное время таких упражнений, которые дают понятие хотя бы о части возможных на войне препятствий, помех и осложнений, развивает в отдельных командирах способность к суждению, осмотрительность и даже решимость гораздо существеннее, чем полагают те, кто не знает это по собственному опыту. Очень важно, чтобы военному, в каком бы чине он ни был, не пришлось столкнуться на войне с теми трудностями, которые, увиденные впервые, потрясают и приводят в недоумение.

Если же он прежде сталкивался с подобным хотя бы раз, он уже наполовину знаком с ними. Это относится даже к физической усталости. Для того чтобы к ней привыкнуть, надо тренировать ум не меньше, чем тело. На войне молодой солдат склонен считать требуемое от него напряжение сил следствием ошибок и затруднений руководства и впадать из-за этого в уныние. Этого не случится, если он готов к этому заранее благодаря тренировкам в мирное время.

Поэтому государство, которое давно пребывает в состоянии мира, всегда стремится заполучить офицеров, которые служили на различных театрах военных действий, или послать туда своих офицеров, чтобы они могли поучиться искусству ведения войны.

Глава 2

О ТЕОРИИ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

ВЕТВИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Война по существу своему — сражение, потому что только сражение является решающим актом многообразной деятельности, которая в широком смысле слова называется войной. Сражение — это испытание моральных и физических сил противников при их столкновении. Само собой разумеется, что нельзя упускать из вида духовные силы, потому что состояние духа оказывает самое решительное влияние на военные силы.

Необходимость борьбы издавна заставляла людей прибегать к специальным изобретениям, имеющих целью получить преимущества перед противником; в результате методы борьбы претерпели огромные изменения; но, как бы она ни велась, лежащая в основе ее идея остается неизменной и определяет сущность войны.

Война определяет все имеющее отношение к оружию и устройству войск, а они, в свою очередь, изменяют методы борьбы; следовательно, эти два явления взаимосвязаны.

Военное искусство, в собственном смысле этого слова, есть искусство использования имеющихся средств борьбы, и для него не подобрать лучшего определения, чем «*ведение войны*». С другой стороны, в более широком смысле слова, вся деятельность, которая существует благодаря войне: формирование войск, их комплектование, оснащение, экипировка и обучение относятся к искусству войны.

Ведение войны — это правильная расстановка сил и ведение боя. Если бы борьба была единичным актом, не было бы необходимости в дальнейшем подразделении теории ве-

дения войны, но борьба состоит из большего или меньшего числа единичных актов, имеющих самостоятельное значение, которые мы называем частными боями и которые образуют новое целое. Из этого проистекают два совершенно различных вида деятельности, такие как *организация этих частных боев и их ведение и увязка их с общей целью войны*. Первая называется *тактикой*, вторая — *стратегией*.

Тактика — *это учение об использовании военных сил в бою*. Стратегия — *это учение об использовании боев в целях войны*.

Наша классификация касается лишь *использования военных сил*. Но на войне есть ряд видов деятельности, помогающих использованию вооруженных сил, но несколько отличающихся от него; иногда значительно, иногда не очень. Все эти виды деятельности относятся к *сохранению вооруженных сил*. Но, строго говоря, все подобные виды деятельности, связанные с войной, всегда надо рассматривать лишь как подготовку к ней. Следовательно, мы имеем право отделить их от военного искусства, от непосредственного ведения войны; и мы обязаны сделать это, подчиняясь принципу всех теорий: отделять друг от друга неоднородные явления. Кто станет включать в настоящее «ведение войны» всю канитель продовольственной и административных служб, хотя они и находятся с ним в постоянном взаимодействии?

Деятельность вне боя чрезвычайно разнообразна. Та, что относится к самой борьбе, — это *марши, лагеря и квартиры*.

Та, что относится к обеспечению и сохранению вооруженных сил, — это *продовольствие, забота о больных, поставка и ремонт оружия и снаряжения*.

Марши идентичны использованию войск. Сам акт марша в бою, обычно называемый маневрированием, естественно, не всегда включает в себя использование оружия, но он настолько тесно и обязательно сочетается с вооруженной борьбой, что образует неотъемлемую часть того, что мы называем боем. Марш же вне боя является не чем иным, как выполнением стратегического замысла. Стратегический план устанавливает, *где, когда и с какими силами* должен произойти бой, и марш является единственным средством осуществления этого плана.

Поэтому марш вне боя — инструмент стратегии, но не принадлежит только ей. Если мы прикажем колонне идти по определенному берегу реки или вдоль отрога горной цепи, тогда это стратегическое задание, потому что оно содержит в себе намерение дать бой на определенной стороне гор или реки, предпочтя ее другой, в том случае если во время марша возникнет необходимость в бое.

Но если колонна, вместо того чтобы следовать по дороге через долину, будет двинута вдоль параллельной гряды высот или для удобства марша будет разделена на несколько колонн, тогда это тактическое задание, потому что оно определено тем способом, которым мы воспользуемся войсками в ожидаемом бою.

Лагерь, под которыми мы подразумеваем любое расположение войск в сосредоточенном, то есть боевом порядке, в отличие от квартир, являются местом отдыха, а следовательно, восстановления сил. Но они в то же время являются стратегической обстановкой битвы на выбранном месте. При этом порядок их расположения уже содержит в себе основные направления боя, условие, с которого начинается любой решающий бой. Следовательно, расположение лагерей — существенные части и стратегии, и тактики.

Расквартирование войск приходит на смену лагерям для лучшего восстановления сил военнослужащих. Поэтому квартиры, как и лагеря, относятся к стратегии с точки зрения местонахождения и размера занятой площади, а по внутренней организации, нацеленной на готовность к бою, к тактике.

Занятие лагерей и квартир обычно помимо отдыха преследует и другие цели: прикрытие известного района, удержание какой-то позиции; но часто это может быть только отдых. Напомним читателю, что стратегия может преследовать самые разнообразные цели, потому что все, что представляет для нее выгоду, может служить целью данного боя, а сохранение инструмента, с помощью которого ведется война, очень часто становится предметом ее отдельных комбинаций.

Но если сохранение войск в лагерях и на квартирах сопровождается деятельностью, не являющейся сферой деятельности вооруженных сил (например, постройка казарм,

разбивка палаток, снабжение продовольствием и санитарные работы в лагерях и на квартирах), тогда это не относится ни к стратегии, ни к тактике.

Среди деятельности, относящейся только к сохранению вооруженных сил, но не имеющей никакого отношения к бою, на первое место выступает снабжение войск продовольствием, так как это должно делаться почти ежедневно и для каждого человека. Часто бывает, что забота о продовольствии в значительной степени определяет главные стратегические черты кампании или войны.

Другие ветви административной деятельности, которые мы упомянули, имеют гораздо более далекое отношение к использованию войск. *Забота о больных и раненых*, очень важная для армии, напрямую влияет только на небольшую часть людей, ее составляющих, и поэтому имеет лишь слабое и косвенное влияние на остальных. *Комплектование войск и пополнение оружия и снаряжения* не является постоянной деятельностью самих вооруженных сил и происходит лишь периодически и редко влияет на составление стратегических планов.

Однако тут нужно оговориться. В некоторых случаях эти вопросы могут действительно иметь решающее значение. Отдаленность госпиталей и оружейных складов может часто оказаться единственной причиной очень важных стратегических решений. Но сейчас нас занимает не значение таких фактов в отдельных случаях, а абстрактная теория ведения войны.

Подводя итог наших размышлений, можно сделать вывод, что различные виды военной деятельности разделяются на две категории: *подготовку к войне и саму войну*. Следовательно, это разделение должно быть сделано в теории.

Настоящая теория будет трактовать бой как истинную борьбу, а марши, лагеря и квартиры как обстоятельства, более или менее схожие с ней. Снабжение войск как деятельность, не имеющая отношения к бою, будет рассматриваться как *другие данные обстоятельства*, влияющие на конечный результат.

Военное искусство, если его рассматривать в ограниченном смысле этого понятия, разделяется на тактику и стратегию. Первая занимается подготовкой и проведением от-

дельных боев, а вторая — использованием результатов этих боев и сражений. Обе затрагивают такие обстоятельства, как марши, лагеря, квартиры, только через призму боя, и эти обстоятельства являются тактическими или стратегическими в зависимости от того, касаются ли они оформления боя или его значения.

Несомненно, найдется много читателей, которые сочтут излишним подобное тщательное разграничение двух таких близких понятий, как тактика и стратегия, потому что оно не влияет напрямую на ведение самой войны. Разумеется, мы признаем, что было бы педантизмом искать прямых эффектов теоретических различий на поле боя.

Первая задача любой теории — привести в порядок неясные и чрезвычайно путанные понятия и представления; и только когда появятся точные названия и понятия, можно надеяться на большую ясность и легкость рассмотрения вопросов.

ТЕОРИЯ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Прежде под термином «искусство войны» и «военная наука» понималась лишь совокупность тех ветвей знания и той практики применения искусства войны, которые заняты материальными проблемами.

В искусстве осады прежде всего чувствовалась некоторая степень руководства боем, что-то вроде влияния интеллектуальных способностей на материальные силы, попавшие под их контроль, но очень скоро эти силы приобретали новые материальные формы, такие как подходы, траншеи, контрнаступления, батареи и т. д.

Впоследствии тактика пыталась придать субъектам и объектам, которыми занималась, характер некоего общего распорядка, учитывающего особенности армии, что вело теорию на поле боя, но там не было простора для свободной работы ума и воли, там действовала армия, построенная как автомат.

Ведение войны в собственном смысле слова, то есть использование подготовленных средств, приспособленных к особым требованиям, не считалось подходящим предметом

теории, а предметом, который следовало оставить лишь природным талантам.

Поскольку непрерывно шло накопление опыта прошедших войн и его критическое осмысление, возникало настойчивое желание ввести установленные правила, чтобы в спорах, естественно возникающих вокруг военных событий, борьба мнений могла бы прийти к определенному соглашению.

Из всех факторов, которыми обуславливается победа, было выбрано численное превосходство, потому что его можно подчинить математическим законам, комбинируя со временем и пространством. Было бы очень хорошо, если бы это было сделано временно, для того чтобы изучить этот фактор на фоне сопровождающих его обстоятельств. Но считать численное превосходство основополагающим фактором и видеть весь секрет военного искусства в формуле *«сосредоточить в определенное время в определенном месте численно превосходящие массы»* было бы ограниченностью, которая не выдержала бы столкновения с реальными событиями.

Один остроумный автор попытался сосредоточить в единственном понятии *базы* кучу разнообразных обстоятельств. Список включал в себя снабжение войск, их комплектование и экипировку, безопасность, связи с родиной и, наконец, безопасность отступления в случае необходимости. Прежде всего он предложил заменить понятие «база» всеми этими факторами; потом саму базу подменить на ее протяженность (длину); и, наконец, подставить угол, образуемый армией и этой базой. И все это делалось лишь для того, чтобы достичь полностью бесполезного геометрического результата.

Идея базы по-настоящему необходима для стратегии; но воспользоваться ей так, как предложил этот автор, совершенно невозможно, ибо это лишь приведет нас к односторонним выводам, которые увлекли этого теоретика в совершенно нелепом направлении, а именно к вере в решающий эффект форм всего того, что окружает подготовку наступления.

Как реакция против этого ложного направления, на трон был возведен другой геометрический принцип. Хотя этот

принцип основан на здравом смысле, на той истине, что бой есть единственное эффективное средство на войне, он все же, из-за своей геометрической природы, не что иное, как очередной случай однобокой теории.

Все эти попытки создать теорию следует считать прогрессом в поисках истины, но только в их аналитической части, синтетическая же их часть — правила и предписания — совершенно бесполезна.

Все они стремятся к определенным величинам, тогда как на войне все неопределенно, и вычисления всегда производятся с переменными величинами.

Они обращают все внимание только на материальные силы, а ведь любые военные действия проникнуты духовными силами и их влиянием.

Они обращают внимание лишь на действия одной стороны, тогда как война — это постоянное взаимодействие противоборствующих сторон.

Все, что не поддавалось постижению с помощью подобной жалкой философии, результата пристрастных взглядов, находилось за пределами науки и относилось к сфере гения, который *сам по себе правил выше всех*.

Жаль того воина, который довольствовался узкими границами этих правил!

Жаль теорию, которая противостоит разуму! Она не может исправить противоречия никакими унижениями, и чем больше унижение, тем скорее насмешка и презрение изгонят ее из реальной жизни.

МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА НА ВОЙНЕ

Деятельность на войне никогда не бывает направлена только против одной лишь материи; она всегда также направлена против моральных сил, дающих жизнь этой материи, и отделить одно от другого невозможно.

Всемирно известен моральный эффект неожиданного нападения с фланга или с тыла. Все считают трусом отступающего врага и больше рискуют, преследуя, чем тот, кого преследуют. Все судят о вражеском генерале по его репутации, возрасту и опыту и этим руководствуются в своих действиях.

ях. Тщательно взвешивают боевой дух и настроение своих и вражеских войск. Все эти и подобные действия в области моральной природы человека постоянно подтверждаются опытом и поэтому не позволяют нам не считаться с ними. Что может получиться, если следовать теории, которая оставила бы их без внимания?

Чтобы ясно понять сложность задачи, содержащейся в теории ведения войны, мы должны внимательнее рассмотреть основные особенности, которые составляют природу военной деятельности.

Первая из этих особенностей заключается в морально-психологических качествах и воздействиях на них.

Сражение изначально является выражением *враждебных чувств*, но в наших великих битвах, которые мы называем войнами, враждебные чувства зачастую превращаются во враждебные *намерения*, и обычно ни один человек не испытывает природного враждебного чувства к отдельному врагу. Тем не менее любой бой никогда не обходится без подобных чувств; ведь акт насилия, который враг совершает над нами по приказу своего командира, возбудит в нас желание отомстить этому врагу прежде, чем наши чувства обернутся против высшей власти, по чьей воле совершается акт. Называйте это как хотите — по-человечески или по-зверски, — но тем не менее это так.

Кроме этого возбуждения чувств, порождаемых самим боем, есть также другие, которые в основном не имеют к нему отношения, но ввиду сходства легко соединяются с ним, — честолюбие, властолюбие, всевозможное воодушевление и т. д. и т. п.

Наконец, бой порождает стихию опасности, в которой вся военная деятельность живет и двигается, как птица в воздухе или рыба в воде. Действие опасности влияет на чувства — или прямо, то есть инстинктивно, или посредством разума. В первом случае первым возникнет желание бежать от опасности, а если это невозможно, появляются страх и тревога. Если таких желаний не возникнет, значит, *мужество* перевешивает эти инстинкты. Мужество, однако, никоим образом не есть акт рассудка, а представляет собой такое же чувство, как страх; только последний направлен на физическое сохранение, а мужество — на мо-

ральное. Значит, мужество — инстинкт более благородный. Но именно поэтому его нельзя использовать как физический инструмент, действующий в точном соответствии с предписанной мерой. Следовательно, мужество — это не просто противовес опасности, направленный на нейтрализацию ее действия, а самостоятельная величина.

Но чтобы точно оценить влияние опасности на основных участников войны, не следует ограничиваться физической опасностью, грозящей в данный момент. Она действует на командира, не только угрожая ему, но также угрожая всем вверенным ему людям. Это действие происходит не только в момент непосредственной опасности, но и в любое другое время, имеющее, по нашему представлению, отношение к данному моменту. Наконец, опасность действует не только напрямую, но и опосредованно, через ответственность, которая давит на командира с десятикратной силой. Кто мог бы советовать или принимать решения во время великой битвы, не испытывая большего или меньшего духовного напряжения или смущения перед опасностью и ответственностью, связанными с великим актом принятия решения? Можно сказать, что действия на войне, если это настоящие действия, а не просто присутствие, всегда сопряжены с опасностью.

Рассматривая эти моральные силы, возбуждаемые враждебностью и опасностью, как особенности войны, мы не исключаем все другие моральные силы, сопровождающие человека на жизненном пути. Разумеется, можно сказать, что влияние мелких страстей в такой серьезной сфере жизни приглушается; но это относится только к тем, кто действует на низших ступенях.

В высших сферах иначе, потому что чем выше ранг человека, тем шире должен быть его кругозор; тогда возникают всесторонние интересы и многообразная игра страстей, и добрых, и злых. Зависть и великодушие, гордость и унижение, жестокость и нежность, все это может оказаться активной силой в этой великой драме.

Второй особенностью военных действий является живое противодействие и вытекающее из него взаимодействие. Воздействие, которое оказывает на противника какое-либо наше мероприятие, является наиболее индивидуальным из

всех видов военной деятельности; но всякая теория должна классифицировать явления и не может включать в себя чисто индивидуальные случаи. Естественно поэтому, что такой деятельности, как военная, где осуществлению плана, построенного на обстановке в целом, где так часто мешают неожиданные и единичные случаи, больше простора должно быть предоставлено таланту, чем указаниям теории.

Наконец, огромная недостоверность всех данных на войне является особой трудностью. Все действия ведутся до известной степени в неопределенности, которая создает иллюзию преувеличения и причудливости.

Учитывая все сказанное выше, приходится признать, что совершенно невозможно снабдить военное искусство подпоркой в виде строгой научной теории, которая во всех случаях поддерживала бы военного деятеля. Во всех случаях, когда он предоставлен своему таланту, он окажется далеко от этой теории, и последует тот же результат, о котором мы упоминали, когда говорили, что талант и гений действуют вне закона, а теория противоречит реальности.

Есть два способа избавиться от этого затруднения. Во-первых, то, что мы говорили о природе военной деятельности вообще, неприменимо в одинаковой мере к деятельности на различных постах.

Разделив военную деятельность по *содержанию*, легко заметить, что трудности не везде одни и те же, они уменьшаются по мере того, как действия проявляются в материальном мире, и возрастают по мере того, как они переходят в мир духовный. Поэтому легче теоретически определить порядок и ведение битвы, чем пользу от самой битвы. Одним словом, создать теорию для *тактики гораздо легче, чем для стратегии*.

Вторая благоприятная возможность создать теорию заключается в точке зрения, согласно которой ей совсем не обязательно требуется быть *руководством* для действий. Всегда, когда деятельность постоянно сталкивается с одними и теми же вопросами, с одними и теми же целями и средствами, такие вопросы должны стать предметом углубленного изучения. Такое изучение и является самой главной частью любой *теории*, и имеет преимущественное право на это название.

Если теория исследует явления, составляющие сущность войны, если она более четко разделит то, что на первый взгляд кажется слитным, если она укажет все свойства имеющихся средств и предскажет вероятные результаты их действий, если она ясно определит природу целей и озарит всю область войны светом критики — тогда она выполнит свой основной долг. Она станет путеводителем тому, кто хочет ознакомиться с войной по книгам; она осветит ему путь, облегчит понимание, воспитает его разум и защитит от ошибок.

Глава 3

О СТРАТЕГИИ В ОБЩЕМ

СТРАТЕГИЯ (ОПРЕДЕЛЕНИЕ)

Стратегия есть использование боя с целью выиграть войну; следовательно, она должна поставить цель всем военным действиям. Иными словами, стратегия формирует план войны и связывает с поставленной целью ряд действий, которые должны привести к достижению этой цели, то есть составляет планы отдельных кампаний и ставит задачи перед каждым сражением. Поскольку все это в значительной степени зиждется лишь на основе предположений, некоторые из которых оказываются неверными, а ряд других деталей нельзя определить заранее, то, само собой разумеется, стратегия должна следовать за армией на полях сражений, чтобы все разрешить на месте и внести необходимые изменения в генеральный план. Поэтому стратегия никогда не может отвлечься от военных действий.

Однако эта точка зрения не всегда была такой, что видно из давнего обычая предоставлять принятие стратегических решений правительству, а не главнокомандующему армией. Это возможно только тогда, когда правительство находится настолько близко от армии, что его можно считать ставкой главнокомандующего.

Теория тоже следует за стратегией в разработке планов военных действий, и, как можно справедливо заметить, она освещает существо явлений и их отношения друг с другом и выделяет то немногое, что кажется принципом или правилом.

Если мы вспомним, сколько важнейших факторов имеет отношение к войне, мы поймем, что для того, чтобы

учесть все эти факторы, требуются незаурядные умственные способности.

Монарх или полководец, который точно знает, как организовать войну согласно его целям и имеющимся у него средствам, который не делает ни слишком мало, ни слишком много, доказывает свою гениальность. Но влияние гениальности сказывается не столько в изобретении новых методов действия, которые сразу бросаются в глаза, сколько в успешном финальном результате в целом. Достойны восхищения точное осуществление молчаливых предположений, бесшумная гармония всего акта войны, которая проявляется только в конечном успехе.

Исследователь, который, идя от конечного успеха, пропускает признаки этой гармонии, склонен искать гений там, где его нет и быть не может.

Средства и формы, используемые стратегией, на самом деле настолько просты, настолько хорошо известны благодаря постоянным повторениям, что напыщенные отзывы о них кажутся здравомыслящему человеку просто нелепыми. Простой обход с фланга, что делалось тысячу раз, преподносится как доказательство блестящей гениальности, глубочайшей проницательности и даже обширнейших знаний.

Признаем: здесь не идет речь о научных формулах и проблемах; все отношения материальных факторов очень просты; верное понимание моральных сил сложнее. Однако сплетение явлений морального порядка и большое их разнообразие существует только в высочайших ветвях стратегии, там, где она граничит с политической наукой или, скорее, где они сливаются в одно целое, и там, где, как мы уже заметили, они больше влияют на то, «как много» и «как мало» надо сделать, чем на форму исполнения. Там, где последняя является основным вопросом, как в отдельных больших и малых событиях войны, влияние моральных качеств заметно сокращается.

Таким образом, в стратегии получается все очень просто, но из этого не следует, что все это очень легко. Поскольку целями и средствами государства определено, чего должна и чего может достигнуть война, то дорогу к этому найти легко. Но прямо следовать по этому пути, осуществлять план, не позволять себе тысячу раз отклоняться от

него из-за тысячи различных обстоятельств требует, помимо огромной силы характера, огромной ясности и твердости ума. Из тысячи человек, которые замечательны — кто своим умом, кто проницательностью, кто дерзостью или силой воли, — возможно, не найдется ни одного, кто соединил бы в себе все эти качества, которые выдвинули бы его из среды посредственностей на пути к блестящей военной карьере.

Может быть, это прозвучит странно, но для всех, кто знает войну с этой стороны, не подлежит сомнению тот факт, что для принятия важного решения в стратегии требуется гораздо большая сила воли, чем в тактике. В тактике нас торопит скорость событий; полководец чувствует, что они затягивают его в свой водоворот, против которого он не может бороться, не опасаясь вызвать самые пагубные последствия. Но он подавляет поднимающийся страх и смело движется вперед. В стратегии, где все идет медленнее, предоставлено больше места для наших собственных и чужих опасений, для возражений и угрызений совести, а также для неразумных сожалений о прошлом. В стратегии мы не видим собственными глазами хотя бы половину того, что видим в тактике, нам остается лишь догадываться и предполагать, поэтому и уверенность не так устойчива. Последствия таковы, что большинство полководцев топчутся в сомнениях и замешательстве, когда надо действовать.

А теперь бросим взгляд на историю — на кампанию Фридриха II в 1760 году, прославившуюся своими великолепными маршами и маневрами, непревзойденными шедеврами стратегического искусства, как утверждают критики. Неужели нас должно восхищать, что король сначала решил обойти правый фланг Дауна, затем левый, а затем снова правый и т. д.? Неужели в этом заключается глубокая мудрость? Нет, больше всего нас должна восхищать *проницательность* короля, который, имея очень ограниченные средства, преследовал великую цель, не предприняв ничего, что было бы за пределами его сил, и сделав *достаточно*, чтобы достичь этой цели.

Его целью было привести Силезию (захваченную Пруссией у Австрии в результате Войны за австрийское наслед-

ство в 1740—1748 гг. — *Ред.*) в безопасную гавань прочно гарантированного мира (закрепив захваченное. — *Ред.*).

Стоя во главе небольшого государства, во многих отношениях сходного с другими государствами и превосходящего их только в некоторых областях административного управления (армия Фридриха II достигала почти 200 тыс. человек, будучи самой большой в Западной Европе, при относительно небольшом населении), он не мог стать Александром Великим, а на месте шведского короля Карла XII (1682—1718, король с 1697) также разбил бы себе голову (имеется в виду вторжение Карла XII в Россию в 1708—1709 гг., закончившееся гибелью шведской армии при Полтаве). Поэтому в его способе ведения войны видна контролируемая сила, всегда хорошо уравновешенная и никогда не испытывающая недостатка в энергии, которая в самые критические моменты возвышается до потрясающих поступков, а в следующий момент снова спокойно парит, подчиняясь требованиям самых тонких поворотов политики. Ни тщеславие, ни жажда славы, ни месть не смогли заставить Фридриха II отклониться от своего курса, и только этот курс привел его к счастливому исходу борьбы. (Если бы не смерть царицы Елизаветы, после чего наследовавший ей поклонник Фридриха Петр III вернул своему кумиру все завоевания русского оружия, прусского короля ждал печальный конец. — *Ред.*)

Можно ли предположить, что все тактические маневры Фридриха II Великого могли быть осуществлены без большого сопротивления его военной машины? Может ли ум полководца управлять армией столь же легко, как землемер — астролэбией? Разве зрелище страданий голодных, жаждущих и страдающих боевых товарищей не разрывает тысячу раз сердца полководца и его генералов? Разве ропот и сомнения, их вызывающие, не достигают его уха? Хватило бы мужества у заурядного человека требовать от армии таких жертв, и разве такие действия не привели бы к деморализации армии, не подорвали бы дисциплину и, в свою очередь, воинскую доблесть, если бы все это не компенсировалось твердой уверенностью в величии и непогрешимости полководца? Вот к этому мы должны питать уважение; этими чудесами исполнения мы должны восхищаться. Но все это невозможно понять до конца, не

имея практического опыта войны. Тот, кто знает войну и военное дело только по книгам или упражнениям на плацу, не может осознать весь эффект этого противовеса в действии; *поэтому мы умоляем его принять на веру все, что он не способен получить из собственного практического опыта.*

МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА И ВОИНСКАЯ ДОБЛЕСТЬ

Моральные качества формируют силу духа, и это пронизывает все существо войны. Они имеют большое сходство с волей, приводящей в движение и руководящей всей массой материальных сил и средств.

Дух и прочие моральные свойства армии, генерала или правительства, настроение провинций, в которых бушует война, моральное воздействие победы или поражения — это данные сами по себе очень разнородные. Они могут оказывать самое различное влияние в зависимости от своего отношения к преследуемой нами цели и к обстановке, в которой мы находимся.

Хотя в книгах об этих вещах сказано мало или ничего, они все же относятся к теории искусства войны, как и все, что составляет войну. В каждом правиле, имеющем отношение к физическим силам, теория должна учитывать ту долю, которая может выпасть на моральные силы, иначе она опустится до категоричных положений, то слишком робких и сжатых, то слишком догматичных и широких. Даже самые бездушные теории бессознательно оказались вынужденными перенестись в царство морали: как, например, объяснить действие какой-либо победы, не принимая во внимание ее моральное воздействие? Поэтому большая часть явлений, которые мы будем рассматривать в этой книге, состоят наполовину из физических, наполовину из моральных причин и следствий. Можно сказать, что физические явления подобны деревянной рукоятке, тогда как моральные представляют собой отточенный клинок, выкованный из благородного металла.

Ценность моральных и духовных качеств и их зачастую невероятное влияние лучше всего подтверждается историей, и это самая щедрая и чистая пища, которую ум полковод-

ца извлекает из нее. В то же самое время следует заметить, что доказательства, критические исследования и ученые трактаты имеют меньшее значение, чем впечатления и единичные вспышки искр ума, сеющие семена мудрости.

Главные моральные и духовные силы — это *талант военачальника, воинская доблесть армии, национальное чувство*. Никто не может сказать, какая из них, в общем, наиболее важна, потому что очень сложно сказать что-нибудь о значении каждой порознь; но еще труднее сравнить значение одной по отношению к другой. Лучший выход — не пренебрегать ни одной из них.

Несомненно, в наше время армии достигли равного положения в отношении дисциплины и боевой готовности, и ведение войны, как сказали бы философы, приобрело естественную форму и превратилось в метод общий для всех армий. Поэтому теперь от полководцев нечего ждать применения специальных приемов военного искусства. Следовательно, нельзя отрицать, что при нынешнем положении дел большее влияние приобретает национальный дух и боевой опыт войск.

Национальный дух армии (энтузиазм, фанатическое рвение, вера, убеждения) больше всего проявляется в войне в горах, где каждый, до последнего солдата, предоставлен сам себе. Поэтому гористая местность — лучшая арена борьбы для народного ополчения.

Опыт, приобретаемый армией на учениях, и то закаленное мужество, спланивающее отдельные отряды как бы в один слиток, ярче всего проявляются в открытом поле.

Талант полководца больше проявляется в боях на пересеченной, холмистой местности. В горах у него слишком мало влияния на отдельные колонны, и руководить ими он уже не в силах; на открытых равнинах это проще и не истощает его сил.

Действия полководца должны опираться на эти неоспоримые, тесно соприкасающиеся друг с другом моменты.

Воинская доблесть армии отличается от простой отваги и еще более от воодушевления делом, за которое ведется война. Отвага, безусловно, является необходимой составляющей, но она, хотя и является природным даром некоторых людей, может воспитаться на войне у солдата армии

благодаря привычке и упражнениям и тогда принимает иное направление, чем у других людей. Она теряет порыв к необузданной деятельности и проявлению силы, характерным для отдельного человека, и подчиняется требованиям высшего порядка: послушанию, порядку, правилам и способу ведения войны. Воодушевление делом оживляет воинскую доблесть армии и усиливает ее пыл, но не является необходимой ее составляющей.

Война есть особенное занятие, но, как бы широко ни распространялись ее интересы, даже если призванное в армию все мужское население страны, способное держать оружие, имеет к ней призвание, она все равно остается делом, обособленным от прочих видов человеческой деятельности. Проникнуться духом и содержанием этого занятия, развить и пробудить в себе способность приспособляться к силам, действующим в нем, полностью осознать его разумом, научиться добиваться в нем уверенности и быстроты, быть полностью преданным ему, превратиться в исполнителя той роли, которая тебе отведена на войне, вот в чем проявляется в каждом солдате *воинская доблесть армии*.

Сколько бы трудов ни было приложено для того, чтобы соединить в одном человеке качества солдата и гражданина, и как бы ни старались представить войну общенациональной, никто никогда не сможет устранить профессиональное разнообразие военного дела; а раз это так, то те, кто этим делом занимается и пока они этим занимаются, всегда будут смотреть на себя как на своеобразную корпорацию, в правилах, законах и обычаях которой и фиксируются факторы войны. И это факт. Было бы ошибкой смотреть свысока на этот корпоративный дух («*esprit de corps*»), который может и должен существовать в большей или меньшей степени в любой армии. В том, что мы называем воинской доблестью армии, корпоративный дух является связующим средством между природными силами, образующими воинскую доблесть. На корпоративном духе быстрее нарастают кристаллы воинской доблести.

Армия, сохраняющая свой обычный боевой порядок под интенсивным огнем, никогда не поддающаяся панике, перед лицом настоящей опасности борющаяся за каждую пядь поля сражения, армия, гордая своими победами, которая

никогда не теряет чувства послушания, уважения и доверия к своим командирам даже после досадного поражения; армия, физические силы которой закалились в боях, привыкшая к лишениям и усталости, как мускулы спортсмена от упражнений; армия, которая рассматривает все свои труды как средства достижения победы, а не как проклятие, тяготеющее над ее штандартами, и которой всегда напоминает о ее долге и добродетелях короткий катехизис, состоящий всего из одного лозунга — лозунга о *чести ее оружия*, — такая армия наделена подлинным воинским духом.

Солдаты могут сражаться храбро, как вандейцы, и совершать великие дела, как швейцарцы, американцы или испанцы, не проявляя воинской доблести. Можно даже успешно действовать во главе регулярной армии, как это делали Евгений Савойский и Мальборо, не пользуясь ее поддержкой. Поэтому мы не вправе говорить, что без воинской доблести не может быть успешной войны; и мы обращаем на это особое внимание, чтобы не создалось мнение, будто воинская доблесть есть все и вся. Это не так. Воинская доблесть армии — это определенная моральная сила, которой может не хватать и влияние которой поэтому можно оценить, как можно рассчитать силу любого орудия.

Охарактеризовав ее таким образом, теперь мы обсудим, что можно сказать о ее влиянии и какими средствами можно ее приобрести.

Воинская доблесть для войсковых частей значит то же, что гений полководца для целого. Полководец может руководить лишь целым, а не каждой отдельной частью, а там, где он не может руководить частью, там должен руководить воинский дух. Полководец избирается согласно своей репутации и исключительным талантам, старших командиров крупных частей и соединений назначают после тщательной оценки. Но эта оценка становится менее жесткой по мере того, как чин становится ниже, и в той же самой мере все меньше и меньше принимаются в расчет индивидуальные способности. Однако этот пробел должна заполнить воинская доблесть.

Точно такую же роль играют природные качества собравшегося воевать народа: *отвага, находчивость, выносливость и энтузиазм*.

Эти качества могут заменить воинский дух и наоборот, и из всего этого можно сделать следующие выводы:

1. Воинская доблесть есть качество, присущее только постоянным (регулярным) армиям, но именно им она требуется больше всего. В народном ополчении ее могут заменить природные качества, которые проявляются там скорее всего.

2. Регулярные армии, воюющие с другими регулярными армиями, могут легче обойтись без воинской доблести, чем регулярные армии, воюющие с народным ополчением, поскольку в последнем случае войска более рассредоточены, а отдельные части больше предоставлены сами себе. Но там, где армия сосредоточена, гений полководца имеет большое значение и восполняет то, чего не хватает армии в моральном отношении. Обычно воинская доблесть становится тем нужнее, чем сложнее театр военных действий и прочие обстоятельства и чем раздробленнее силы.

Из этих истин можно извлечь только один урок: если армии не хватает воинской доблести, надо любыми способами попытаться как можно больше упростить военные операции или удвоить заботы об остальных сторонах военной организации, а не ожидать многого от самого названия постоянной армии.

Воинская доблесть есть одна из самых важных моральных сил на войне, а там, где ее не хватает, ее место занимает что-либо другое, например превосходство командования или *народный энтузиазм*, или же мы получаем результаты несовместимые с затраченными силами и средствами. Как много может сделать этот дух, это неподдельное богатство армии, эта переработка руды, превращающая ее в блестящий металл, мы видим на исторических примерах: македоняне под командованием Александра Великого, римские легионы под руководством Цезаря (и других), испанские войска под предводительством Александра Фарнезе (1545—1592, герцог Пармский, полководец и государственный деятель испанской монархии. В 1571 г. бился с турками при Лепанто. В 1578—1588 гг. подавил восставших в южных провинциях Нидерландов. Смертельно ранен в 1592 г. у Руана во Франции. — *Ред.*), шведы королей Густава II Адольфа (1594—1632, шведский король с 1611 г., крупный полководец и

военный реформатор. Убит в ходе выигранного его армией сражения при Лютцене. — *Ред.*) и Карла XII, пруссаки Фридриха II Великого и французы Наполеона. Нужно намеренно закрыть глаза на все исторические доказательства, чтобы не признать, что потрясающие успехи этих полководцев и их величие в исключительно сложных ситуациях были возможны лишь с армиями, обладавшими этой доблестью.

Этот дух может исходить лишь из двух источников, которые могут породить его только совместно. Первый — череда кампаний и великих побед; второй — активность армии, доведенная до предельной черты. Только так солдат познает свою силу. Чем больше полководец требует от своих войск, тем вернее его требования будут исполняться. Солдат гордится как выполненной тяжелой работой, так и преодоленной опасностью. Зародыш доблести прорастет только на почве беспрестанной деятельности и напряжения, при условии, что его согревает солнечный свет победы. Став *могучим деревом*, он сможет противостоять неистовым бурям неудач и поражений и даже праздной бездеятельности в мирное время — по крайней мере, некоторое время. Следовательно, воинская доблесть может *зародиться* только во время войны и под командованием великих полководцев, но, несомненно, может сохраниться в течение несколько поколений даже при полководцах средних способностей и в довольно значительные периоды мира.

ХРАБРОСТЬ

Этот благородный порыв, с которым человеческая душа поднимается над самыми невероятными опасностями, на войне надо считать действенным принципом. Фактически, в какой еще области человеческой деятельности храбрость должна иметь права гражданства, если не на войне?

Давайте признаем, что на войне она имеет даже свои привилегии. Кроме учета пространства, времени и сил, мы должны отвести определенный процент и на нее, причем, если мы смелее противника, эти проценты будут добыты за счет его упущений. Таким образом, храбрость — это творческая сила. Это несложно продемонстрировать философ-

ски. Как только храбрость встречается с робостью, она имеет значительные шансы на успех, так как робость это уже потеря равновесия. И только когда храбрость встречается с осторожной предусмотрительностью, которая так же *от-важна* и сильна, как и она сама, она попадает в невыгодное положение. Но это, правда, встречается редко. Из всего множества осторожных людей в мире подавляющее большинство осторожно из боязливости.

Чем выше чин, тем больше необходимость в том, чтобы храбрости сопутствовал рассудительный ум, чтобы это не был простой бесцельный порыв страсти; ведь с возрастанием чина все меньше стоит вопрос о самопожертвовании и все больше — о сохранении других и общего блага в целом. Там, где массам предписаны правила службы (что-то вроде второй натуры), полководцем должна руководить рассудительность, и в его случае личная храбрость в бою легко может обернуться ошибкой. И все же это прекрасный недостаток, и его не надо рассматривать в том же свете, что и другие недостатки. Счастлива армия, в которой часто проявляется преждевременная храбрость; это пышная растительность, которая говорит о плодородии почвы. Даже безрассудством, то есть бесцельной храбростью, пренебрегать нельзя. Только когда оно восстает против подчинения, когда оно с пренебрежением отклоняет приказы вышестоящей власти, его надо подавить, как опасное зло, не из-за него самого, а из-за самого акта неподчинения, потому что на войне нет ничего *важнее подчинения*.

Казалось бы, постановка разумной цели должна облегчить проявление храбрости и тем самым уменьшить ее подлинную цену, но на самом деле получается прямо противоположное.

Вмешательство ясных мыслей или общее превосходство ума лишает эмоции огромной части их силы. По этой причине храбрость проявляется тем реже, чем выше чин.

Почти всем полководцам, известным в истории как посредственности, не хватало решительности, когда они занимали высшие посты, хотя в своей предшествующей карьере они славились храбростью и решительностью.

В мотивах храбрых поступков, вызванных необходимостью, существуют различия. Необходимость бывает разной

степени. Если она настоятельна, если командир, стремясь к своей цели, сталкивается с серьезными опасностями и принимает отважное решение, чтобы избежать других, столь же серьезных, тогда мы можем только восхищаться его решительностью, которая все же имеет свою ценность. Если молодой человек, чтобы продемонстрировать свое искусство наездника, скачет через глубокую расщелину, тогда он храбр; если он делает тот же скачок, преследуемый отрядом до зубов вооруженных турок, то он всего лишь решителен.

Хотя стратегия есть область деятельности лишь лиц высшего командного состава армии, все же храбрость, как и остальные военные доблести всех остальных членов армии, ей не безразлична. С армией, принадлежащей отважному народу, где всегда культивировался дух отваги, можно совершать такие дела, которых не совершишь с армией, не знающей, что такое воинская доблесть.

Чем выше чин военачальника, тем больше в его деятельности преобладают ум, понимание и проницательность, отесняя храбрость, являющуюся свойством темперамента, и по этой причине ее редко можно встретить в высших сферах, но тогда тем более она достойна восхищения. Храбрость, руководимая незаурядным умом, есть отличительная черта героя; она не заключается в прямом рискованном действии против природы вещей, в открытом пренебрежении законами вероятности, а в неукоснительном соблюдении сложного расчета, проделанного при выборе решения гением и интуицией с молниеносной быстротой. Чем больше храбрость окрыляет ум и проницательность, тем более широким будет взгляд и тем точнее результат, но, разумеется, всегда сохраняется положение: чем выше цель, тем большие опасности связаны с ее достижением.

Полагаем, что невозможно представить выдающегося полководца без храбрости, то есть человек не может стать полководцем, если у него нет врожденной храбрости, и поэтому мы рассматриваем ее как главное качество, необходимое для этой карьеры. Что остается от этого врожденного качества, развитого и в то же время умеренного образованием и обстоятельствами жизни, когда человек достиг высокого положения, — это уже второй вопрос. Чем больше сохранится в полководце этого качества, тем

сильнее проявится его гений, тем выше будет полет. Риск всегда становится больше, но вместе с ним возрастают и цель, и результат.

И все же надо обратить внимание на одно очень важное обстоятельство.

Дух храбрости может существовать в армии или потому, что он присущ народу, или потому, что он рожден в результате успешных войн, руководимых способными полководцами. В последнем случае его вначале не будет.

В наше время вряд ли есть другие способы воспитать воинский дух народа, кроме как на войне, и обязательно под предводительством храбрых полководцев. Лишь война может противостоять изнеженности чувств, склонности искать удовольствия и комфорта, что является причиной вырождения народа, выросшего в процветании и поглощенного исключительно коммерцией.

Нация может надеяться занять прочное положение в политическом мире, только если народный характер и участие в настоящей войне взаимно поддерживают друг друга и находятся в постоянном взаимодействии.

Теперь немного поговорим о стойкости.

В этом разделе нашего труда читатель ожидает услышать об углах и линиях и находит, вместо этих обитателей научного мира, только самых обычных людей, которых каждый день встречает на улице. И все же автор не может решиться стать хоть на йоту больше математиком, чем этого, как ему кажется, требует от него предмет, и его не тревожит удивление, которое может выказать читатель.

На войне больше, чем где-нибудь в мире, все происходит не так, как мы ожидали, и вблизи выглядит иначе чем на расстоянии. Как спокойно наблюдает архитектор за возведением строения, план которого он начертил! Врач, хотя и гораздо больше подвержен в своей работе значительному количеству случайностей, все же достаточно хорошо знаком с применяемыми им лекарствами и их действием. На войне все не так!

Здесь крупный полководец находится в постоянном водовороте ложной и правдивой информации, ошибок, совершенных из-за страха, небрежности, торопливости или упрямства, проявленного на основании ошибочных или правильных донесений, по злой воле или из истинного или

ложного чувства долга, вследствие лености или переутомления. Словом, в водовороте случайностей, которых не мог предвидеть ни один смертный. Короче, полководец является жертвой сотни тысяч впечатлений, большая часть из которых имеет тревожную и лишь меньшая часть ободряющую тенденцию. Долгий военный опыт позволяет ему быстро оценить эти явления; высокое мужество и твердый характер помогают твердо противостоять им, как скала противостоит ударам волн. Тот, кто поддастся этим впечатлениям, никогда не доведет до конца ни одно дело, и поэтому *твердое отстаивание* принятых решений, пока против них не появится решительных доводов, является необходимым противовесом. Вряд ли найдется хоть одна прославленная военная операция, которая осуществлялась бы без крайнего напряжения сил, трудов и лишений. И там, где физическая и моральная слабость человека заставляют его идти на компромиссы с самим собой, к поставленной цели может привести только огромная сила воли, такая *стойкость*, которая вызовет восхищение у настоящих и будущих поколений.

ЧИСЛЕННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО

В тактике, как и в стратегии, это самый главный принцип победы, и мы его рассмотрим сначала в общих чертах, для чего позволим себе следующее объяснение.

Стратегия фиксирует место и время боя, а также численность войск, которые в нем участвуют. Этими тремя факторами во многом определяется исход боя. Если тактика провела битву и результат известен, будь то победа или поражение, стратегия может им воспользоваться в соответствии с великой целью войны.

Те указания, при помощи которых стратегия влияет на исход боя, давая ему те или иные установки, не так просты, чтобы их можно было охватить одним взглядом. Поскольку стратегия назначает время, место и силы, она может делать это многими способами, каждый из которых по-разному влияет как на результат боя, так и на его последствия. Мы познакомимся с ними постепенно, изучая вопросы, более тесно обуславливающие применение в ходе боя.

Если при рассмотрении боя отбросить все различия, обусловленные его назначением и обстоятельствами, вызвавшими его, и, наконец, если не учитывать доблесть войск, потому что это исходное качество, останется только голое понятие боя, то есть бесформенная битва, в которой мы ничего не различаем, кроме числа участников.

В данном случае это число и будет определять победу. Судя по числу других сопутствующих обстоятельств, которые мы отбросили, становится ясно, что численное превосходство в битве является лишь одним из факторов, приносящих победу. Следовательно, численное превосходство дает нам не все, и даже не самое основное, а лишь совсем немного, в зависимости от того, как сложатся остальные сопутствующие обстоятельства.

Но это превосходство имеет свои степени, его можно представить двойным, тройным и даже четырехкратным, и ясно, что, увеличиваясь, оно должно в конечном счете перевесить все остальное.

В этом аспекте мы допускаем, что численное превосходство — самый главный фактор, предопределяющий результат боя, только оно должно быть достаточно большим, чтобы перевесить все сопутствующие обстоятельства. Отсюда вытекает прямой вывод: *на решающем участке должно быть задействовано максимальное количество войск.*

Достаточна ли численность задействованных войск или нет, но в этой части сделано все, что позволяли средства. Это первый принцип стратегии и поэтому в общих чертах, как он здесь выражен, подходит для греков и персов, для англичан и маратхов, для французов и немцев.

Остается лишь различие в воинской доблести армий и в таланте полководцев, которые могут существенно разниться от армии к армии. Если мы рассмотрим военную историю современной Европы, мы не найдем ни одного примера, подобного Марафону¹.

¹ При Марафоне в 40 км от Афин (490 г. до н. э.) 10 000 афинян и 1000 платеев под предводительством Мильтиада разгромили иранский (персидский) десант (численность его преувеличивается, но обычно пишут, что ок. 20 тыс. По другим данным, иранцев было меньше, чем греков. (Примеч. ред.)

Фридрих Великий разбил 80 000 (66 тыс. — *Ред.*) австрийцев при Лейтене с войском численностью в 30 000 (40 тыс. — *Ред.*) человек, а при Росбахе с 25 000 (22 тыс. — *Ред.*) победил силы союзников (французы и австрийцы) численностью в 50 000 человек (43 тыс. — *Ред.*); однако это лишь единичные примеры побед, одержанных над противником, вдвое превосходящих по численности.

Мы считаем, что в наших условиях, как и им подобных, превосходство на решающем участке чрезвычайно важно и что в большинстве случаев оно имеет самое главное значение. Число войск на решающем участке зависит от абсолютной величины армии, а также от искусства ее использования.

Следовательно, первое правило заключается в том, чтобы начинать войну с максимально сильной армией. Звучит банально, но на самом деле это не так.

Чтобы показать, что в течение долгого времени численность войск ни в коем случае не считалась главным фактором, мы должны заметить, что в большинстве даже самых подробных историй войн XVIII столетия численность армий или не упоминается совсем, или упоминается между прочим. Ни в одном из этих трудов ей не придается особого значения.

Еще одно доказательство заключается в удивительной идее, которая будоражила умы многих критически настроенных историков. Согласно этой идее, существует оптимальная численность армии, «нормальная сила», а все, что ее превосходит, становится не пользой, а обузой.

И наконец, можно найти ряд примеров того, когда в бою или на войне не задействовались все доступные вооруженные силы, потому что численному превосходству не придавали того значения, которое оно имеет на самом деле.

Размеры абсолютной силы армии, с которой должна вестись война, определяются правительством. Хотя с этого определения начинаются реальные военные действия и оно составляет основную часть стратегии, все же в большинстве случаев полководец, который командует этими силами на войне, должен рассматривать их численность как заданную величину или потому, что у него не было возможности са-

мому установить ее, или потому, что обстоятельства не позволили довести ее до нужного размера.

Поэтому ему не остается ничего, кроме как искусным применением данных ему вооруженных сил добиваться относительного численного превосходства на решающих участках даже тогда, когда абсолютное превосходство недостижимо.

Расчет пространства и времени оказывается самым важным для достижения этой цели — вот почему считается, что он охватывает почти все искусство использования военных сил.

Но расчет времени и пространства, хотя он до известной степени лежит в основе стратегии и, образно выражаясь, является ее насущным хлебом, все же не является ни самым трудным, ни самым решающим моментом.

Верная оценка своих противников, риск временно оставить перед самым их носом небольшие силы, энергия форсированных маршей, отвага внезапных атак, повышенная активность, которую в момент опасности проявляют великие души, — вот основа любой победы. Какое же они имеют отношение к способности точно рассчитать две такие простые величины, как время и пространство?

Гораздо чаще относительное превосходство, то есть искусное сосредоточение превосходящих сил на решающем участке, основано на верных оценках этого участка, на верном направлении, которое с самого начала было дано армии, и решимости, требующейся для того, чтобы пожертвовать не важным ради важного, то есть держать свои силы сосредоточенными подавляющей массой. Это характерные черты Фридриха II Великого и Наполеона.

Мы полагаем, что отвели численному превосходству место, которого оно заслуживает; его следует считать фундаментальной идеей и всегда стремиться к нему всюду и в первую очередь.

Но считать его по этой причине необходимым условием победы было бы полным непониманием нашего толкования, из которого можно понять значение численного превосходства в бою. Если мы соберем как можно большие силы, то создадим все необходимые условия; но только после оценки обстановки в целом следует принимать решение отказаться от боя из-за недостатка сил или нет.

ВНЕЗАПНОСТЬ

Из содержания предшествующей главы, из общего стремления достичь относительного превосходства, следует еще одно стремление, которое, следовательно, должно быть таким же общим по своей природе: это внезапность действий против противника. Внезапность в той или иной степени лежит в основе всех действий, поскольку без нее трудно представить достижение численного превосходства на решающем участке.

Итак, внезапность есть средство достижения численного превосходства; но ее также следует считать самостоятельным принципом саму по себе из-за ее морального воздействия. Когда она в высшей степени успешна, в рядах противника растет смятение и ослабевает мужество; а до какой степени это увеличивает шансы на успех, свидетельствует множество примеров, больших и малых. Здесь речь идет не о какой-то особой внезапности, вроде неожиданной атаки, а о попытке различными мерами, и в особенности распределением сил, застать противника врасплох, что в одинаковой мере применимо и при обороне, а уж в тактической обороне играет особо важную роль.

Внезапность лежит в основе всех без исключения предприятий на войне, только в очень разной степени, в зависимости от природы операции и других обстоятельств.

Корни этого различия лежат в качествах и особенностях армии, ее командующего, а также в качествах и особенностях правительства.

Секретность и быстрота — два фактора, обеспечивающие внезапность; и они предполагают в правительстве и главнокомандующем огромную энергию, а в армии высокое чувство воинского долга. При изнеженности и разгильдяйстве бесполезно рассчитывать на внезапность. Но сколько бы всеобщим и неперменным являлось стремление к внезапности и как бы хорошо ни был известен ее эффект, приходится признать, что полной внезапности удастся добиться чрезвычайно редко; и это естественно. Мы бы создали ложное представление, если бы поверили, что в основном этим способом можно многого добиться на войне. Сама идея очень заманчива, но исполнение

обычно крепко тормозится сопротивлением всей военной машины.

В тактике внезапность гораздо более обычное явление по вполне естественной причине: все время и пространство меньшего масштаба. Поэтому в стратегии она будет тем осуществимее, чем ближе стратегические меры находятся к области тактики, и тем труднее достижимой, чем выше они поднимаются, приближаясь к политике.

Редко бывает так, что одно государство застает врасплох другое, объявляя ему войну, или направление главного удара было для противника неожиданным. В XVII и XVIII столетиях, когда война в значительной степени заключалась в осаде крепостей и городов и в теории военного искусства даже была специальная глава о внезапном блокировании крепостей, неожиданное окружение укрепленной крепости случалось не часто, но даже это редко удавалось.

С другой стороны, если дело может быть сделано за день или два, возможно внезапно напасть на врага на марше и благодаря этому перехватить какую-нибудь позицию, какой-нибудь пункт, коммуникации и т. д. Но ясно, что если внезапность в этом случае достигается легче, то ее эффективность слабее, потому что высокой эффективности от внезапных действий добиться трудно. Тот, кто считает, будто с помощью внезапных боевых действий мелкого масштаба он может добиться великих результатов, например победить в бою, захватить важный склад, верит в то, что, безусловно, очень возможно вообразить, но чему нет свидетельств в истории. (Есть, но не так много. Например, Невская битва 15(21) июля 1240 г., где новгородский князь Александр с небольшим войском внезапно на рассвете напал на высадившихся в устье Ижоры шведов (5 тыс.) и полностью разгромил их, потеряв лишь 20 воинов (шведы потеряли 200 знатных воинов, а прочих «без числа»). Так юный князь Александр стал Невским. — *Ред.*) Ведь есть очень мало примеров того, когда нечто великое стало результатом неожиданности. Из чего мы можем сделать справедливый вывод: на пути успеха стоят неотъемлемые трудности.

Но мы ни в коем случае не отрицаем, что и тут можно добиться успеха. Мы лишь связываем с ним необходимость благоприятных обстоятельств, которые, конечно,

случаются редко и которыми сам полководец редко может управлять.

Два полководца могут служить яркой тому иллюстрацией. Возьмем сначала Наполеона в его знаменитом походе против армии Блюхера в конце января — начале февраля 1814 года, когда та оторвалась от основной армии, выйдя к Марне. Было бы трудно предположить, что двухдневный марш удивит врага, добивавшегося великих результатов, своей неожиданностью; но армия Блюхера, растянувшаяся на три дня перехода, была разбита по частям и понесла суммарные потери, почти равные потерям после крупной битвы. Это был полностью эффект неожиданности, потому что, если бы Блюхер предвидел столь реальную возможность наступления со стороны Наполеона, он бы организовал свой переход совершенно иначе. Результат следует приписать этой ошибке Блюхера. Наполеон не знал обо всех этих обстоятельствах, и, таким образом, ему помог счастливый случай.

То же самое произошло в битве при Лигнице в 1760 году. Фридрих Великий одержал эту славную победу, за ночь изменив позицию, которую занял прежде. Лаудон был застигнут врасплох и потерял 70 артиллерийских орудий и 10 000 человек (убитыми, а также 6 тыс. пленными. — *Ред.*). Хотя Фридрих Великий к тому времени приобрел манеру как можно чаще передвигаться с места на место, чтобы избежать сражений или, по крайней мере, спутать планы противника, все же изменение позиции в ночь с 14-го на 15-е было осуществлено не совсем с этой целью. Как говорит сам король, просто позиция, занятая 14-го, ему не понравилась. Итак, и здесь налицо счастливый случай; без этого счастливого совпадения атаки Лаудона и изменения позиции пруссаков ночью, а также сложной местности результат был бы другим.

В высших областях стратегии также есть примеры результативных неожиданных нападений. Напомним лишь знаменитый переход Наполеона через Альпы в 1800 году, а как пример совершенно неожиданной войны мы можем привести вторжение Фридриха Великого в Силезию. Это великие результаты, но такие события в истории встречаются нечасто. С ними не следует путать случаи, когда государ-

ство, за неимением активности и энергии (Россия в 1812 г.), вовремя не подготовилось к войне. (Автор пристрастен. Россия готовилась, и результат известен. А вот как подготовилась Пруссия к 1806 г. и каков результат (полный разгром за несколько дней), также известно. — *Ред.*)

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ СИЛ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Лучшая стратегия заключается в том, чтобы *всегда быть более сильным*, а это значит быть сильнее противника вообще, а затем и на решающем участке. Поэтому, кроме энергии, создающей армию, что не всегда зависит от полководца, у стратегии нет более настоящего и простого закона, чем держать силы сосредоточенными. Без острой необходимости никогда не следует отделять от главных сил ни одну часть. На этом положении мы настаиваем и считаем, что именно им надо руководствоваться. Каковы разумные причины, по которым силы армии могут быть разъединены, мы постепенно узнаем. Тогда мы также увидим, что этот принцип не во всякой войне ведет к одинаковым результатам и что результаты эти зависят от средств и цели.

Может показаться невероятным, и все же сотни раз войска дробились и разъединялись из-за таинственного слепого подражания традициям, даже не понимая, зачем это делается.

Если концентрацию всех сил принять за норму, а разделение — за исключение, которое может быть аргументировано, тогда удастся полностью избежать не только этой глупости, но и преградить путь многим ложным аргументам для разделения войск.

Война есть столкновение двух противоборствующих сил, из чего само собой вытекает, что сильнейшая не только уничтожает другую, но и вовлекает ее в свою орбиту. По существу, война не допускает постепенного применения военных сил, ее основной закон — одновременное применение всех сил, предназначенных для данного удара.

Так дело обстоит в реальности, но лишь при условии, что борьба подобна механическому столкновению. Но ког-

да она выливается в долгие разрушительные действия с обеих сторон, тогда мы, безусловно, можем представить себе и растянутое во времени действие этих сил. Так происходит в тактике прежде всего из-за того, что в основе всей тактики лежит огневой бой, но могут быть и другие причины. Если в огневом бою 1000 человек выставлены против 500, то размер потерь исчисляется из численности сил противника и наших собственных. 1000 человек стреляют вдвое больше, чем 500, но и попадание пуль в 1000 человек больше, чем в 500, потому что предполагается, что 1000 человек стоят в более тесном порядке, чем 500. Если предположить, что число попаданий в первых должно быть вдвое больше, тогда потери с каждой стороны будут равными. Из 500 человек, например, 200 будут выведены из строя и столько же из 1000. Теперь, если бы у 500 имелся в запасе свежий резерв в 500 человек, то при введении их в бой с обеих сторон сражалось бы по 800 человек. Но на одной стороне в бой вступят 500 свежих солдат, полностью оснащенных и в полной силе; на другой же — останутся сражаться 800 уставших, недостаточно оснащенных и обессиленных физически солдат.

Из этого примера становится ясно, что введение в бой сразу слишком крупных сил может оказаться невыгодным: ведь какие бы преимущества ни давало численное превосходство в первый момент, возможно, потом за это придется дорого расплачиваться.

Но эта опасность существует лишь постольку, поскольку появляются усталость, беспорядок и упадок сил, словом, тот кризис, который каждый бой несет даже победителю. Появление во время этого ослабленного состояния свежих войск противника может иметь решающее значение.

Но когда этот кризис, вносящий беспорядок, заканчивается и остается только ощущение морального превосходства, которое дает каждая победа, тогда противнику не помогут и свежие силы. Разбитая армия не может победить на следующий день только с помощью сильного резерва. Здесь мы подходим к источнику существенного различия между тактикой и стратегией.

Тактические результаты, результаты в ограниченном пространстве боя вплоть до его окончания, большей частью до-

стигаются в пределах этого периода беспорядка и слабости разбитого противника. Но *стратегический* результат, то есть результат всей битвы и одержанных побед, будь они малые или большие, лежит вне этого периода.

Если в тактике не все решается в ходе первого успеха и есть опасение последующих столкновений, само собой разумеется, что для достижения первого успеха следует ввести в бой только необходимую для этого часть сил, а остальные держать вне пределов досягаемости огня или боестолкновений любого рода. В стратегии же все иначе. Отчасти, как мы только что показали, нет веских причин бояться реакции после того, как успех достигнут, потому что с этим успехом кончается кризис. Отчасти не обязательно все силы, использованные стратегически, ослаблены, а только те из них, которые были в непосредственном контакте с силами неприятеля, то есть участвовали в конкретном бою.

Поэтому если в стратегии потери не увеличиваются с численностью задействованных войск, то из этого, естественно, следует, что в стратегии никогда не бывает слишком много сил и что они должны быть использованы одновременно и с определенной целью.

Но мы должны подтвердить это предложение на другом основании.

Усталость, изнеможение и лишения составляют на войне особый принцип разрушения, не полностью вызываемый борьбой, но более или менее связанный с нею и, разумеется, имеющий отношение к стратегии. В победоносных армиях не реже случаются потери от болезней, чем на поле боя.

Следовательно, если мы примем эту сферу разрушения в стратегии точно так же, как огонь и ближний бой в тактике, мы легко представим, что все, что пройдет через этот водоворот, в конце кампании или любого другого стратегического периода ослабеет, а значит, появление свежих сил станет решающим фактором. Отсюда можно сделать вывод, что и в тактике, и в стратегии есть мотив сражаться за первый успех с как можно меньшими силами, чтобы удерживать свежие силы до последнего.

Итак, этот вопрос выяснили. Встает другой: увеличиваются ли потери, которые несут вооруженные силы из-за

усталости и лишений с увеличением численности войск, как это бывает в бою? И ответ будет: «Нет».

Усталость на войне в значительной мере является результатом опасностей, которыми в большей или меньшей степени чреват каждый момент войны. Чтобы уверенно встретить эти опасности на любых участках, существует множество действий, составляющих тактическую и стратегическую службы армии. Эта служба тем сложнее, чем слабее армия, и тем легче, чем больше численное превосходство над армией противника. Кто же может в этом усомниться? Поэтому кампания против более слабой армии будет стоить меньших усилий, чем против равной или более сильной.

С усталостями разобрались. Иначе обстоит дело с лишениями; они состоят главным образом из двух моментов: недостатка продовольствия и недостатка жилья для войск, будь то квартиры или оборудованные лагеря. И то и другое из этих лишений будет тем больше, чем больше войск сосредоточено на одном участке. Но разве численное превосходство не дает армии шире распространиться и захватить больше пространства, где можно найти и жилье и продовольствие?

Если Наполеон во время нашествия на Россию в 1812 году сосредоточил свою армию большой массой на одной дороге (в основном. — *Ред.*) так, как этого никто не делал раньше, и тем самым вызвал лишения, не имеющие себе равных, то мы должны приписать это его принципу: *быть максимально сильным на решающем участке*. Не зашел ли он тут слишком далеко в этом своем принципе, вопрос здесь неуместный; но, безусловно, если бы Наполеон захотел избежать лишений, обрушившихся на его армию, ему стоило продвигаться более широким фронтом. В России пространства для этого хватало, его вообще не хватает в очень редких случаях.

Надо отметить еще один важнейший момент. В частном бою силы, требующиеся для достижения крупного результата, могут быть приблизительно вычислены без особого труда. В стратегии это, можно сказать, невозможно, потому что стратегический результат не имеет такой определенной цели и таких четких границ, как тактический. Таким образом, то, что в тактике можно считать избытком

силы, в стратегии должно считаться средством для расширения успеха.

Благодаря огромному численному превосходству Наполеон в 1812 году дошел до Москвы и занял эту древнюю русскую столицу. Если бы ему с помощью численного превосходства удалось полностью разгромить русскую армию, он бы, по всей вероятности, заключил в Москве мир, который иначе был менее достижим. Этот пример приведен для того, чтобы объяснить нашу мысль, но не доказывать ее.

Все эти соображения направлены лишь против последовательного применения сил, но не против понятия резерва, которого они, несомненно, все время касаются, но которое, как мы увидим в следующей главе, связано с некоторыми другими понятиями.

Здесь мы утверждаем следующее: если в тактике время является фактором убыли сил, то в стратегии в материальном отношении дело обстоит совсем не так. Разрушительный эффект, который время оказывает на вооруженные силы в стратегии, отчасти ослабляется самой их массой, отчасти покрывается другими способами.

Следовательно, все силы, которые доступны и предназначены для стратегической цели, должны быть использованы *одновременно*; и это использование будет тем плодотворнее, чем больше оно будет сосредоточено в одном акте и в одном моменте.

Теперь мы перейдем к теме, тесно связанной с нашими настоящими размышлениями, и прольем на нее полный свет. Мы имеем в виду *стратегический резерв*.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕЗЕРВ

У резерва имеются два назначения, очень отличные друг от друга, а именно, во-первых, продление и возобновление боя и, во-вторых, использование в непредвиденных обстоятельствах. Первое назначение подразумевает полезность последовательного применения сил и вследствие этого не может появиться в стратегии. Случай, когда корпус из тыла направляется к месту боя, где создано критическое по-

ложение, можно смело отнести ко второму назначению, ибо сопротивление, которое здесь приходится оказывать, по-видимому, не было заранее предусмотрено.

Войсковая же часть, предназначенная исключительно для продолжения боя и оставленная позади, вне действия огня, находящаяся в подчинении полководца, руководящего боем, будет уже тактическим резервом.

Однако необходимость в силах, готовых к непредвиденным событиям, может встретиться и в стратегии, а потому может потребоваться стратегический резерв, но только там, где можно допустить непредвиденные события. В тактике, где мероприятия, предпринятые противником, обычно становятся известными, когда открываются нашему взору, но там, где они могут скрываться в любом лесу, за каждой складкой холмистой местности, мы, естественно, должны быть готовыми к встрече с непредвиденными событиями.

Такие случаи бывают и в стратегии, потому что стратегические действия тесно связаны с тактическими. В стратегии тоже многие меры предпринимаются по результатам непосредственных наблюдений или по данным недостоверных сообщений, приходящих ежедневно или даже ежечасно, и, наконец, по действительным результатам боев. Следовательно, главное условие стратегического командования заключается в том, чтобы, в зависимости от степени неуверенности, держать в резерве воинские силы, которые можно будет ввести в бой при возникновении непредвиденных обстоятельств.

Это следует иметь в виду при обороне вообще, но в особенности при обороне некоторых препятствий, таких, например, как реки, высоты и т. д., где такие непредвиденные обстоятельства, как хорошо известно, случаются постоянно.

Но эта неопределенность становится все меньше, когда стратегия отходит от тактики, и почти исчезает в тех областях, где она граничит с политикой.

Есть все основания сказать, что стратегический резерв тем не менее необходим, но может быть бесполезен и даже опасен, чем обширнее и многограннее назначение этого резерва.

Момент, когда идея стратегического резерва начинает быть вредной, нетрудно определить: это *решающее столкновение*. В момент решающего столкновения должны быть задействованы все имеющиеся силы, и всякий резерв (готовые к бою вооруженные силы), который предназначался бы для использования после этого столкновения, становится бессмысленным.

Таким образом, если тактика рассматривает свои резервы как средства для того, чтобы не только противостоять непредвиденным действиям противника, но также исправлять никогда не поддающийся предвидению результат боя, каким бы плачевным он ни был, то стратегия должна отказаться от этого средства, по крайней мере, в отношении решающего столкновения. Как правило, она может возместить потери, понесенные на одном участке, успехами на другом, и в очень редких случаях путем переброски войск с одного участка на другой; но в стратегии недопустима даже мысль сохранять позади часть армии на случай возникновения непредвиденных обстоятельств.

ЭКОНОМИЯ СИЛ

Путь разума, как мы уже говорили, редко можно сократить до математической прямолинейности с помощью принципов и мнений. Всегда остается некий простор. Точно так же обстоит дело во всех практических искусствах жизни. Для линий прекрасного нет никаких абсцисс и ординат; круги и эллипсы не начертить при помощи их алгебраических формул. Поэтому искусный воин вскоре поймет, что должен доверять собственным суждениям, основанным на естественной быстроте восприятия и военном воспитании; вскоре он обнаружит, что в одних случаях должен упростить закон (ослабив его) до самых важных характерных положений, которые и станут его правилами; а в другом случае принятый метод должен стать посохом, на который можно опереться.

Одним из характерных моментов мы считаем принцип постоянного наблюдения за взаимодействием всех сил или, иными словами, постоянного наблюдения за тем, чтобы

ни одна их часть никогда не оставалась неиспользованной. Тот, кто держит свои силы там, где противник не дает им достаточной работы, тот, кто позволяет своим силам бездействовать или просто маршировать, пока силы противника сражаются, плохо управляет своим хозяйством. Это можно назвать праздным растрачиванием сил, что еще хуже, чем их бесцельное использование. Раз нужно действовать, то прежде всего необходимо, чтобы действовали все части, потому что даже самая бесцельная деятельность все же отвлекает какую-то часть вражеских сил и даже уничтожает их, тогда как полностью бездействующие войска вроде бы и не существуют. Этот взгляд связан с принципами, изложенными в последних трех главах. Это такая же истина, но увиденная с несколько более расширенной точки зрения и собранная в одно представление.

О ВРЕМЕННОМ ПРЕКРАЩЕНИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Если рассматривать войну как акт взаимного уничтожения, мы неизбежно должны представить обе стороны движущимися вперед. Но в то же время в каждый отдельный момент мы должны почти так же неизбежно предположить одну сторону в состоянии ожидания и только вторую действительно продвигающейся, потому что в действительности обстоятельства никогда не могут быть одними и теми же для обеих сторон. Через некоторое время должны произойти перемены, из чего следует, что настоящий момент более благоприятен для одной стороны, чем для другой. Если предположить, что обоим командирам хорошо известна обстановка, то из нее вытекают побуждения: для одного — к действию, а для другого — к выжиданию. Следовательно, для обеих сторон не может быть одновременного интереса к наступлению или к обороне.

Но даже если допустить возможность абсолютного равенства обстоятельств в этом отношении или если принять во внимание, что из-за несовершенного знания взаимных позиций такое равенство может показаться обоим полководцам существующим, все же различие политических це-

лей исключает возможность приостановки. Одна из сторон с политической точки зрения обязательно должна быть наступающей, так как при обоюдных оборонительных намерениях война бы не возникла. На войне у наступающего всегда позитивные действия, потому что только так он может достичь позитивной цели, поэтому в тех случаях, когда обе стороны находятся в равных обстоятельствах, позитивная цель толкает нападающего на активные действия.

Если мы бросим взгляд на военную историю вообще, мы обнаружим такую противоположность беспрестанному продвижению к цели, что *оставаться неподвижным и ничего не делать* — это просто *нормальное состояние* армии в разгар войны, а *действие* — *исключение*. Это может даже посеять сомнения в правильности нашей концепции.

Как может разум оправдать растрату сил на войне, если действие не было бы их задачей? Пекарь растапливает печь только тогда, когда готов сунуть туда хлеб; лошадь запрягают в экипаж только тогда, когда собираются ехать; зачем же тогда прилагать такие огромные усилия и вести войну, если они не вызовут ничего, кроме таких же усилий со стороны противника?

Это все, что касается оправдания общего принципа; теперь разберемся с его модификациями, поскольку они вытекают из самой природы дела, а не из конкретных особенностей.

Здесь надо отметить три причины, образующие внутренний противовес и препятствующие износу часового механизма из-за слишком быстрого и непрерывного хода.

Первая, создающая постоянную тенденцию к задержке и поэтому тормозящая причина — это природная робость и недостаток решимости в человеческом уме, некая инерция в моральном мире, которая вызывается не силами притяжения, а скорее силами отталкивания, то есть страхом перед опасностью и ответственностью.

Одного только представления о цели войны, ради которой поднято оружие, редко бывает достаточно, чтобы преодолеть эту силу сопротивления, и если во главе не стоит человек, обладающий воинственным духом, который чувствует себя на войне как рыба в воде в своей естественной стихии, или если сверху не давит какая-нибудь большая от-

ветственность, тогда топтание на месте станет нормой, а наступление — исключением.

Вторая причина — это несовершенство человеческого восприятия и мнения, которое на войне проявляется больше, чем где бы то ни было, потому что иногда человеку неизвестно даже собственное положение в каждый момент, а уж о положении противника, которое намеренно скрывается, он может лишь догадываться. Это часто порождает ситуацию, когда обе стороны считают одно и то же явление выгодным для себя, тогда как на самом деле оно представляет интерес для другой стороны. Таким образом, каждый может считать, что он поступает мудро, выжидая, что наступит выгодный момент.

Третья причина действует как тормоз, время от времени полностью останавливающий военную машину. Речь идет о превосходстве обороны. А может чувствовать себя слишком слабым, чтобы атаковать Б, из чего не следует, что Б достаточно силен, чтобы атаковать А. Поэтому может случиться так, что обе стороны в одно и то же время не только чувствуют себя слишком слабыми, чтобы атаковать, но таковы и на самом деле.

Таким образом, даже в самый разгар войны заботливое благоразумие и страх перед слишком большой опасностью можно использовать с выгодой для себя: они помогают сдерживать стихийную необузданность войны.

Эти моменты могут приобрести такое преобладающее влияние, что война станет половинчатым мероприятием. Война часто не что иное, как или вооруженный нейтралитет, или занятие угрожающего положения, чтобы поддерживать ведущиеся переговоры, или попытка получить небольшое превосходство малыми средствами.

Из вышесказанного следует, что в течение кампании военные действия не ведутся непрерывно, а идут периодически, и, следовательно, между отдельными кровавыми актами наступают периоды наблюдения, когда обе стороны переходят к обороне. Обычно более высокая цель, стоящая перед одной из сторон, побуждает ее к активным действиям и, таким образом, ставит ее в более выгодное положение, от чего ход войны до некоторой степени видоизменяется.

НАПРЯЖЕНИЕ И ПЕРЕДЫШКА

Динамический закон войны

Мы показали, что в большинстве кампаний обычно больше времени проводится в топтании на месте и бездействии, чем в активности. В наше время войны приобрели совсем другой характер, но все же военные действия, безусловно, всегда будут прерываться более или менее длинными паузами; а это ведет к необходимости пристальнее рассмотреть природу этих двух фаз войны.

Если военные действия приостановлены, то есть когда ни одна из сторон не задается позитивной целью, наступает состояние передышки, а следовательно, равновесия в самом широком смысле слова, то есть равновесия не только всех моральных и физических сил, но и всех отношений и интересов сторон. Как только одна из двух сторон ставит перед собой новую позитивную цель и предпринимает активные шаги для ее достижения, пусть это будут всего лишь приготовления, и как только неприятель этому противостоит, наступает напряжение сил. Оно длится до тех пор, пока не принимается решение или пока одна сторона не откажется от своей цели.

За этим решением, основанием которого всегда служит успешность боевых комбинаций обеих сторон, следует движение в том или другом направлении.

Когда это движение иссякает в результате трудностей, которые приходится преодолевать, борясь с собственными внутренними трениями или с новыми сопротивляющимися силами противника, тогда или наступает новое состояние передышки, или новое напряжение и принятие решения, а затем новое движение, в большинстве случаев в противоположном направлении.

Умозрительное различие между равновесием, напряжением и движением более существенно для практических действий, чем может показаться на первый взгляд.

В состоянии передышки и равновесия может появляться различного рода деятельность, связанная с конкретными событиями, но не преследующая крупных целей. Это могут быть важные и даже решающие бои. Такая деятель-

ность имеет совершенно иную природу, а следовательно, и совершенно иной эффект.

Если состояние *напряжения* существует, то последствия решения боем всегда будут значительными, отчасти потому, что в нем проявится большая сила воли и большее давление обстоятельств; отчасти потому, что все было приготовлено и устроено для крупных изменений. В подобных случаях решение напоминает действие заложенной начиненной порохов мины, тогда как событие, может быть само по себе столь же крупное, но происшедшее в период передышки, более или менее напоминает вспышку пороховой массы на открытом воздухе.

Само собой разумеется, что состояние напряжения может иметь различную степень, и поэтому оно постепенно может перейти в состояние передышки.

В результате этих размышлений можно сделать следующие выводы: *любое мероприятие, предпринятое в момент напряжения, важнее и результативнее, чем то же мероприятие, предпринятое в состоянии равновесия*, и оно тем важнее, чем выше степень напряжения.

На том участке местности, который противник оставляет нам, потому что не может его защищать, мы должны обосноваться не так, как сделали бы это, если бы враг отступил только с целью принять решение в более благоприятной обстановке. Во время стратегической атаки противника неправильно выбранная позиция, один неверный марш может иметь решающие последствия; тогда как в состоянии равновесия подобные ошибки должны быть очень крупными, чтобы возбудить какую-либо деятельность противника.

Большинство войн прошлого, как мы уже говорили, основную часть времени проходили в состоянии равновесия или, по крайней мере, в таких коротких периодах напряжения с длительными интервалами между ними и таких слабых по своему эффекту, что их последствия редко имели большой успех. Часто они были своего рода театральными представлениями, даваемыми в честь дня рождения коронованной особы (Хохкирх)¹, часто просто удовлетворяли честь оружия

¹ Битва при Хохкирхе состоялась 14 октября 1758 г. в канун именин императрицы Марии Терезии и закончилась разгромом армии Фридриха II

(Кунерсдорф)¹ или тешили личное тщеславие полководца (Фрейберг)².

Мы считаем очень важным, чтобы полководец ясно понимал эти обстоятельства и имел необходимый такт, чтобы вести себя в соответствии с их духом, а опыт кампании 1806 года³ подсказывает нам, как его порой не хватает. В момент гигантского напряжения, когда все шло к решительной развязке, казалось бы, одно это со всеми последствиями должно было занимать всю душу полководца. Вместо этого были предложены и даже отчасти предприняты мероприятия (например, разведка во Франконии)⁴, которые даже в состоянии равновесия, самое большее, могли дать шаткую надежду на успешный результат. Из-за этих ошибочных схем и размышлений, поглощавших активность армии, были упущены из виду по-настоящему необходимые меры, которые могли спасти положение.

Это умозрительное различие, которое мы провели, необходимо нам для дальнейшего успеха в построении теории. Все, что мы потом скажем о наступлении и обороне, а также об осуществлении этого двухстороннего акта, связано с состоянием кризиса, в котором находятся силы в момент напряжения и движения. Вся деятельность, которая может происходить в периоды равновесия, мы будем рассматривать как побочную. Указанные кризисы и являются настоящей войной, а состояние равновесия лишь ее отражением.

(29 тыс., потери: 9 тыс. убитыми, ранеными и пленными, 101 орудие) австрийской армией под командованием фельдмаршала Дауна (78 тыс., потери: 7,6 тыс. убитыми, ранеными и пленными). (*Примеч. пер.*)

¹ В битве при Кунерсдорфе 1(12) августа 1759 г. прусская армия (48 тыс., 200 орудий) потеряла 35% (40%. — *Ред.*) своего состава (19 тыс. человек и 172 орудия. — *Ред.*), их противник, русско-австрийская армия (ок. 60 тыс., 248 орудий, в т. ч. 41 тыс. русских, свыше 18 тыс. австрийцев), потеряла 15 тыс. человек (13 тыс. русских, свыше 2 тыс. австрийцев). Однако пруссаки потеряли вдвое больше убитыми (св. 7,6 тыс. против 2,6 тыс. русских и 0,9 тыс. австрийцев. — *Ред.*) (*Примеч. пер.*).

² Битвой под Фрейбергом (29 октября 1762 г.) со стороны пруссаков командовал принц Генрих, брат Фридриха II. Битва закончилась победой прусской армии (потери 1,4 тыс. против 3 тыс. у австрийцев), и ею завершилась Семилетняя война. (*Примеч. пер.*)

³ В качестве адъютанта принца Августа Прусского Клаузевиц был ранен и взят в плен армией Наполеона. (*Примеч. ред.*)

⁴ Ф р а н к о н и я — историческая область Германии. (*Примеч. пер.*)

БОЙ

Понятие боя

Бой означает вооруженную борьбу, цель которой — уничтожение противника или победа над ним, противником же в данном бою является противостоящая нам другая сила.

Если предположить, что государство и вооруженные силы — одно и то же, тогда естественнее всего представить войну как один большой бой. Но наши войны состоят из числа больших и малых, одновременных или последовательных боев, и это разделение деятельности на многие отдельные действия вызвано множественными отношениями, из которых возникает война.

Фактически конечная цель наших войн, политическая, не всегда так уж проста. Но даже если это так, все же действие связано с таким числом условий и соображений, которые надо учесть, что цель не может быть достигнута одним большим актом, а только в результате ряда более или менее крупных актов, связанных в одно целое. Следовательно, каждый из этих отдельных актов является частью целого и имеет особую цель, которой он связан с целым.

Что побеждает противника? Несомненно, уничтожение его вооруженных сил, будь то через смерть или раны или какими-нибудь другими средствами; полностью или до такой степени, что он просто больше не может продолжать борьбу. Поэтому, отбросив все особые цели боев, мы можем рассматривать полное или частичное уничтожение вооруженных сил противника как единственную цель всех боев.

Мы утверждаем, что в большинстве случаев, и особенно в крупных боях, особая цель, которая характеризует бой и связывает его с целым, является всего лишь слабой разновидностью этой общей цели, достаточно важной, чтобы характеризовать бой, но всегда незначительной по сравнению с общей целью. Если это утверждение верно, тогда мы видим, что идея, согласно которой уничтожение сил противника есть только средство, а целью является что-то другое, может быть верна только по форме, но она ведет к ложным выводам, если не вспомнить, что уничтожение сил противника входит в эту цель и что эта цель — все-

го лишь слабая разновидность стремления к уничтожению противника.

Но как же нам удастся доказать, что в большинстве случаев, и притом в самых важных, уничтожение неприятельской армии является главной задачей? Как нам удастся побороть крайне хрупкую точку зрения, допускающую возможность достигнуть больших результатов с помощью особо искусных методов, или путем сравнительно ничтожного непосредственного истребления вражеских сил, или путем нанесения мелких, но искусных ударов, парализующих противника и подавляющих его волю, что заставило бы смотреть на этот образ действий как на сокращение пути к намеченной цели? Несомненно, победа на одном участке может иметь большую ценность, чем на другом. Несомненно, и в стратегии существует искусный распорядок боев и установка связи между ними, да стратегия и заключается в этом искусстве. Отрицать это не входит в наши намерения, но мы утверждаем, что всюду и всегда господствующее значение имеет непосредственное уничтожение вооруженных сил противника. Именно это господствующее значение мы и отстаиваем для принципа уничтожения.

Однако необходимо вспомнить, что мы имеем дело со стратегией, а не с тактикой, и мы утверждаем, что только крупные тактические успехи ведут к крупным стратегическим успехам, или, как мы более четко выразили это раньше, тактические успехи имеют на войне первостепенное значение.

Доказательство этого утверждения кажется нам достаточно простым; оно заключается во времени, которого требует каждая сложная комбинация. Вопрос, произведет ли большой эффект простой удар или более тщательно подготовленный, то есть более сложный и искусный, решится, несомненно, в пользу последнего, если предположить врага пассивным. Но каждый тщательно скомбинированный удар требует времени на подготовку, а если в это время противник нанесет контрудар, это может сорвать наши планы. Если контрудар будет простым, а значит, и быстрым, враг перехватит инициативу и затормозит действие большого плана. Поэтому наряду с целесообразностью сложного удара нужно рассмотреть все опасности, с которыми можно столкнуться во вре-

мя подготовки, и наносить его только тогда, когда нет причин бояться, что противник нарушит наши планы. В таком случае мы должны выбрать более простой, то есть более быстрый путь, поскольку этого требуют характер врага, условия, в которых он находится, и другие обстоятельства. Если от отвлеченных впечатлений и абстрактных идей вернуться к практической жизни, становится очевидным, что смелый, отважный и решительный враг не даст нам времени для подготовки сложных, искусных комбинаций, и именно против него нам понадобится больше всего умения. Это убедительно доказывает преимущество простых и непосредственных приемов над сложными.

Если поискать глубинные основы этих противоположных начал, то обнаружится, что в основании одного лежит ум, а в основании другого — мужество. Есть что-то очень привлекательное в идее, что умеренное мужество в сочетании с большим умом произведет больший эффект, чем умеренный ум при огромном мужестве. Однако если не предполагать, что эти элементы находятся в неравных и не поддающихся логике отношениях, то мы не имеем никакого права выше ценить ум, чем мужество в опасной ситуации, когда мужество ценится превыше всего.

Такое абстрактное замечание подтверждается опытом, и, по существу, он и является единственной причиной, подтолкнувшей нас к такому выводу.

Тот, кто беспристрастно изучает историю, не может не признать, что из всех воинских доблестей энергия в ведении войны всегда более всего содействовала успеху и славе оружия.

Что же нам следует понимать под уничтожением вражеской армии? Относительно большее сокращение ее численности, по сравнению с нашими потерями. Если мы имеем большое численное превосходство над противником, тогда понятно, что равная численность потерь с обеих сторон для нас будет менее ощутима, чем для него, а следовательно, ход сражения для нас может считаться успешным.

Если умелым расположением войск мы поставили нашего противника в столь невыгодное положение, что он не может безопасно продолжать бой и после некоторого сопротивления отступает, тогда мы можем сказать, что по-

бедили его на этом участке. Но если в этой победе мы понесли такие же потери, как и он, тогда в конечном итоге проку от такой победы никакого, если подобный результат можно назвать победой. У нас не остается ничего, кроме прямой победы, которой мы добились в процессе уничтожения сил противника; но кроме потерь, понесенных в ходе боя, существуют, как его прямое последствие, потери при отступлении разгромленной армии.

Из опыта известно, что разница между потерями со стороны победителя и со стороны побежденного редко бывает очень большой и что большую часть потерь побежденный несет во время отступления. Жалкие остатки батальонов дорубят кавалерия, измотанные люди отстанут, подбитые пушки и разбитые зарядные ящики брошены, остальные из-за плохого состояния дорог нельзя достаточно быстро увезти, и их захватят преследующие войска, ночью отдельные колонны собьются с пути и, беззащитными, попадут в плен. Таким образом, победа большей частью приобретает материальную форму после того, как она уже одержана. Это было бы парадоксом, если бы не решалось следующим образом.

Вооруженные силы обеих сторон несут в бою не одни лишь физические потери; моральные силы также потрясены, надломлены и уничтожены. Когда возникает вопрос, продолжать бой или нет, приходится учитывать не только потери в людях, лошадях и пушках, но также в порядке, мужестве, уверенности, сплоченности и внутренней связи. В этом случае решающими оказываются моральные силы, а в тех случаях, когда победитель несет такие же тяжелые потери, как и побежденный, то только они.

Во время боя трудно оценить сравнительное соотношение физических потерь с обеих сторон. С моральными же силами дело обстоит иначе. Тут имеют значение два момента. Во-первых, потеря территории, на которой шел бой, и, во-вторых, превосходство в резервах. Чем больше сократились наши резервы в сравнении с резервами противника, тем больше сил мы потратили, чтобы поддерживать равновесие; и в этом чувствуется моральное превосходство противника. Но основное заключается в том, что люди, выдержавшие длительный бой, более или менее подобны перегоревшему

шлаку: они расстреляли свои боеприпасы, исчерпали физические и моральные силы, а вероятно, и мужество. Такие силы, независимо от сокращения численности, если их рассматривать как организм, резко отличаются от тех, чем они были до боя; таким образом, потеря моральных сил может быть измерена, словно складным футом, количеством израсходованных резервов.

Следовательно, каждый бой — это кровавое и разрушительное сведение счета сил, как физических, так и моральных; тот, у кого и тех и других к концу боя остается больше, тот и есть победитель.

В бою потеря моральных сил была основной причиной решения; после того как оно принято, эти потери продолжают увеличиваться, пока не достигают кульминационной точки к концу боя. Тогда для победителя наступает благоприятный случай, чтобы пожать все плоды путем разгрома физических сил противника, что и является настоящей целью боя. При общей потере порядка и управления на стороне, терпящей поражение, призывы к сопротивлению отдельных частей уже представляются тяжким наказанием и приносят больше вреда, чем пользы. Дух солдатских масс разбит; первоначальное возбуждение от поражений и побед, в которых забывается опасность, растрчено, и большинству опасность теперь кажется не призывом к их мужеству, но скорее суровым наказанием. Таким образом, в первый момент победы военная машина противника ослаблена, ее ударная сила притуплена и поэтому больше не пригодна для того, чтобы ответить опасностью на опасность.

Однако этот период проходит. Моральные силы побежденного постепенно восстанавливаются, порядок тоже, мужество возрождается, и часто у победителя остается лишь небольшое численное превосходство, а часто и вовсе никакого. В некоторых случаях даже, хотя и редко, дух мести и неудовлетворенной вражды может заставить врага перейти в наступление. Но *никогда нельзя сбрасывать со счетов результаты, достигнутые в отношении числа убитых, раненых, пленных и захваченного оружия.*

Таким образом, артиллерия и пленные во все времена считались истинными трофеями и мерилом победы, потому что в их количестве, несомненно, отражаются ее размеры.

Даже о степени морального превосходства можно лучше судить по ним, чем по другим отношениям, особенно если число убитых и раненых с обеих сторон сравнимо; тут возникает новая степень воздействия моральных сил.

К потерянному равновесию моральных сил нельзя относиться легкомысленно. Да, они не имеют абсолютной ценности и не обязательно входят в конечную сумму достижений, но их потеря может приобрести такое существенное значение, что с неудержимой силой перевернет все достижения. Поэтому достижение морального превосходства может стать великой целью операции.

Моральный эффект победы увеличивается не только пропорционально величине всех задействованных вооруженных сил, но и растет в геометрической прогрессии в зависимости как от величины боя, так и его интенсивности. В разбитой части порядок легко восстанавливается. Как отдельная замерзшая конечность легко согревается теплотой всего тела, так и мужество разгромленной части легко возрождается при прикосновении с мужеством всей армии, как только она к ней присоединяется. Если эффект небольшой победы не исчезнет бесследно, для противника он все же будет частично потерян. Совсем другое, если сама армия терпит сокрушительное поражение; тогда все рушится одно за другим. Большой огонь дает больше жара, чем несколько маленьких.

Если пленные и захваченные пушки — это то, благодаря чему победа преимущественно обретает твердую субстанцию, выкристаллизовывается, то и план боя должен рассчитываться на них; уничтожение противника большим числом убитых и раненых кажется здесь просто средством для достижения цели.

Из этого возникает правильный инстинкт для ведения войны в целом и особенно для больших и малых боев: сохранить свой тыл и захватить тыл противника; это следует из понятия победы, которая, как мы видим, выходит за рамки простого убийства живой силы противника.

В этом стремлении мы видим первое уточняющее определение боя, которое вполне универсально. Невозможно представить себе бой, в котором это стремление, в одностороннем или двустороннем порядке, не выявлялось бы

наряду с простым приложением силы. Даже самая маленькая войсковая часть не бросится на противника, не подумав о пути отступления, и в большинстве случаев она будет стараться перерезать путь отступления противника.

Если мы рассмотрим понятие победы в целом, то найдем в ней три элемента:

1. Большие потери физических сил противника.
2. Такие же потери моральных сил.
3. Открытое признание этого противником путем отказа от своих намерений.

Сообщения о потерях убитыми и ранеными с каждой стороны никогда не бывают точными и в большинстве случаев полны умышленных искажений. Даже на донесения о числе трофеев редко можно положиться; следовательно, когда оно незначительно, можно усомниться даже в реальности победы. Для потерь в моральных силах нет надежной меры, кроме трофеев; следовательно, во многих случаях единственное доказательство победы — отказ от борьбы. Именно отказ, а значит, признание себя побежденным действует на общественное мнение вне армии, на людей и правительства обоих воюющих государств и на всех прочих, кого это так или иначе касается.

Для полководцев и армий, не имеющих прочной репутации, это представляет одну из самых трудных, пусть и оправданных обстоятельствами, операций. Ряд боев, каждый из которых кончается отступлениями, может показаться чередой поражений, хотя в действительности это так и задумано, но это впечатление может оказать очень вредное влияние. Отступающему полководцу трудно бороться с моральным впечатлением, произведенным на общество и войска этими временными неудачами, не раскрыв своих истинных намерений и планов, что, конечно, совершенно не соответствует его главным интересам.

Чтобы привлечь внимание к особой важности этой стороны победы, мы напомним о битве при Зооре¹, трофеи в которой были не так уж велики (несколько тысяч пленных

¹ Зоор, или Зор, 30 сентября 1745 г.; Гросс-Геннерсдорф, 23 ноября 1745 г.; Кессельдорф, 15 декабря 1745 г. — битвы в ходе Войны за австрийское наследство.

и 20 пушек). Там Фридрих заявил о своей победе, оставшись еще на пять дней на поле боя, хотя его отступление в Силезию было определено заранее и вполне соответствовало общей обстановке. Согласно его собственным словам, он полагал, что моральный эффект его победы ускорит наступление мира. Но до заключения этого мира потребовалось провести еще пару успешных операций, а именно битву при Геннерсдорфе и битву при Кессельсдорфе. И все же мы не можем говорить, что моральный эффект битвы при Зооре был нулевым.

Если от поражения страдают в основном моральные силы и если число трофеев, взятых противником, достигает невиданной величины, тогда проигранная битва становится полным поражением, которое не обязательно следует после каждой победы. Разгром происходит тогда, когда моральные силы побежденных расшатаны до такой степени, что делают невозможным дальнейшее сопротивление. Тогда не остается ничего, как только сдаться.

О ЗНАЧЕНИИ БОЯ

Поскольку война есть не что иное, как процесс взаимного уничтожения, тогда самым естественным и в нашем представлении, и, вероятно, в реальности было бы сосредоточение с обеих сторон всех своих сил в одно целое, и нанесение этими массами одного крупного удара, исход которого и определил бы победителя. В этой идее заключена, конечно, значительная доля правды, и, по-видимому, в общем очень уместно придерживаться ее и рассматривать мелкие бои как необходимые потери, вроде стружки с рубанка плотника. И все же, однако, этот вопрос не решается так легко.

Действительно, уничтожение вооруженных сил противника есть цель всех боев; но к этому могут примешиваться и другие цели, причем эти другие цели в отдельных случаях могут даже доминировать. Поэтому мы должны провести различие между теми боями, в которых уничтожение сил противника является основной целью, и теми, в которых это скорее средство достижения других целей. Кроме уни-

чтожения сил противника, общей задачей боев может быть овладение населенным пунктом или каким-либо объектом, а может быть, эти цели важны в одинаковой степени, хотя обычно одна из них является приоритетной. Обе основные формы войны, наступление и оборона, о которых мы вскоре поговорим, не видоизменяют первого из назначений боя, но, безусловно, изменяют остальные, и на этом основании мы можем представить эти формы следующим образом:

Наступательный бой	Оборонительный бой
1. Уничтожение сил противника	1. Уничтожение сил противника
2. Завоевание пункта	2. Оборона пункта
3. Завоевание какого-либо объекта	3. Оборона какого-либо объекта

Однако эти назначения, по-видимому, не исчерпывают полностью всю тему. Строго говоря, при рекогносцировках, когда мы хотим, чтобы противник обнаружил себя, при тревогах, которыми мы хотим его изнурить, при демонстрациях, когда мы хотим задержать его на месте или заставить направиться в другой пункт, все эти цели достигаются не непосредственно, а *под видом одной из трех задач, приведенных в таблице*, обычно второй. Ведь враг, желающий провести рекогносцировку, должен показать, будто он на самом деле собирается напасть на нас, разгромить или выбить нас с каких-то позиций и т. п. Но это фикция, а не настоящая цель, а мы сейчас рассматриваем только последнюю. Поэтому к трем упомянутым выше целям нападающего мы должны присоединить еще и четвертую: заставить противника сделать ложный шаг. Такая цель возможна только при наступлении, что вытекает из природы военного дела.

С другой стороны, надо заметить, что оборона пункта может быть двух видов: или абсолютная, если главный вопрос заключается в том, чтобы не сдать пункт, или относительная, если этот пункт нужен нам только на некоторое время. Последнее чаще всего наблюдается при столкновениях передовых постов или тылового охранения.

Здесь у нас имеется несколько общих замечаний. Во-первых, значение цели уменьшается почти в том порядке,

как они расставлены в таблице, поэтому первая из этих целей должна всегда доминировать в генеральном сражении. Наконец, две последние цели в оборонительной битве на самом деле не приносят никаких плодов, они, можно сказать, чисто негативны и поэтому могут быть полезны только косвенно, способствуя чему-то позитивному. Поэтому, *если бои такого рода учащаются, это дурной признак ухудшения стратегической ситуации.*

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ БОЯ

Если мы рассматриваем бой не сам по себе, а в отношении его к вооруженным силам, ведущим войну, тогда его продолжительность приобретает особое значение.

Длительность боя следует считать до известной степени второстепенным успехом. Ведь для победителя бой никогда не заканчивается слишком быстро, а для побежденного он никогда не длится слишком долго. Скорая победа говорит о более высоком качестве победы, поздний исход боя при поражении является некоторой компенсацией неудачи.

Это общая истина, но она приобретает важность в применении к тем боям, значение которых сводится к относительной обороне.

Здесь весь успех часто заключается во времени боя. Вот почему мы включили продолжительность боестолкновения в число стратегических элементов.

Длительность боя неизменно связана с его основными данными, такими как абсолютная численность войск, соотношение сил и родов войск обеих сторон, а также характер местности. Двадцать тысяч человек не измотают друг друга так же быстро, как две тысячи. Мы не можем сопротивляться врагу, вдвое, а то и втрое превосходящему нас по силе, так же долго, как равному. Исход кавалерийского боя решается скорее, чем пехотного, а бой одной пехоты быстрее, чем бой пехоты, поддержанной артиллерией. В горах и лесах мы не можем продвигаться так же быстро, как на равнине; все это достаточно ясно.

Из этого следует, что если бой должен достигнуть какой-то определенной цели своей длительностью, то нужно учесть

численность войск, соотношение родов войск и их расположение. Но это правило для нас не так важно само по себе, как то, что оно подтверждено результатами нашего опыта.

Соппротивление обычной дивизии численностью от 8000 до 10 000 человек всех родов войск натиску противника, значительно превосходящему его по численности и при неблагоприятной местности, будет длиться несколько часов; а если противник незначительно превосходит дивизию по силам или равен ей, бой может продолжаться и полдня. Корпус из трех или четырех дивизий может увеличить продолжительность боя вдвое, а армия численностью от 80 000 до 100 000 человек — втрое или вчетверо. Следовательно, на этот период времени массы войск могут быть предоставлены сами себе, и ни одного отдельного боя не возникнет, если в это время можно подвести остальные силы, действия которых сольются в одно целое с результатами разгоревшегося боя.

Эти цифры являются результатом опыта; но нам важно более подробно охарактеризовать момент решения исхода боя.

ИСХОД БОЯ

Исход ни одного боя не решается в один момент, хотя в каждом бою наступает момент кризиса, от которого зависит результат. Поэтому поражение в бою — процесс постепенный. Но в каждом бою наступает момент, когда можно сказать, что его исход решен и что возобновление борьбы будет новым боем, а не продолжением прежнего. Иметь ясное представление об этом моменте очень важно, чтобы решить, можно ли возобновить бой, если вовремя прибудет пополнение.

Часто в боях, течение которых исправить уже нельзя, напрасно жертвуют новыми силами, а часто из-за небрежности упускают случай вырвать победу там, где это еще возможно. Вот два примера, которые приходится как нельзя кстати.

Принц Гогенлоэ в 1806 году при Йене, с 35 000 (38 тыс. — *Ред.*) человек принял бой против сил Наполеона численно-

стью от 60 000 до 70 000 человек (90 тыс. — *Ред.*) и проиграл его — но проиграл так, что 35 000 пруссаков можно было считать разгромленными; после чего генерал Рюхель возобновил бой с силами примерно в 15 000 человек. В результате и эти силы были тоже быстро разгромлены.

В тот же самый день под Ауэрштедтом пруссаки, имея 25 000 человек (всего здесь у пруссаков было 50 тыс., но значительные силы так и не были введены в бой. — *Ред.*), до полудня вели бой против Даву, у которого было 28 000 человек (27 тыс. — *Ред.*). Бой до полудня складывался для пруссаков неудачно, но они упустили момент и не использовали резерв численностью в 18 000 человек под командованием генерала Калькрейта. При введении в бой свежего резерва его было бы невозможно проиграть.

Каждый бой — это целое, в котором исходы частных боев сливаются в один общий результат. В этом общем результате и заключается исход боя.

Зададимся вопросом: когда обычно наступает момент решения, тот момент, когда свежие, эффективные и, конечно, соразмерные силы уже не могут изменить ход неудачной битвы?

Если отбросить ложные атаки, которые согласно их природе не имеют никакого исхода, тогда такими моментами будут:

1. Если целью боя было обладание движущейся целью, ее потеря и есть этот момент.

2. Если целью боя было обладание территорией, тогда момент наступает с ее потерей.

3. Но во всех остальных случаях, когда эти два обстоятельства еще не решают исход боя, следовательно, когда основной целью боя является уничтожение сил противника, такой момент настает, когда победитель перестает чувствовать себя в состоянии расстройтва, то есть до известной степени бессилия.

Поэтому битву, в которой нападающий не потерял состояния порядка и дееспособности или, по крайней мере, потерял только небольшую часть своих сил, тогда как силы противника в большей или меньшей степени дезорганизованы, повернуть уже нельзя; особенно в том случае, если противник восстановил свою эффективность.

Следовательно, чем меньше часть войска, которая непосредственно участвует в бою, и больше та часть, которая в качестве резерва вносит свой вклад в результат боя одним своим присутствием, тем меньше шансов будет у свежих сил противника снова вырвать победу из наших рук. Тот полководец и та армия, которые ведут бои с максимальной экономией сил и используют моральный эффект наличия сильного резерва, более уверенно идут к победе.

Момент, когда у победителя проходит кризисная стадия боя и восстанавливается дееспособность, наступает тем скорее, чем меньше конкретное войсковое формирование. Конный разезд, преследующий противника, в несколько минут восстановит свой порядок, и кризис для него продолжается только эти минуты. Целому кавалерийскому полку на это потребуется больше времени; еще больше для пехоты, рассыпанной в стрелковые цепи, и, наконец, еще больше времени потребуется для большого отряда из всех родов войск, когда одна часть развернулась в одном направлении, другая — в другом. Нарушение порядка, вызванное боем, усиливается еще и тем, что ни одна часть не знает, где находятся остальные. Тут и наступает момент, когда победитель собирает свою потрепанную «боевую машину», как-то обустривает ее, размещает в определенном месте, словом, приводит в порядок свои боевые силы и средства. Такой момент наступает тем позже, чем больше войсковое формирование.

Этот момент наступает еще позже, если ночь застает победителя в состоянии кризиса, и, наконец, он наступает еще позже, если местность пересеченная и заросшая густым лесом.

До сих пор мы рассматривали помощь, приходящую к проигрывающей стороне, просто как увеличение численности, а следовательно, как пополнение, поступающее непосредственно из тыла, и это вполне распространенный случай. Но совсем иначе обстоит дело, если эти свежие силы движутся во фланги или в тыл противника.

Направляя силы на фланги и в тыл противника, можно добиться гораздо большего эффекта, но это не обязательно; в некоторых случаях можно получить и обратный результат. Все зависит от конкретных условий, в которых протекает бой, и массы других обстоятельств. Здесь же для нас важны

два момента: во-первых, атаки с фланга и тыла, как правило, больше влияют на размеры успеха после исхода боя, чем на сам исход. А ведь при возобновлении боя самое важное добиться благоприятного исхода, а не размеров успеха. С этой точки зрения надо бы считать, что подоспевшее подкрепление для возобновления нашего боя будет для нас менее выгодным, если оно направлено на неприятеля с фланга и с тыла, так как действует отдельно от нас, чем если бы оно присоединилось к нам непосредственно. Разумеется, хватает случаев, где так оно и бывает, однако нужно сказать, что в большинстве случаев происходит обратное, и причиной этого является второй важный момент — моральное воздействие неожиданности, которая возникает при появлении подкрепления. Ясно, что атака с фланга и с тыла, которая в начале боя, когда силы сосредоточены и готовы к такому событию, не так важна, приобретает другой вес в последний момент боя!

Поэтому приходится признать, что в большинстве случаев подкрепление, ударившее во фланг и в тыл противника, будет эффективным. Здесь результаты не поддаются никаким расчетам, потому что доминирующее влияние приобретают моральные силы, создавая широкое поле для проявления храбрости и отваги.

Если бой еще нельзя считать законченным, тогда новый бой, открывающийся с прибытием подкрепления, сливается с первым в общем результате. Но если исход боя уже решен, тогда получаются два отдельных результата. Если подоспевшее подкрепление по силам уступает противнику, тогда от второго боя вряд ли можно ожидать благоприятного результата; но если пополнение настолько сильно, что может предпринять второй бой, невзирая на результаты первого, тогда благоприятный исход второго боя компенсирует или даже перевесит результат первого боя.

Если удастся повернуть в свою пользу неудачный ход боя до его завершения, то его отрицательный результат не только перестает иметь значение, но даже становится основанием большей победы. Если конечный результат будет в нашу пользу, если мы вырвем у врага поле битвы и возвратим захваченные им трофеи, тогда все силы, затраченные им, становятся для нас абсолютной добычей, а наше бывшее поражение ста-

нет ступенью к большому триумфу. Так магия победы и проклятие поражения влияют на специфический вес одних и тех же элементов.

И все же, даже если мы имеем значительный перевес над силами противника и способны отплатить ему за наше поражение еще большим, всегда лучше предотвратить завершение неудачного боя и постараться обратить его в свою пользу, если он представляет для нас какую-то важность, чем давать второй бой.

Надо рассмотреть еще одно заключение.

Если в обычном, хорошо подготовленном сражении исход неудачен, это еще не является мотивом для начала нового. Такое решение может быть принято на основании всесторонней оценки конкретных обстоятельств. Однако этому противятся моральные силы. От старейшего фельдмаршала до самого юного барабанщика войска никогда не бывают больше настроены на борьбу, чем когда речь идет о том, чтобы смыть позор поражения. Правда, это справедливо лишь в том случае, когда разбитое войсковое формирование сравнительно невелико по сравнению с целым войском, потому что иначе более высокие чувства теряются в сознании своего бессилия.

Поэтому вполне естественна тенденция использовать моральную силу, чтобы тотчас же восстановить ущерб. Тогда вполне естественно, что эта вторая битва должна быть наступательной.

В ряде битв второстепенной важности имеется множество примеров таких отмщающих боев, но крупные битвы обычно имеют слишком много других причин, определяющих их возникновение, чтобы их вызвал такой относительно слабый мотив.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ

Его исход

Что такое генеральное сражение? Это бой главной массы вооруженных сил, но бой не маловажный, не преследующий второстепенную цель, не простая попытка, которая

оставляется, когда мы вовремя замечаем, что наша цель вряд ли достижима; это бой с полным напряжением сил за достижение полной победы.

В генеральном сражении к основной цели могут при-
мешиваться и побочные, и оно может приобретать различ-
ные оттенки, в зависимости от обстоятельств, которые его
вызывали, потому что и оно связано с более крупным целым,
частью которого оно является. В отличие от всех остальных
боев генеральное сражение предпринимается с единствен-
ной целью: добиться полной победы.

Это влияет на *исход генерального сражения, на послед-
ствия одержанной в нем победы и определяет его ценность
для теории как средства, ведущего к цели*. Поэтому его мы
рассмотрим особо.

Если генеральное сражение происходит на свой страх и
риск, элементы его исхода должны содержаться в нем са-
мом. Иными словами, в генеральном сражении нужно до-
биваться победы, пока остается хоть малейшая возмож-
ность одержать ее. Отказаться от победы можно не из-за
каких-то частных обстоятельств, а только тогда, когда вы-
яснится совершенная недостаточность сил.

Как же определить именно этот момент?

Если еще недавно некий искусственный порядок рас-
становки армии являлся главным условием, при котором
храбрость войск могла одержать победу, *тогда разрушение
этого порядка и было исходом*. Разбитое крыло, расшата-
ное до основания, решало судьбу держащихся вместе ча-
стей. Когда в другие времена суть обороны состояла в
тесном единении армии с местностью, на которой она
сражалась, со всеми ее препятствиями и особенностями,
так что армия и позиция представляли собой одно целое,
тогда *завоевание основного пункта* этой позиции и было
исходом.

Согласно современным понятиям, порядок сражения
есть всего лишь расположение сил, подходящее для удоб-
ного их использования, а ход сражения есть взаимное мед-
ленное истребление этих сил, чтобы выяснить, который из
двух противников будет истощен скорее.

Следовательно, решение прекратить бой возникает в
генеральном сражении более, чем в любом другом бою,

из соотношения между уцелевшими свежими резервами, оставшимися у обеих сторон; ведь только они еще сохраняют всю свою моральную силу, а пепел разбитых, разгромленных батальонов, уже сгоревших в уничтожающей стихии боя, нельзя ставить на один уровень с ними. Потерянная территория, как мы упоминали в другом месте, тоже есть мерило утраты моральной силы; и с ней приходится считаться, но больше как с признаком поражения, чем с самим поражением. Численность же свежих резервов всегда остается главным вопросом, приковывающим внимание каждого полководца.

Результат всего генерального сражения есть сумма результатов всех частных боев; эти результаты проявляются в трех формах.

Во-первых, в простой моральной силе высших офицеров. Если командир дивизии видит, что его батальоны вынуждены уступить, это повлияет на его поведение и донесения, а они, в свою очередь, окажут влияние на мероприятия главнокомандующего.

Во-вторых, в быстрой убыли наших войск, которую легко можно оценить.

В-третьих — в потере территории.

Все это служит полководцу компасом, указывающим ему курс сражения, в которое он втянут.

Мы уже не однажды говорили, что окончательный исход сражения большей частью определяется численным соотношением свежих резервов, оставшихся нетронутыми у обеих сторон, и что командующий, видящий большое превосходство резерва противника над своим, принимает решение отступить. Пока полководец, против которого, казалось бы, работает ход сражения, сохраняет превосходство в резервах, он не отдаст завоеванное. Но с того момента, как его резервы начинают становиться слабее, чем у противника, исход можно считать предрешенным, и дальнейшие действия этого полководца зависят отчасти от особых обстоятельств, отчасти от степени его личных мужества и стойкости, которые, правда, могут превратиться в глупое упрямство. Как полководцу удастся правильно оценить оставшиеся резервы обеих сторон — дело навыка и умения. Оценив свои силы, прежде чем

принять решение о прекращении боя, он должен взвесить все сопутствующие обстоятельства. Из них два главных постоянно повторяются: опасность отступления и наступление ночи.

Если отступление с каждым новым шагом генерального сражения становится все более опасным и если резервы настолько истощены, что не способны выбить противника с занимаемых позиций, тогда ничего не остается, как только покориться судьбе.

Но ночь, как правило, кладет конец всем битвам, потому что ночные бои не оставляют надежды на преимущества, разве что в особых обстоятельствах. Ночь лучше подходит для отступления, чем день, следовательно, полководец, который должен смотреть на отступление как на нечто неизбежное или в высшей степени вероятное, предпочтет воспользоваться для этой цели ночью.

Само собой разумеется, кроме вышеназванных двух обычных и главных обстоятельств, есть еще много других, которые более или менее индивидуальны и которые нельзя сбрасывать со счетов.

Завершая тему, следует остановиться на моменте, когда мужество полководца вступает в некий конфликт с разумом.

С одной стороны, властная гордость победителя, непоколебимая воля от природы непреклонного духа, энергичное сопротивление благородных чувств не позволяют уступить поле боя и тем самым потерять честь. С другой стороны, разум советует не сдавать все, не рисковать последним, а оставить столько, сколько необходимо для организованного отступления. Как бы высоко мы ни ценили мужество и твердость на войне и как бы ни были ничтожны шансы на победу у того, кто не добивается ее путем напряжения всех своих сил, все же есть предел, за которым стойкость становится лишь безнадежной глупостью и поэтому не может быть одобрена ни одним критиком. В битве при Ватерлоо Наполеон использовал свой последний резерв в усилии возобновить битву, которую возобновить уже было невозможно. Он потратил последний фартинг, а затем, как нищий, покинул поле боя и отказался от короны.

ВЛИЯНИЕ ПОБЕДЫ

В зависимости от точки зрения, мы можем точно так же удивляться невероятным результатам некоторых великих битв, как и отсутствием таковых в других. Вкратце остановимся на природе влияния крупной победы.

Здесь можно легко выделить три момента: влияние на сам инструмент победы, то есть на полководцев и их армии; влияние на государства, заинтересованные в войне; и подлинный результат, складывающийся из того, как скажутся эти влияния в дальнейшем ходе войны.

Если мы только подумаем о ничтожном различии в числе убитых, которое обычно бывает между победителем и побежденным, раненых, пленных и артиллерии, потерянных на поле боя, последствия, проистекающие из этого незначительного обстоятельства, зачастую кажутся непостижимыми, и все же обычно все тут вполне естественно.

Мы уже говорили, что значительность победы увеличивается не пропорционально численности побежденных сил, а в гораздо большей степени. Моральные последствия, вызванные исходом генерального сражения, гораздо значительнее для побежденного, чем победителя. Следовательно, этим моральным последствиям мы должны придавать особое значение. Они отражаются на обеих сторонах, подрывая силы побежденного и поднимая силы и деятельность победителя, но главное воздействие они оказывают на побежденного, потому что являются причиной новых потерь. Кроме того, моральное воздействие однородно по природе с опасностью, лишениями и трудностями, словом, со всеми тяготами, сопутствующими войне, и вкупе с ними растет еще больше, тогда как у победителя все эти обстоятельства являются лишь бременем, снижающим подъем духа. Следовательно, побежденный опускается гораздо ниже первоначальной линии равновесия, чем победитель поднимается над ней; по этой причине, говоря об эффекте победы, мы в первую очередь имеем в виду ее влияние на побежденную армию.

Моральные последствия победы в современных сражениях должны быть больше, чем они были в прежних сражениях новейшей военной истории. Если современные сражения таковы, как мы их описывали, и представляют собой

настоящую борьбу до истощения последних сил, тогда исход их в большей степени решает сумма как физических, материальных, так и моральных сил, чем особое расположение войск или простое везение.

Сделанная ошибка может быть исправлена в следующий раз; на счастливый случай или везение мы можем надеяться в других обстоятельствах; но сумма моральных и физических сил не меняется так быстро, и поэтому то, что стало причиной победы, представляет огромную важность для всего будущего.

Тот, кто не присутствовал при поражении в крупной битве, с трудом представит себе его живую и достаточно правдивую картину, а абстрактные понятия о том или ином незначительном неудачном бое никогда не составят правдивого представления о проигранном сражении. Остановимся вкратце на этой картине.

Первое, что поражает воображение и трудно поддается пониманию, — это сокращение численности войск; затем потеря территории, которая в большей или меньшей степени всегда имеет место даже у наступающего, если он терпит неудачу; далее нарушение начального боевого порядка, перемешивание войск, опасности, угрожающие отступлению, которые, за небольшими исключениями, всегда нарастают; а потом отступление, которое большей частью начинается ночью или по крайней мере продолжается всю ночь. Уже в этом первом переходе мы вынуждены оставить множество измотанных и отбившихся от своих частей людей, часто самых отважных, которые сражались дольше всех. Ощущение поражения, охватившее на поле боя старших офицеров, теперь постепенно распространяется вплоть до рядовых, подавленных ужасной мыслью о том, что они вынуждены оставить в руках противника стольких отважных товарищей, которые еще недавно бок о бок сражались вместе с ними, и удрученных возрастающим недоверием к главнокомандующему, которого, в большей или меньшей степени, все подчиненные обвиняют в бесплодном отступлении. И это ощущение поражения не что-то воображаемое, с чем можно справиться, а очевидная истина, что противник оказался сильнее нас; истина, которая раньше по многим причинам могла быть настолько скрытой, что ее не замечали, но ко-

торая на исходе сражения становится ясной и ощутимой. Возможно, о ней уже подозревали, но за неимением сил для реального противостояния рассчитывали на случайность, счастливую судьбу или дерзкую отвагу. Теперь все оказалось недостаточным, и горькая истина встречает нас резко и властно.

Очевидно, что армия в таком состоянии, если на нее смотреть как на боевое оружие, ослаблена! Как можно ожидать, что, доведенная до такого состояния, видящая в обычных трудностях войны новых врагов, она сможет собрать все силы и восстановить потерянное! До сражения между обеими сторонами было реальное или предполагаемое равновесие; оно потеряно, и для его восстановления необходима некоторая внешняя помощь; каждое новое действие без такой внешней поддержки может привести лишь к новым потерям.

Таким образом, самая умеренная победа над главными вооруженными силами подталкивает вниз чашку весов, пока новые внешние обстоятельства не внесут изменение. Если таких побед нет, если победитель является неутомимым противником, который, жажда слав, преследует великие цели, тогда требуются первоклассный полководец и истинный боевой дух армии, закаленной в многочисленных боях, чтобы не дать прорваться бурному потоку перевеса сил и умерить его ход небольшими, повторяющимися боями сопротивления, пока результат победы не растратится на развитие успеха.

Эффект поражения распространяется не только на всю армию, но и на нацию и правительство! Это внезапное крушение всяческих надежд, потеря чувства собственного достоинства и всякой уверенности в себе. На место этих уничтоженных сил в образовавшийся вакуум вливается сокрушительный страх, завершающий общий паралич.

Последствия эффекта победы в войне отчасти зависят от характера и таланта полководца, но больше от обстоятельств, которые к ней привели. Без дерзости и предприимчивости полководца самая блестящая победа не даст крупных результатов, но еще скорее истощается воздействие победы, если ей будут противодействовать неблагоприятные обстоятельства.

Но тогда возникает вопрос: должна ли теория принимать это воздействие победы как абсолютно необходимое явление? Не следует ли ей попытаться найти противодействующие средства, способные нейтрализовать это воздействие? Кажется вполне естественным ответить на этот вопрос утвердительно; но храни нас Бог от этого заблуждения, свойственного всем теориям, из которого происходят взаимно уничтожающиеся *pro et contra*.

Разумеется, это воздействие совершенно неизбежно, потому что оно заложено в самой природе дела, и будет существовать, даже если мы найдем средства для борьбы с ним.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ

Преследование разбитой армии начинается в тот момент, когда эта армия, прекращая бой, оставляет свои позиции; все остальные передвижения в том или другом направлении относятся к ходу самой битвы. Обычно победа в такой момент, даже если она несомненна, все же невелика и слаба по своим размерам и не может считаться сколько-нибудь значительным событием, если не завершена в первый же день преследованием. Только тут, как мы уже говорили, начинается сбор трофеев, материализующих победу. Об этом преследовании мы поговорим ниже.

Обычно обе стороны вступают в бой со значительно подорванными физическими силами после предшествующих бою перебросок, вызванных крайней необходимостью. Усилия, потраченные на завершение генеральной битвы, истощают обе армии до предела; кроме того, победоносная сторона дезорганизована боем лишь ненамного меньше, чем побежденная, и поэтому требует времени на восстановление боевого порядка, на то, чтобы собрать отставших солдат и выдать новые боеприпасы и снаряжение тем, кто израсходовал и утратил свои в бою. Все это повергает и победителя в состояние кризиса, о котором мы уже говорили. Если разбитый противник является лишь отдельной частью вражеской армии или если он ожидает значительные подкрепления, тогда победителя может подстерегать опасность дорого заплатить за победу. Даже когда нечего

бояться значительного усиления войск противника, победитель встречает сильное сопротивление своему стремительному преследованию. Кроме того, в этот момент на плечи полководца давит вес эмоций солдат своей армии, ее недостатков и слабостей. Всем тысячам людей под его командованием требуется хоть ненадолго остановиться, чтобы отдохнуть и восстановить силы после тяжелого, полного опасностей ратного труда. Но и у самого полководца, вследствие моральной и физической усталости, ослаблена его природная активность. Поэтому случается так, что большей частью по этим чисто человеческим причинам снижается активность армии. Только этим можно объяснить неуверенность в преследовании после победы, давшей победителю превосходство.

Начальное преследование противника мы в основном ограничиваем первым днем, включая ночь, следующую за победой. В конце этого периода необходимость отдыха предписывает нам остановку в любом случае.

Это первое преследование имеет различные степени.

Первая степень — когда преследование выполняется лишь кавалерией. В этом случае оно является скорее средством устрашения и наблюдения, чем настоящим натиском на врага, потому что самого небольшого препятствия на местности обычно достаточно для задержания преследователя.

Вторая степень — когда преследование осуществляется сильным авангардом, состоящим из всех родов войск. Подобное преследование теснит противника до ближайшей сильной позиции его арьергарда или до места ближайшей остановки его армии. Ни то ни другое нельзя найти тотчас же, и поэтому преследование может быть продолжено; в основном оно не простирается дальше расстояния в одно или, самое большее, два лье, потому что иначе авангард не будет чувствовать за собой достаточной поддержки.

Третья и самая сильная степень — когда преследование ведется продвижением всей победоносной армии, пока не иссякнут физические силы. В этом случае разбитая армия при намеке на возможность атаки или обхода со стороны противника обычно бросает позиции, предоставленные местностью, а арьергард потерпевшего поражение войска, как правило, не оказывает упорного сопротивления.

Во всех трех случаях ночь кладет конец преследованию, даже когда исход битвы был решен незадолго до наступления темноты. Это дает побежденному время на отдых и сбор разрозненных частей; если же он решит отступить ночью, то сможет выиграть пространство. После перерыва на отдых побежденный находится уже в лучшем положении: многое из того, что было потеряно, найдено, снаряжение обновлено, войска сплочены в новый порядок. Теперь любое дальнейшее столкновение с противником уже будет новым боем, а не продолжением старого, и, хотя он может вовсе не обещать счастливого исхода, все же это будет новый бой, а не собирание победителем *рассыпанных обломков*.

В тех же случаях, когда победитель может продолжить преследование ночью, хотя бы с помощью сильного авангарда, состоящего из всех родов войск, эффект победы становится значительно сильнее.

Отсюда вывод: энергия, вложенная в преследование, главным образом определяет ценность победы; это преследование является вторым актом победы, во многих случаях более важным, чем первый, а стратегия (в то время как тактика пожинает плоды победы) проявляет впервые свой авторитет в том, что требует завершения победы.

Но действия победы очень редко останавливаются на этом первом преследовании; теперь впервые начинается настоящая погоня, которой придает скорость победа.

На дальнейших стадиях преследования мы снова различаем три степени: простое продвижение вслед за противником, настоящий натиск и параллельное преследование, с целью отрезать пути отступления.

Первая погоня или преследование заставляет противника продолжать отступление, пока он не решит, что может рискнуть пойти еще на одну битву. Поэтому такого преследования будет достаточно, чтобы исчерпать завоеванные нами преимущества и, кроме того, передать в наши руки все, что враг не может унести и увезти с собой: больных, раненых, отставших, всевозможное имущество, повозки. Но такое преследование не увеличивает разложения в неприятельской армии. Это достигается двумя другими степенями преследования.

Если, например, вместо того чтобы удовольствоваться захватом лагеря, оставленного неприятелем, или захватом оставленной им территории, мы каждый раз, когда он пытается остановиться на отдых, своим авангардом будем гнать его все дальше, тогда это ускорит его отступление и, следовательно, увеличит разложение. Но больше всего на это будет влиять бегство без передышки, в которое превратится его отступление. Ничто так угнетающе не влияет на солдата, как звук неприятельской канонады в тот момент, когда он после усиленного перехода так хочет хоть немного отдохнуть; если это возбуждение продолжается изо дня в день в течение некоторого времени, это может привести к паническому страху. В этом переживании заключается сознание того факта, что он постоянно вынужден подчиняться правилам, навязываемым противником, и не способен на какое-либо сопротивление, и это может в значительной степени ослабить дух армии. Эффект такого нажима на противника достигает максимума, когда нужда заставляет противника совершать ночные переходы. Если победитель на закате выбивает уставшего противника из лагеря, который тот только что разбил или для всей армии, или хотя бы для арьергарда, он будет вынужден или совершить ночной переход или ночью изменить свою стоянку, отнеся ее назад, что одно и то же; а победитель сможет спокойно провести ночь.

Определение порядка переходов и выбор места для остановок зависит от многих факторов, особенно от снабжения армии, мощных естественных препятствий на местности, больших городов и т. д. и т. п. Но все равно полезно так спланировать переходы в ходе преследования, чтобы они заставили противника передвигаться ночью, пока мы отдыхаем. Эффективность преследования при такой организации резко повышается.

Наконец, третья и самая эффективная форма преследования — это параллельный переход к непосредственной цели отступления.

Каждая разгромленная армия, естественно, имеет у себя в тылу, на большем или меньшем расстоянии, некое место, достижение которого является для нее существенно необходимым — или потому, что дальнейшее отступление опас-

но, например, если отступающую армию загоняют в ущелье, или потому, что побежденный должен добраться до определенного пункта раньше победителя, так как там расположены склады, продовольственные магазины, удобные позиции и возможность соединения с новыми корпусами, что позволит ему продолжить сопротивление.

Если победитель направится к этому пункту рокадной дорогой, совершенно ясно, что это ускорит отступление побежденной армии, доведя его в конце концов до бегства. Побежденный имеет только три пути противодействия этому: во-первых, самому броситься на неприятеля и неожиданностью нападения добиться успеха; но это явно подразумевает предприимчивого, дерзкого полководца и отличную армию, поверженную, но не полностью разгромленную.

Второй путь — ускорение отступления. Но именно этого противнику и надо. Такой прием ведет к неумеренным усилиям со стороны войск, а следовательно, и к огромным потерям: отставшим солдатам, разбитым орудиям и повозкам.

Третий путь заключается в том, чтобы пойти в обход и на приличном удалении обойти те пункты, где преследователю легче всего перерезать путь отступающему. В этом случае переход совершается с меньшим напряжением сил, и поспешность отступления делается менее вредной. Последний путь худший из всех, он напоминает ситуацию, когда неплатежеспособный должник берет новый заем и еще глубже увязает в долгах. Бывают случаи, когда этот путь можно считать целесообразным; иногда ничего другого не остается. Есть примеры, когда этот путь приносил успех; но в целом, безусловно, на его принятие толкает не твердая уверенность в том, что это самый надежный путь к цели, а страх повстречаться с противником. Горе полководцу, который поддается этому! Как бы ни был подорван моральный дух армии и как бы ни были обоснованы его опасения перед столкновением с противником, это зло лишь усугубится из-за боязливого уклонения от всякого риска такой встречи. Наполеон в 1813 году никогда бы не переправил через Рейн 30 000 или 40 000 человек, оставшихся у него после битвы при Ханау, если бы он избежал этой битвы и попытался перейти Рейн в Мангейме или Кобленце. Лишь посредством небольших боев, тщательно подго-

товленных и осуществленных, может быть воскрешен боевой дух армии.

Небольшие успехи оказывают невероятно благотворный эффект; но от большинства полководцев принятие решения о вступлении в небольшой бой требует огромного самообладания. Другой путь, путь уклонения от столкновения, кажется намного легче.

Однако нужно напомнить, что речь идет обо всей армии, а не об одной дивизии, которая, оказавшись отрезанной, стремится воссоединиться с армией путем обходного маневра; в этом случае обстоятельства иные, и успех достигается не так уж редко.

Такие марши преследования ослабляют и преследователя, и преследуемого, и они не рекомендуются, если неприятельская армия движется для объединения со значительными силами, во главе которых стоит выдающийся полководец, и если ее разгром еще не полностью подготовлен. Но когда этот способ можно применить, он действует как огромная машина. Разбитая армия несет несоразмерные потери больными и отставшими, из-за страха перед гибелью дух армии постепенно падает так, что в конце концов о хорошо организованном сопротивлении не может быть и речи; каждый день в руки противника без всякого боя попадают тысячи пленных. В такой момент полного везения победителю нечего бояться разделения своих сил, чтобы увлечь в сокрушительный водоворот событий все, что находится в пределах досягаемости его армии: отрезать отдельные вражеские отряды, захватить крепости, не готовые к обороне, занять большие города и т. д. и т. п. Он может делать все, что угодно, пока не создастся новая обстановка, и чем больше он рискует, тем позже произойдут эти перемены.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПОСЛЕ ПРОИГРАННОЙ БИТВЫ

Проигранная битва подрывает силы армии, причем моральные значительно больше, чем физические. Вторая битва, если не возникнут новые благоприятствующие обстоятельства, приведет к полному разгрому, а может быть, и к уничтожению армии. Это военная аксиома. Естественно,

отступление продолжается до того момента, пока равновесие сил не восстановится или подкреплениями, или защитой сильных крепостей, или надежными оборонительными позициями на местности, или раздробленностью сил противника. Размеры понесенных потерь, величина поражения, но еще больше характер врага могут приблизить или отдалить наступление момента этого равновесия. Как много можно найти примеров, когда разбитая армия очень скоро снова сплачивала свои силы, хотя обстоятельства с момента битвы ничуть не изменились. Причину этого можно увидеть в слабости боевого духа противника или в том, что преимущества, достигнутого в битве, недостаточно для того, чтобы организовать настойчивый натиск в последующем.

Чтобы использовать эту слабость или ошибку противника и не отступить ни на дюйм дальше того, что требуют обстоятельства, но главным образом для того, чтобы поддержать моральный дух армии на должной высоте, абсолютно необходимо медленное отступление, сопровождающееся беспрестанным сопротивлением с дерзкими, отважными контрударами всегда, когда преследующий чересчур увлечется использованием своих преимуществ. Отступления великих полководцев и армий, приученных к войне, всегда напоминали отход раненого льва, и это, несомненно, лучшая теория.

Правда, очень часто, в момент оставления опасной позиции, некоторые полководцы начинали выполнять пустые формальности, что приводило к потере времени и росту опасности, потому что в таких ситуациях все зависит от возможности быстро уйти. Опытные полководцы считают это правило очень важным. Но такие случаи не следует путать с общим отступлением после проигранной битвы. Полководец, считающий, что совершением нескольких больших маршей он сможет выиграть пространство и легко восстановить пошатнувшееся положение, совершает грубую ошибку. Первые марши должны быть как можно короче, и при этом надо взять за правило не поддаваться диктату врага. Этому правилу нельзя следовать, не вступая в кровопролитные стычки с преследующим противником, но выигрыш стоит жертв. Иначе отступление становится поспешным и скоро превращается в бешеный поток, причем потери только от-

ставшими превышают те, которые были бы при арьергардных боях. Кроме того, при таком бегстве теряются остатки мужества.

Сильный арьергард, состоящий из отборных частей, под командованием самого храброго полководца, и поддержанный в критические моменты всей армией, тщательное использование территории, сильные отпоры дерзкому неприятельскому авангарду всегда, когда позволяют условия местности; короче, подготовка и проведение настоящих небольших битв — вот средства следования этому принципу.

Время от времени предлагалось отступать отдельными колоннами или даже в расходящихся направлениях. Мы не говорим о том разделении на колонны, которое делается для удобства передвижения и при котором остается возможность совместных боевых действий. Любые другие разделения предельно опасны. Каждое проигранное сражение ведет к ослаблению и разложению войск. Поэтому очень важно собрать все войска вместе и в этой массе вновь навести порядок, обрести мужество и уверенность.

Глава 4

НАСТУПЛЕНИЕ И ОБОРОНА

ПОНЯТИЕ ОБОРОНЫ

В чем заключается понятие обороны? В отражении удара. Каков же тогда ее признак? Ожидание этого удара. Одним этим признаком оборона на войне отличается от наступления. Но абсолютная оборона полностью противоречит понятию войны, потому что тогда это будет война, ведомая только одной стороной. Из этого следует, что оборона на войне может быть только относительной, и вышеуказанный признак распространяется только на понятие обороны в целом и не имеет отношения ко всем отдельным операциям, составляющим войну.

Но если мы со своей стороны действительно ведем войну, то должны отбивать атаки неприятеля, нанося ему ответные удары, следовательно, эти наступательные акты в оборонительной войне проходят до известной степени под общим названием обороны. Поэтому можно и в оборонительной кампании вести частные наступательные бои, а в оборонительном сражении использовать для наступления какую-нибудь дивизию и, наконец, ожидая стремительной атаки неприятеля, произвести построение войск для встречи противника, посылая пули в ряды врага. Поэтому оборонительная форма ведения войны является не непосредственным щитом, а щитом, состоящим из искусно нанесенных ударов.

В чем заключается смысл обороны? *В сохранении.* Сохранить легче, чем приобрести; из чего тотчас же следует, что при равных средствах с обеих сторон оборона легче, чем наступление. Но в чем состоит легкость сохранения? В том,

что все время, свободное от боев, работает на пользу обороны. Любая приостановка наступательных действий, продиктована ли она ошибочными взглядами, страхом или ленью наступающего, работает в пользу обороняющейся стороны.

Установив эти основные положения, перейдем теперь непосредственно к теме. Поскольку оборона имеет негативную цель, *сохранение*, а наступление позитивную — *завоевание*, и поскольку последнее увеличивает наши средства ведения войны, а сохранение нет, можно сказать, что *оборонительная форма войны сама по себе сильнее, чем наступательная*.

Если оборона есть более сильная форма ведения войны, но имеет негативную цель, само собой разумеется, что мы должны использовать ее только до тех пор, пока нас принуждает к этому наша слабость, и должны отказаться от нее, как только почувствуем себя достаточно сильными, чтобы поставить перед собой позитивную цель. Одержав с помощью обороны победу, мы обычно улучшаем свое положение, следовательно, вполне естественно начинать войну с обороны, а заканчивать наступлением. Таким образом, считать оборону конечной целью войны противоречит ее понятию. Война, в которой победы используются лишь для отражения ударов противника, не нанося ответных ударов, была бы такой же абсурдной, как сражение, в котором преобладала бы абсолютная оборона (пассивность).

Установив понятие обороны и очертив ее границы, мы еще раз вернемся к утверждению, что оборона является более сильной формой ведения войны.

Если бы наступательная война была сильнее, все бы наступали, а оборона была бы абсурдом. Если оглянуться на опыт, мы нигде не увидим, чтобы кто-то вел войну на двух разных театрах военных действий — на одном наступательную, с более слабой армией, чем у неприятеля, а на другом — оборонительную, с силами, превосходящими силы соперника. Но если везде и во все времена дела обстоят прямо противоположным образом, ясно, что полководцы, несмотря на личные склонности к наступлению, все же считают оборону более сильной формой ведения войны.

НАСТУПЛЕНИЕ И ОБОРОНА В ТАКТИКЕ

Мы должны расследовать обстоятельства, которые дают победу в бою.

Численное превосходство, мужество и дисциплина, как правило, зависят от обстоятельств, лежащих вне области искусства ведения войны в том смысле, о котором здесь идет речь, к тому же эти качества скажутся и в обороне, и в наступлении. По нашему мнению, существенное преимущество дают три фактора: *неожиданность, преимущество, предоставляемое территорией, и атака с нескольких сторон*. Неожиданность производится тем, что на одном из участков против неприятеля выставляется гораздо больше войск, чем он ожидал. Численное превосходство в этом случае очень отличается от общего численного превосходства; и оно является самым мощным фактором искусства ведения войны.

Свой вклад в победу вносят преимущества, предоставляемые территорией, но это не только крутые склоны, высокие горы, болотистые водоемы, изгороди, огороженные места и т. д., но и возможность укрыть свои войска. Следует сказать, что, даже если территория совершенно одинакова для обеих сторон, она даст больше преимуществ тому, кто знаком с ней. Атака с нескольких сторон включает в себя различные тактические обходы, крупные и малые, и ее влияние проявляется частично в удвоении интенсивности огня, а частично в страхе противника перед отрезанием путей отступления.

НАСТУПЛЕНИЕ И ОБОРОНА В СТРАТЕГИИ

В стратегии успех, с одной стороны, заключается в успешной подготовке тактической победы; чем больше стратегический успех, тем более вероятной становится победа в сражении. С другой стороны, стратегический успех заключается в использовании завоеванной победы. Чем больше стратегии удастся вовлечь с помощью своих комбинаций после одержанной победы, увеличивая ее результаты, чем большим она может завладеть среди обломков всего, что до

основания было разрушено во время сражения, чем больше ей удастся собрать в одно целое то, что было добыто огромным трудом многих участников сражения, тем большим будет успех. Факторы, которые обычно дают такой успех или, по крайней мере, облегчают его достижение, следующие:

1. Преимущество местности.

2. Внезапность — или атаки, застающей врасплох, или неожиданное сосредоточение в одном месте более крупных сил, чем предполагалось.

3. Атака с нескольких сторон.

(Все три фактора такие же, как в тактике.)

4. Подготовка поля боя и помощь театра военных действий — создание укреплений и всего к ним относящегося.

5. Поддержка народа.

6. Использование огромных морально-духовных сил.

Так какое же отношение имеет все это к наступлению и обороне?

Обороняющийся имеет преимущество местности; нападающий — преимущество внезапной атаки, как в стратегии, так и в тактике. В тактике внезапность редко приводит к крупной победе, тогда как в стратегии она нередко заканчивает войну одним ударом. Но в то же время надо заметить, что выгодное использование этих средств предполагает какую-нибудь *серьезную, редко встречающуюся*, а также *бесспорную* ошибку противника и, следовательно, не меняет равновесия в пользу наступления.

Атаки во фланг и тыл в тактике очень отличаются по своей природе от аналогичных актов в стратегии, так как там они могут быть направлены на боковые крылья армий и тыл театра военных действий. Из-за больших пространств в стратегии охватывающее наступление или наступление с нескольких сторон, как правило, возможны только с более активной стороны, то есть со стороны нападающего.

Четвертый принцип, *помощь театра военных действий*, естественно, является преимуществом на стороне обороняющегося. Если атакующая армия начинает кампанию, она отрывается от собственного театра военных действий и таким образом ослабляется, оставляя свои крепости и склады. Чем шире сфера операций, тем более она ослабляется (маршами и устройством гарнизонов); обороняющаяся же

армия продолжает пользоваться поддержкой своих крепостей, никоим образом не ослабляется и находится поблизости от своих источников снабжения.

Поддержка населения, как пятый принцип, реализуется не в каждой обороне, так как оборонительная кампания может вестись на территории противника, но все же этот принцип, исходя из понятия обороны, в большинстве случаев применим в ней. Под этим подразумевается в основном, хотя и не исключительно, содействие вооруженных народных масс.

Наполеоновская кампания 1812 года дает, как через увеличительное стекло, очень ясную иллюстрацию влияния средств, указанных в принципах 3 и 4. Около 500 000 человек (у Наполеона. — *Ред.*) форсировали Неман, 120 000 (135 тыс. — *Ред.*) сражались при Бородине и еще меньше дошли до Москвы.

Можно сказать, что влияние этого чрезвычайно важного опыта (в обратном направлении Неман пересекло менее 20 тыс. — *Ред.*) было настолько сокрушительным, что, даже если бы русские не предприняли вообще никакого наступления (т. е. в 1813—1814 гг.), им бы все равно в течение значительного времени не угрожала опасность нового нашествия (что и подтвердилось в Крымскую войну 1853—1856 гг. — *Ред.*). Конечно, за исключением Швеции (Финляндия тогда была в составе России), в Европе нет ни одной страны, расположенной так же, как Россия, но действующий принцип всегда остается тем же, различна только степень его силы.

Если к четвертому и пятому принципам добавить, что эти силы относятся к изначальной обороне, то есть обороне на своей территории, и что они гораздо слабее, если оборона имеет место на территории противника и связана с проведением наступательных операций, то отсюда вытекает, приблизительно так же, как и при третьем принципе, новая невыгода для наступления. Ведь точно так же, как оборона не состоит исключительно из оборонительных действий, так и наступление не состоит только из активных действий; более того, всякое наступление, не ведущее к миру, неизбежно должно заканчиваться обороной.

Остается еще упомянуть один небольшой фактор — высокий дух, чувство превосходства, которое возникает из

осознания принадлежности к наступающей стороне. Это несомненный факт, но это чувство вскоре переходит в более значительное и сильное, которое придают армии ее победы или поражения, талантливость или бездарность ее полководцев.

ХАРАКТЕР СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ

Даже если цель войны заключается только в сохранении существующего положения, все же простое парирование удара несколько противоречит понятию войны, потому что ведение войны — это не только состояние терпения. Если обороняющийся получил важное преимущество, тогда оборона выполнила свою задачу, и под защитой этого успеха он должен отплатить ударом за удар, если не хочет идти навстречу неминуемой гибели. Здравый смысл подсказывает использовать достигнутое преимущество для того, чтобы оградить себя от вторичного нападения. Как, когда и где начнется эта реакция, зависит от ряда других обстоятельств. Мы всегда должны считать этот переход к наступлению естественной тенденцией обороны. Если же из победы, завоеванной с помощью обороны, не извлекается никакой выгоды, можно смело сделать вывод, что военными действиями руководят неправильно.

Стремительный и мощный переход в наступление является самым блестящим моментом обороны. Кто с самого начала не включает этот момент в понятие обороны, тот никогда не поймет ее превосходства. Он всегда будет думать только о том, что можно приобрести или насколько можно ослабить неприятеля посредством наступления, но ведь результат зависит не от того, как завязан узел, а от того, как он будет развязан. Если под термином «наступление» мы будем всегда понимать только внезапное нападение и, следовательно, под термином «оборона» — только разброд и смятение, это будет глупое смешение понятий.

Конечно, завоеватель принимает решение начать войну раньше, чем обороняющийся, и, если он сумеет сохранить в секрете свои приготовления, он может застать обороняющегося врасплох; но это несвойственно самой войне,

потому что так не должно быть. Война фактически существует больше для обороняющегося, чем для завоевателя, потому что лишь вторжение вызывает к сопротивлению, и только пока существует сопротивление, существует война. Завоеватель всегда «миролюбив» (как говаривал о себе Наполеон); ему бы хотелось войти в наше государство, не встретив сопротивления; чтобы помешать этому, мы должны хотеть войны и поэтому готовиться к ней. Именно слабый или тот, кто должен обороняться, всегда должен быть вооружен, чтобы не быть застигнутым врасплох.

Появление на театре военных действий одной стороны быстрее, чем другой, в большинстве случаев зависит от причин, никак не связанных с наступательными или оборонительными намерениями. Если нападение сулит значительные выгоды, тот, кто будет готов раньше, начнет наступление именно по причине своей готовности; а тот, кто запоздал со своими приготовлениями, сможет только в некоторой мере предотвратить грозящий ему ущерб преимуществами обороны.

Если мы представим себе оборону такой, какой она должна быть, мы должны предполагать, что она имеет в готовности все средства: боеспособную армию, привычную к войне, полководца, ждущего противника не с чувством растерянности и страха, а хладнокровно, по свободному выбору, крепости, не боящиеся осады, и, наконец, преданный народ, боящийся противника не больше, чем противник боится его. С такими атрибутами оборона будет играть не такую жалкую роль по сравнению с наступлением, а последнее не покажется такой легкой и уверенной формой ведения войны, как в достойных жалости представлениях тех, кто связывает с наступлением мужество, силу воли и энергию, а с обороной только беспомощность и апатию.

Если в военной истории мы реже находим примеры крупных побед, являющихся результатом оборонительной битвы, чем в случае битвы наступательной, это ничуть не противоречит нашему утверждению, будто одно так же способно принести победу, как и другое. Истинная причина заключается в существенном различии условий, в которых находятся обороняющийся и наступающий. Армия, держащая оборону, является слабейшей из двух не только в числен-

ности вооруженных сил, но и во всех условиях обстановки. Она в большинстве случаев не имеет или думает, что не имеет возможности довершить победу великими результатами, и довольствуется лишь тем, что отражает опасность и спасает честь своего оружия. То, что обороняющийся может быть иногда действительно связан меньшей численностью своих войск и обстановкой, мы не обсуждаем. Однако часто то, что являлось результатом необходимости, принималось за следствие той роли, которую приходится играть обороняющемуся; таким образом, как ни абсурдно, но преобладающей стала точка зрения, будто оборонительные битвы на самом деле заключаются в отражении ударов неприятеля, а не в его уничтожении. Мы считаем это ошибочным предубеждением, смешением формы с самим делом и утверждаем, что в той форме войны, которую мы называем *обороной*, победа не только более вероятна, но может достичь того же величия и эффективности, как и при наступлении. Это относится не только к *суммарному результату* всех боев, из которых состоит кампания, но и к результату любого *частного боя*, если хватает необходимых сил и энергии.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

Народную войну вообще следует рассматривать как прорыв военной стихии из старых формальных границ; расширение и усиление всего волнующего процесса, который мы называем войной. Система реквизиций, огромное увеличение численности армий посредством введения всеобщей воинской повинности, использование ополчения — все эти явления, если исходить из прежней ограниченной военной системы, ведут по одному и тому же пути, и на этом пути лежит *a levée en masse*¹ или поголовное вооружение народа. В большинстве случаев те, кто разумно использует народные войны, добьется превосходства над теми, кто пренебрегает их использованием. Тогда встает вопрос: является ли это новое усиление стихии войны благотворным для интересов человечества или нет. Ответить на этот вопрос

¹ Массовый подъем (фр.). (Примеч. пер.)

было бы почти так же легко, как на вопрос о самой войне, и ответ на оба этих вопроса мы предоставляем философам. Но кто-то может высказать мнение, что силы, поглощаемые народными войнами, могли бы быть более выгодно использованы в обеспечении других средств ведения войны. Нет необходимости в очень глубоких исследованиях, чтобы убедиться, что эти силы чаще всего не подвластны нам и не могут быть использованы по нашему желанию. Существенная составляющая этих сил, а именно моральные силы возникают лишь при организованном руководстве народной войной.

Поэтому не приходится спрашивать, во что обойдется народу сопротивление, когда он поголовно берется за оружие. Но мы спрашиваем: какой эффект может произвести это сопротивление? Каковы его условия и как его надо использовать?

Такое разрозненное сопротивление не подходит для нанесения крупных ударов, требующих сосредоточения во времени и пространстве. Действие его поверхностное, подобно процессу испарения воды в природе. Чем больше эта поверхность и чем шире соприкосновение с неприятельской армией, тем больше будет эффект народной войны. Как медленный, тлеющий огонь, он разрушает основы неприятельской армии. Для того чтобы сказались результаты народной войны, требуется время, и в период взаимодействия народных масс и воинских сил противника возникает состояние напряжения. Оно или постепенно проходит, если народная война подавляется в отдельных местах, или само медленно угасает, или ведет к кризису, когда пламя всеобщего пожара охватывает вражескую армию со всех сторон и заставляет противника очистить страну, чтобы спастись от полного уничтожения. Чтобы этот результат был достигнут только народной войной, следует предположить или такое пространство захваченных территорий, которое в Европе можно найти только в России, или такое несоответствие размеров вторгшейся армии с размерами площади страны, чего в реальности никогда не бывает. Поэтому, чтобы не гоняться за призраками, мы всегда должны представлять народную войну в сочетании с войной, ведущейся регулярной армией, и обе эти войны, ведущиеся в соответствии с планом, охватывающим операции в целом.

Народная война может стать эффективной только при следующих условиях:

1. Война ведется внутри страны.
2. Исход ее не должен быть решен одной-единственной катастрофой.
3. Театр военных действий должен охватывать значительную территорию.
4. Национальный характер должен благоприятствовать этому мероприятию.
5. Территория страны должна быть сильно пересеченной и труднодоступной из-за гор, лесов, болот или свежевспаханых полей.

Национальные рекруты и вооруженное крестьянство не могут и не должны быть использованы против основных сил неприятельской армии или даже против значительной воинской части. Их задача не расколоть орех, а понемногу подтачивать его скорлупу. Мы не высказываем преувеличенных идей о всемогуществе народной войны, таких, например, что она является неисчерпаемой, непобедимой стихией, которую не может обуздать вооруженная сила, подобно тому как человеческая воля не может повелевать ветром или дождем. И все же надо признать, что нельзя вести вооруженных крестьян перед собой, как солдат, привыкших держаться вместе, как стадо животных, и готовых по приказу всегда идти вперед. Вооруженные крестьяне, будучи разбиты, рассеиваются во все стороны, не нуждаясь в каком-либо плане. Ввиду этого обстоятельства марш небольшого отряда по горной, лесистой или пересеченной местности становится очень опасным, потому что в любой момент может обратиться в бой, даже если давно не было слышно ни о каких неприятельских войсках. В любой момент в хвосте войсковой колонны могут появиться вооруженные крестьяне противника, сметенные перед этим головной частью той же колонны.

По нашему представлению, народная война должна сохранять свое «облачное», туманное состояние и никогда не сгущаться в действия компактных отрядов, иначе неприятель направит против них соответствующие силы, уничтожит их и захватит много пленных. В результате этого дух сопротивления упадет, и оружие выпадет из рук народа. Об-

разно говоря, этот «туман» должен собираться в некоторых местах густыми массами, образуя грозные тучи, из которых могла бы сверкнуть устрашающая молния.

Легче всего придать народной войне организованный характер полководец может, поддерживая ее небольшими регулярными отрядами. Но и это имеет свои пределы; в первую очередь из-за того, что распыление армии ради этой второстепенной задачи нанесло бы ей ущерб; и, во-вторых, потому, что опыт подсказывает нам: когда в одном месте сосредоточено слишком много регулярных войск, народная война теряет свою силу и эффективность. Причины этого заключаются, прежде всего, в том, что на данную территорию оказываются привлеченными слишком много неприятельских войск; во-вторых, в том, что жители этой территории полагаются на собственные регулярные отряды, и, в-третьих, в том, что сосредоточение такого большого количества войск предъявляет слишком высокие требования к деятельности народа в ином направлении, то есть в обеспечении квартирами, транспортом, продовольствием, фуражом и т. д. и т. п.

В оборонительном бою требуется упорное, медленное, систематичное действие, и он сопряжен с огромным риском; простая попытка, от которой мы можем воздерживаться сколько угодно, никогда не может привести к результатам в оборонительном бою. Следовательно, если национальным рекрутам доверена оборона какой-нибудь отдельной части территории, надо позаботиться о том, чтобы эта мера не привела к крупному оборонительному бою; ведь в этом случае даже при благоприятных обстоятельствах они обязательно будут разгромлены. Поэтому им лучше поручать защиту горных проходов и перевалов, гатей через болота, переправ через реки, пока им это удастся. Если же линия обороны прорвана, им лучше рассредоточиться и продолжить оборону внезапными атаками, чем сосредоточиться и укрыться в каком-нибудь узком последнем убежище, перейти к правильной обороне и дать себя окружить. Каким бы храбрым и воинственным ни был народ, как бы сильна ни была его ненависть к врагу, как бы ни благоприятствовала природа местности, неоспоримым фактом является то, что народная война не может вестись в атмосфере, слишком полной опасности.

Ни одно государство не должно считать, что все его существование зависит от одного сражения, пусть даже самого решительного. В случае поражения призыв новых сил и естественное ослабление, которое со временем переживает каждый наступающий, может вызвать новый поворот судьбы, или же помощь может прийти извне. Времени для смерти всегда достаточно; вполне естественно, что утопающий хватается за соломинку; так и народ, стоящий на краю пропасти, должен использовать для своего спасения все возможные средства.

Как бы мало и слабо ни было государство по сравнению с неприятелем, если оно не предпримет последнее предельное усилие, мы должны сказать, что в нем больше не осталось жизни. Это не исключает возможности спасения от полной гибели путем заключения мира, пусть и с большими жертвами; но и такое намерение ничуть не исключает полезности новых мер обороны; они не затрудняют и не ухудшат условия мира, а, напротив, облегчат заключение мира и улучшат его условия. Они еще более необходимы, если ожидается помощь тех, кто заинтересован в сохранении нашего политического существования. Следовательно, любое правительство, которое после поражения в крупной битве думает только о том, как поскорее вернуть нацию в мирное русло, которое морально сломлено крушением великих надежд и не чувствует в себе ни мужества, ни желания собраться с силами, полностью расписывается в своей слабости и показывает себя недостойным победы. Вероятно, именно поэтому оно и не смогло победить.

БОЛЕЕ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ЦЕЛИ В ВОЙНЕ

Целью войны всегда должно быть поражение противника; это фундаментальная предпосылка, от которой мы и будем отталкиваться.

Так что же такое это поражение? Оно не всегда подразумевает необходимость полного завоевания вражеской страны. Согласно большинству подтвержденных фактов, поражение противника обуславливается в основном следующими обстоятельствами:

1. Разгромом его армии, если она до известной степени представляет самостоятельный источник силы.

2. Захватом вражеской столицы, если она представляет собой не только административный центр, но и местопребывание представительных учреждений и политических партий.

3. Эффективным ударом против главного союзника, если он сильнее самого неприятеля.

До сих пор мы всегда предполагали противника в войне единым целым, что при широком подходе к вопросу было вполне допустимо. Но, сказав, что поражение противника заключается в преодолении его сопротивления, сосредоточенного в центре его силы, мы должны отказаться от этой предпосылки и рассмотреть случай, когда нам приходится иметь дело более чем с одним противником.

Если два или более государства объединяются против третьего, это сочетание образует, в политическом аспекте, только одну войну, однако такой политический союз бывает разным.

Вопрос заключается в том, имеет ли каждое государство в коалиции независимый интерес и независимую силу, с которой можно вести войну, или же среди них есть одно, на чьи интересы и силы опираются остальные. Чем более верно второе предположение, тем легче рассматривать этих объединенных противников как одного врага и тем скорее мы можем упростить наши основные действия, сведя их к одному главному удару, и, поскольку такое упрощение возможно, этот удар становится самым верным средством для достижения успеха.

Следовательно, можно утверждать, что если, победив одного главного врага, мы побеждаем и его союзников, то поражение этого одного должно быть целью войны, потому что в лице этого одного мы наносим удар по общему силовому центру всей войны.

Военные действия, как и всякое другое дело на земле, требуют времени; но на войне нет ни следа какого-либо взаимодействия времени и силы, которое имеет место в динамике.

Время необходимо для обеих воюющих сторон, и вопрос заключается только в том, которая из них по своему поло-

жению может первой получить от времени *особые преимущества*. Такой стороной (не считая особенностей в положении той или иной стороны), очевидно, будет *слабейшая* сторона. Зависть, соперничество, заботы, а порой даже великодушные являются естественными защитниками несчастного; с одной стороны, они создают ему друзей, а с другой стороны, ослабляют и разрушают коалицию между его врагами. Следовательно, время даст больше выгоды побежденному, чем победителю.

Но если завоеванные территории достаточно велики, если в них есть пункты, необходимые для благосостояния незавоеванных территорий, то нанесенное поражение, как раковая опухоль, все глубже вгрызается в организм побежденного; тогда возможно, что победитель, не предпринимая ничего больше, с течением времени будет больше выигрывать, чем проигрывать. В подобных обстоятельствах, если не поступит никакой помощи извне, время может завершить начатую работу: то, что осталось непобежденным, падет, вероятно, само собой.

Целью наших рассуждений было ясно показать, что всякое завоевание должно быть выполнено как можно скорее, что рассрочка в его выполнении на *более длительное время*, чем это абсолютно необходимо, не *облегчает, а затрудняет завоевание*.

Выше мы говорили, что под выражением «поражение противника» мы понимаем реальную абсолютную цель военных действий. Теперь рассмотрим, что нужно делать, когда условий для достижения этой цели не существует.

Эти условия предполагают существенное физическое и моральное превосходство или огромную предприимчивость и врожденную склонность к предельному риску. Там, где на все это рассчитывать не приходится, цель военных действий может быть двух видов: или завоевание небольшой или умеренной части территории противника, или сохранение собственной до лучших времен; в оборонительной войне обычно происходит последнее.

Которая из этих целей уместна в конкретном случае, всегда можно установить, вспомнив выражение, примененное по отношению к последней. *Ожидание до более благоприятных времен* подразумевает, что у нас есть основания ожидать

такие времена и что оборонительная война всегда основана на этом ожидании. С другой стороны, наступательная война, то есть использование преимуществ настоящего момента, всегда предпочтительнее, когда будущее сулит лучшие перспективы не нам, а нашему противнику.

Третий случай, вероятно, наиболее распространенный — это когда ни одна сторона ничего определенного от будущего не ожидает. В этом случае наступательная война просто необходима для политического агрессора, то есть для того, кто имеет позитивный мотив.

Мы здесь решаем в пользу наступательной или оборонительной войны по причинам, не имеющим ничего общего с относительными силами участников битвы. И все же может показаться, что правильнее делать выбор между наступлением или обороной, исходя главным образом из взаимного соотношения сил воюющих сторон. По нашему мнению, поступая так, мы лишь отходим от правильного пути.

Предположим, что небольшое государство вовлечено в схватку с противником, значительно превосходящим его по силе, и заранее знает, что с каждым годом его положение будет ухудшаться; не следует ли, если война неизбежна, воспользоваться временем, когда ситуация еще не так плоха? Тогда такое государство должно наступать, но не потому, что наступление *само по себе* даст какие-то преимущества, а потому, что это, скорее, уменьшит неравенство сил. Меньшее государство должно наступать потому, что ему необходимо решить исход дела, пока не настали худшие времена, или получить по крайней мере временные преимущества, которые можно будет использовать впоследствии. Такой вывод не должен казаться абсурдным. Если бы это маленькое государство было вполне уверено, что неприятель пойдет против него, тогда, безусловно, оно может и должно воспользоваться обороной против врага, чтобы обеспечить себе первое начальное преимущество. Здесь, по крайней мере, нет никакой опасности потерять время.

Глава 5

ПЛАН ВОЙНЫ

План войны включает в себя все проявления военной деятельности в целом и объединяет ее в особое действие, имеющее единую конечную цель. Ни одна война не начинается или, по крайней мере, ни одна война не должна начинаться без ответа на следующий вопрос: чего мы хотим достигнуть посредством войны и в течение ее? В первом содержится смысл войны; второе является ее целью. Из этой основной мысли вытекает все руководство войной, определяется расход сил и энергии; ее влияние распространяется на мельчайшие проявления военной деятельности.

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ

При абсолютной форме войны, когда все вытекает из естественных и необходимых оснований и одно стремительно следует за другим; когда, если можно так выразиться, не остается места нейтральному промежутку, вся война полна многообразным взаимодействием. Тесная связь охватывает ряд последовательных сражений; кульминационный момент, имеющийся у всякой победы, определяет пределы, за которыми начинаются потери и поражения; все эти естественные в ходе войны отношения, утверждаем мы, допускают только *один результат*, а именно *конечный успех*. Здесь мы можем сказать: конец — делу венец. С этой точки зрения война есть неделимое целое, части которого (отдельные успехи) имеют ценность только лишь в связи с этим целым.

Этому крайнему взгляду на общую связь военных успехов можно противопоставить другой крайний взгляд, согласно которому война состоит из единичных, независимых успехов, причем, как в карточной игре, предыдущий выигрыш не оказывает никакого влияния на последующий. Здесь все сводится лишь к общей сумме результатов, и каждый из них мы можем отложить, как игральную фишку.

Истинность первой точки зрения вытекает из природы войны, подтверждение истинности второй мы находим в истории. Есть бесчисленное множество случаев, когда можно достигнуть небольших успехов, не связывая себяотягчающими условиями. Чем более умеренной будет стихия войны, тем более распространенными становятся эти случаи.

Если мы придерживаемся первой из этих точек зрения, мы должны осознать необходимость с самого начала рассматривать любую войну как единое целое, имея в виду, что при самом первом шаге вперед полководец должен видеть цель, к которой ведут все нити.

Если мы примем вторую точку зрения, тогда можно задаться второстепенными выгодами ради них самих, предоставив все остальное последующим событиям.

Поскольку ни одну из этих точек зрения нельзя назвать полностью безрезультатной, следовательно, теория не может обойтись без обеих. Но в их использовании имеется следующее различие: первая, как коренная, должна всегда браться за основу, а вторая использоваться лишь для поправок в зависимости от особых обстоятельств.

О ЗНАЧЕНИИ ДВИЖУЩИХ МОТИВОВ В ВОЙНЕ

Принуждение, которое мы должны применить по отношению к своему противнику, будет находиться в соответствии с нашими политическими требованиями и требованиями противника. Поскольку они известны, то, казалось бы, степень обоюдных усилий можно определить. Однако политические требования не всегда столь очевидны, и в этом первая причина различия средств, применяемых обеими сторонами.

Конкретная ситуация и положение государств не похожи друг на друга; в этом может заключаться вторая причина.

Сила воли, характер и способности правительств также мало походят друг на друга; это — третья причина.

Эти три причины вносят известную неопределенность в определение силы ожидаемого сопротивления и, следовательно, в расчет средств, которые надо будет использовать, а также постановки перед собой конечной военной цели.

Чтобы обеспечить реальный масштаб средств, которые придется применить в войне, мы должны подумать о политическом смысле ее как для себя, так и для противника, оценить характер и способности правительства и народа с обеих сторон, и, наконец, политические отношения с другими государствами, и то влияние, которое на них окажет война. Легко понять, что определение этих разнообразных обстоятельств и их связи друг с другом является огромной проблемой. Требуется истинная вспышка гения, чтобы моментально обнаружить верное решение. Всю сложность этой проблемы невозможно разрешить лишь с помощью правильных рассуждений. Наполеон был совершенно прав, говоря, что с такой алгебраической задачей не справился бы и сам Ньютон.

Прежде всего мы должны признать, что суждение о приближающейся войне, о конечной военной цели, которую надо себе поставить, и потребных для нее средствах складывается только после тщательного изучения всех обстоятельств, в которых учтены злободневные моменты переживаемого времени. Это суждение, как и все в военной жизни, не может быть чисто объективным; оно определяется умственными и моральными качествами государей, государственных деятелей и полководцев, соединены они в одном человеке или нет. Здесь мы позволим себе бросить беглый взгляд на историю.

Полудикие татары, древние республики, феодальные владыки и средневековые торговые города, короли XVIII столетия и, наконец, государи и народы XIX столетия — все вели войны по-своему, каждый иным способом, другими средствами и с различными целями.

Татарские орды боролись за новую среду обитания. Они двигались всем народом, с женами и детьми, и их числен-

ность, следовательно, превосходила любую армию, а их целью являлось покорение противника или полное его изгнание.

Древние республики, за исключением Рима, были небольших размеров; еще меньше были их армии, потому что они исключали огромную массу населения — чернь; следовательно, их войны ограничивались опустошением полей и захватом отдельных городов с целью обеспечить себе в них некоторое влияние в будущем.

Один Рим представлял собой исключение, но и то лишь в поздние периоды своей истории. После того как власть Рима, благодаря заключенным союзам, распространилась на всю Среднюю и Южную Италию, он начал свое шествие, как истинно победоносная сила.

Так же примечательны и войны Александра Великого (Македонского). С небольшой, но замечательно организованной армией он разрушил пришедшие в упадок азиатские государства; без отдыха, невзирая на трудности, он пересек Азию, проникнув в Индию. Ни одной республике это не удалось. Только царь, до некоторой степени сам себе кондотьер, мог зайти так далеко и так быстро.

Большие и маленькие монархии Средневековья вели свои войны с помощью ленных ополчений. Само ленное ополчение состояло из звеньев, связанных вассальными отношениями; связь, которая удерживала его, отчасти была законной обязанностью, отчасти добровольным союзом; целое образовывало настоящую конфедерацию. Вооружение и тактика были основаны на праве силы. Все это самым определенным образом влияло на характер войн в этот период. Они велись сравнительно быстро, без пустой траты времени в лагерях, и целью было в основном лишь наказание, а не подчинение противника.

Крупные торговые города и небольшие республики породили институт кондотьеров. Это было дорогое, но очень ограниченное по размерам войско. Интенсивность его усилий была ничтожна. Не могло быть и речи о проявлении чрезмерной энергии или стремительности на поле боя, а военные действия были обычно всего лишь обманными трюками.

Ленная система постепенно превратилась в определенные территориальные государственные образования; на смену

ленному ополчению явились наемные войска. Кондотьеры представляли переходную ступень, их услугами в течение некоторого времени пользовались и большие государства; но это продолжалось недолго. Вскоре наемник превратился в солдата *постоянной армии на жалованье*, а вооруженные силы государств преобразовались в армии, содержащиеся на средства государственной казны. Вполне естественно, что медленное преобразование армий обуславливало временное наличие всех трех видов вооруженных сил. Под начальством Генриха IV в армии служили и ленники, и кондотьеры, и постоянное войско. Кондотьеры еще встречались и в Тридцатилетнюю войну, и даже в XVIII столетии.

Строй и облик государств Европы в эти периоды были такими же своеобразными, как и их вооруженные силы. В сущности, эта часть света раскололась на массу мелких государств. Это были и республики, и небольшие неустойчивые монархии с ограниченной правительственной властью. Такие государства не представляли собой нечто целое; они были скорее скоплением слабо связанных сил. Именно с этой точки зрения следует рассматривать внешнюю политику и войны в Средние века.

Конец XVII столетия, время Людовика XIV, следует рассматривать как период в истории, когда постоянные вооруженные силы, какими мы их видим в XVIII столетии, достигли высшей степени развития. Благодаря стремительным шагам в общественном развитии и более просвещенной системе управления могущество Франции резко возросло по сравнению с прошлым.

Остальные отношения государств также изменились. Европа была разделена на дюжину монархий и две республики. Внутренние отношения почти повсеместно вылились в чисто монархическую форму.

В эту эпоху появились три новых «Александра Македонских»: Густав II Адольф, Карл XII и Фридрих II Великий, чья цель заключалась в том, чтобы с помощью небольших (у Фридриха II была самая большая в Западной Европе армия — ок. 200 тыс.; у Карла XII до него была постоянная армия в 16 тыс. плюс 64 тыс. ратников, выставляемых т. н. индельтами, а всего шведская армия могла быть доведена до 150 тыс. — это была лучшая армия в Западной Европе. —

Ред.), но высоко дисциплинированных армий основать из маленьких государств великие монархии и уничтожить все, что им мешало.

Однако все, что война выиграла в отношении мощи и согласованности, она утратила в другом.

Армии содержались за счет казны, которую правители начали считать отчасти своим личным кошельком. Отношения с другими государствами, кроме торговых интересов, большей частью затрагивали только интересы казны или правительства, а не народа. Правительство считало себя чем-то вроде управляющего крупным имением, которое старалось всячески расширять, но подданные этого имения не очень стремились к такому расширению. При татарских нашествиях народ, составлявший орду, был всем; в древних республиках и в Средневековье — очень многим, а в условиях XVIII века он стал непосредственно на войне ничем, сохраняя лишь косвенное влияние на войну благодаря собственным добродетелям и недостаткам.

Так как правительство все больше отделялось от народа, считая государством лишь себя, то и война все больше становилась исключительно делом правительства. Она проводилась на собственные деньги правительства, нанимавшего солдат не только в своей стране, но и в соседних. Последствия этого были таковы, что средства, которыми правительство могло располагать, имели строго ограниченные пределы, и каждая сторона могла оценить их как по объему расходов, так и по их длительности. Это лишало войну ее самого опасного свойства, а именно — стремления к крайности и связанного с ним загадочного ряда возможностей. Война стала настоящей игрой, в которой Время и Везение тасовали карты. По своему значению это была всего лишь несколько усиленная дипломатия, более энергичная форма ведения переговоров, в которых битвы и осады заменялись дипломатическими нотами. Армия, с ее крепостями и подготовленными позициями, составляла государство в государстве, в котором стихия войны медленно поглощала самое себя. Вся Европа радовалась этим изменениям в военном искусстве и считала их неизбежным последствием духовного прогресса. Хотя здесь заключается ошибка, поскольку прогресс человеческого разума никогда не может привести

к чему-либо абсурдному. Однако же в целом эта перемена имела благотворное влияние на народ.

Такова была обстановка, когда разразилась Великая французская революция; Австрия и Пруссия попытались использовать против нее свое дипломатическое и военное искусство; но вскоре этого оказалось недостаточно. Война снова внезапно стала делом народа, насчитывающего тридцать миллионов человек (т. е. французов), каждый из которых считал себя гражданином отечества. Благодаря участию в войне всего народа на чаше весов оказались не только правительство и его армия, но и весь народ с присущим ему весом. С этого времени уже не было определенных пределов ни для средств, ни для напряжения сил; энергия ведения войны больше не находила противовеса, и, следовательно, опасность для противника возросла до предела.

Если все революционные войны прошли раньше, чем была осознана и прочувствована их сила, если германским армиям (т. е. Пруссии, Австрии и др.) еще удавалось иногда оказывать успешное сопротивление, то реально это находилось в зависимости от несовершенства французской организации: сначала солдатских масс, потом подбора генералов, а при Директории — от недостатков самого правительства.

После того как все это было усовершенствовано рукой Наполеона, вооруженные силы Франции, опиравшиеся на народную мощь, прошли по Европе, так уверенно круша все на своем пути, что там, где французская армия сталкивалась с военными силами старого образца, в исходе борьбы никто не сомневался. Реакция, однако, не заставила себя ждать. В Испании война стала делом народа. В Австрии в 1809 году правительство приложило невероятные усилия для организации резервных частей и ополчения; эти мероприятия уже приближались к цели и далеко превосходили предел, который это государство до сих пор считало возможным. В России в 1812 году пример Испании и Австрии был взят за образец. Огромные размеры этой империи сделали возможными использовать подобные приготовления, несмотря на их запоздание, и в то же время повысили их действенность. Результат оказался блестящим. В Германии Пруссия поднялась первой, сделала войну национальным делом и, не имея ни денег, ни кредита, с населением вдвое меньшим, чем у Фран-

ции, начала боевые действия с армией вдвое сильнее, чем в 1806 году.

Таким образом, со времен Наполеона война, ставшая сначала для Франции, а потом и для ее противников делом всей нации, приобрела совсем иную природу или, скорее, подошла ближе к своей истинной природе, к своему совершенству. Привлеченные средства не имели видимого предела, поскольку он потерялся в энергии и энтузиазме правительств и их подданных. Величина этих средств и широкая перспектива возможных успехов и сильное возбуждение умов значительно усилили энергию ведения войны; целью этой акции было сокрушение противника; остановиться и вступить в переговоры стало возможным только тогда, когда противник был полностью повержен.

Так разразилась стихия войны, свободная от всех условных ограничений, во всей своей природной силе. Причиной было участие народа в этом крупном *государственном деле*, и это участие возникло отчасти из-за влияния Французской революции на внутренние дела стран, отчасти из-за угрожающего поведения французов по отношению к другим нациям.

Всегда ли так будет впредь, будут ли все войны в Европе вестись при напряжении всех сил государств и во имя великих и близких народам интересов, или разделение интересов правительства от интересов народа снова постепенно увеличится, определить довольно трудно. Мы не будем брать на себя решение этого вопроса. Но все согласятся, что не так-то легко снова воздвигнуть разрушенные преграды, заключавшиеся в непонимании возможностей, заложенных в войне. По крайней мере, всегда, когда на карту будут поставлены крупные интересы, взаимная вражда прорвется точно так же, как это было в наше время.

Глава 6

ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Мы не считаем, что государство, защищающее интересы другого государства, делает это с тем же рвением, с каким защищает собственные интересы. Обычно посылается вспомогательная армия умеренных размеров; если ее постигает неудача, тогда союзник считает дело до некоторой степени завершенным и старается выйти из него с наименьшими затратами сил и средств.

Было бы логичнее и менее затруднительно для теории ведения войны, если бы этот обещанный контингент был полностью передан воюющему государству, так, чтобы его можно было использовать должным образом; тогда его можно было бы считать наемным войском. Но на практике бывает далеко не так. Обычно у вспомогательной армии имеется свой командующий, зависящий только от собственного правительства, которое ставит ему цель, больше подходящую тем нерешительным и непоследовательным действиям, которые оно собирается предпринять.

Но даже если два государства ведут войну с третьим, они не всегда одинаково относятся к нему как к врагу, которого должны уничтожить, чтобы он не уничтожил их. Часто их союз напоминает торговую сделку: каждый вкладывает в нее определенный пай (30—40 тыс. человек) в зависимости от опасности, которой он подвергается, и далее ведет себя так, будто бы он может позволить себе потерять только эту долю.

Такой подход является аномалией, так как и война, и мир, по существу, являются понятиями, которые невозможно разграничить по степеням. Однако эта манера — не просто дипломатический обычай, которым можно было

бы пренебречь; она глубоко коренится в природной ограниченности и слабости людей.

Наконец, и в войнах, которые ведутся без союзников, политические поводы имеют огромное влияние на способ ведения войны.

Если мы хотим добиться от неприятеля только небольшой жертвы, тогда мы можем довольствоваться приобретением в результате войны небольшого эквивалента, который можно получить приложением умеренных усилий. Противник мыслит во многом так же. Когда тот или другой убеждается, что ошибся в своих расчетах и вместо предполагаемого превосходства над противником оказался слабее его, то именно в этот момент не хватает ни денег, ни прочих средств, как и духовного подъема для больших усилий; в подобном случае такая сторона просто делает, как говорится, «все, что может», надеется на лучшее будущее, хотя у нее нет ни малейшего основания для подобной надежды, а силы, ведущие войну, тем временем влачат жалкое существование, продолжая сражаться, подобно больному, изношенному организму, борющемуся за жизнь.

Вполне понятно, что теория войны, стремящаяся быть и оставаться философским размышлением, в данном случае оказывается в трудном положении. Все, что в основном присуще понятию войны, ускользает от теории, и ей грозит опасность остаться без какой-либо поддержки. Но вскоре появляется естественный выход. Чем слабее становятся побуждения к действию, тем скорее это действие переходит к пассивному состоянию, тем меньше результатов оно дает и тем менее нуждается в руководящих принципах. Все военное искусство превращается в простую осторожность, направленную главным образом на то, чтобы помешать нарушению хрупкого равновесия в ущерб своей стороне и превращению полувойны в настоящую войну.

Мы всесторонне рассмотрели состояние антагонизма, существующего между природой войны и другими интересами людей и общества, чтобы не упустить ни одного из элементов противоречия. Этот антагонизм заложен в человеческой природе и, следовательно, не может быть разгадан ни одной философией. Теперь мы попытаемся найти то единство, в котором в практической жизни сочетаются эти

антагонистические элементы, отчасти нейтрализуя друг друга. Нам следовало с самого начала обозначить это единство, если бы не было необходимости очень четко выявить эти противоречия, и рассмотреть их различные элементы отдельно. Это единство заключается *в понятии о том, что война является лишь частью политических отношений, а не чем-то самостоятельным.*

Разумеется, мы знаем, что война вызывается лишь политическими отношениями между правительствами и народами; но обычно складывается представление, что с началом войны эти отношения рвутся и наступает совершенно иная ситуация, подчиняющаяся только собственным законам.

Мы, напротив, утверждаем, что война есть не что иное, как продолжение политических отношений с привлечением других средств. Мы говорим «с привлечением других средств», чтобы таким образом подчеркнуть, что эти политические отношения не прекращаются во время самой войны, не превращаются во что-либо совершенно иное, но, в сущности, продолжают, какие бы средства при этом ни использовались, и что основные направления, по которым развиваются военные события, определяются политикой, влияющей на войну вплоть до заключения мира. И разве можно себе представить, что может быть иначе? Останавливают ли дипломатические ноты политические отношения между различными нациями и правительствами? Не является ли война всего лишь иным способом выражения их политических мыслей? У войны, безусловно, своя собственная грамматика, но собственной логики она не имеет.

Таким образом, война никогда не может отделяться от политических отношений, и если это где-то все равно происходит, то в некоторой мере разрываются все нити различных отношений, и мы получаем нечто бессмысленное и бесцельное.

Такое понимание справедливо, даже если война была бы совершенно неукротимой стихией враждебности. Все факторы, на которых основана война и которые определяют ее направление: собственная сила, сила противника, союзники с обеих сторон, характер народов и их правительств и т. д. и т. п. — разве они не имеют политической природы и

разве они не настолько тесно связаны со всеми политическими отношениями, что их невозможно отделить от них?

Если война является частью политики, то она будет принимать и ее свойства. Вопрос состоит лишь в том, должна ли при составлении планов войны политическая точка зрения уступить место чисто военной (если такая вообще возможна), то есть или полностью исчезнуть, или подчиниться ей, или же политическая точка зрения должна быть господствующей, а военная должна подчиняться ей?

Мнение, что политическая точка зрения с началом войны перестает существовать, было бы справедливым лишь в том случае, если бы войны были боем не на жизнь, а на смерть из-за простой вражды. В действительности же современные войны являются выражением политики. Подчинить политическую точку зрения военной — бессмысленно, так как войну породила политика. Политика — это разум, война же только орудие, а не наоборот. Следовательно, остается только одно: подчинить военную точку зрения политической.

Размышляя о природе настоящей войны и вспоминая, что войну надо рассматривать как органическое целое, от которого нельзя отделять его составные части, становится ясно, что высшая точка зрения при руководстве войной, из которой должны исходить главные руководящие линии, может быть только точка зрения политики.

Одним словом, военное искусство, рассматриваемое с высшей точки зрения, становится политикой, но, несомненно, политикой, которая не пишет ноты, а ведет сражения.

Согласно этой точке зрения предоставить крупную военную операцию или ее планирование *чисто военному суждению и решению* непозволительно и даже пагубно.

Это совершенно естественно. Ни один из основных планов, требующихся для войны, не может быть составлен без учета политических отношений; и когда люди говорят, как это часто бывает, о пагубном влиянии политики на ведение войны, на самом деле они говорят нечто, очень отличное от того, что хотят сказать. Виновато не это влияние, а сама политика. Если политика правильная, тогда она может пойти только на пользу ведению войны. Если это влияние политики отклоняет нас от цели, причину следует искать в ошибочной политике.

Эти ошибки впервые проявились в Наполеоновских войнах, и события этих войн полностью разочаровали ожидания политиков, но это произошло не потому, что политика пренебрегла мнением военных советников. То военное искусство, которому могла верить политика, то есть военное искусство того же времени, того же старого мира, к которому относилась и политика, представляло собой давно знакомый инструмент. Им политика пользовалась до сих пор, но такое военное искусство, естественно, так же заблуждалось, как и политика, и, следовательно, не могло ничему научить ее. Сама война претерпела важные изменения, как по природе, так и по форме, приблизившие ее к абсолютной форме; но эти изменения произошли не потому, что французское правительство, до некоторой степени, освободило войну от руководства со стороны политики. Они возникли из изменившейся политики, созданной Французской революцией, не только во Франции, но и во всей остальной Европе. Эта политика выдвинула другие средства и другие силы, благодаря которым стало возможным ведение войны с немыслимой доселе степенью энергии.

Таким образом, фактические перемены в военном искусстве являются последствиями перемен в политике, и, вместо того чтобы быть аргументом в пользу возможного разделения обоих, они, напротив, являются очень веским доказательством крепости этой связи.

Следовательно, еще раз: война есть инструмент политики; она должна обязательно носить ее характер, измеряться ее масштабами. Поэтому ведение войны, в общих чертах, есть сама политика, сменившая перо на меч, но из-за этого она не перестает мыслить в соответствии с собственными законами.

Глава 7

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА?

Определение

Война есть не что иное, как единоборство крупного масштаба. Если представить в целом бесчисленные единоборства, составляющие войну, лучше всего это сделать, вообразив схватку двух борцов. Каждый стремится с помощью физической силы заставить другого подчиниться своей воле; каждый старается разгромить противника и таким образом лишить его способности к дальнейшему сопротивлению.

Следовательно, война есть акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.

Насилие вооружается изобретениями искусства и науки, чтобы сражаться с насилием. Незаметные и вряд ли достойные упоминания ограничения, наложенные на себя, в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя, в сущности, его эффекта. Насилие, то есть физическая сила (потому что морального насилия без понятия государства и закона не существует), является *средством*; конечной *целью* является обязательное подчинение врага нашей воле. Чтобы полностью достигнуть этой цели, противник должен быть обезоружен и лишен способности сопротивляться. К этому сводится понятие о цели собственно военных действий. Оно заслоняет цель войны и до известной степени вытесняет ее как нечто, не относящееся непосредственно к самой войне.

Наибольшее использование сил

Некоторые филантропы могли бы вообразить, что есть искусственный способ обезоружить и победить противника без большого кровопролития и что к этому и должно было бы стремиться военное искусство. Как ни соблазнительно такое представление, оно ошибочно, и его нужно рассеять. Война — дело опасное, и заблуждения, происходящие из добродушия и человеколюбия, для нее пагубны. Предельное использование физической силы никоим образом не исключает работы разума, отсюда следует, что тот, кто использует силу, не считаясь с кровопролитием, достигает превосходства над противником, не делаящим этого. Тогда первый диктует свои правила другому, оба напрягают усилия до последней крайности, и это напряжение ограничено только количеством противодействующих друг другу сил с каждой стороны.

Именно с такой точки зрения следует рассматривать войну, и было бы бесполезно и даже неразумно упускать из вида ее природные свойства только потому, что суровость ее стихии вызывает отвращение.

Если войны цивилизованных народов менее жестоки и разрушительны, чем войны дикарей, то это обуславливается как уровнем развития общества этих государств, так и их отношениями друг с другом. Из этого общественного развития государств и их отношений и возникает война, ими она обуславливается, ограничивается и умеряется. Но это не относится к подлинной сути войны; это только данные условия, а привносить в философию самой войны принципы ограничения и умеренности было бы абсурдом.

Людей к войне ведут два мотива: инстинктивная враждебность и враждебные намерения. В нашем определении войны мы выбрали характерной чертой последний из этих мотивов, как наиболее распространенный. Невозможно понять самую бешеную ненависть, граничащую с простым инстинктом, без сочетания с враждебными намерениями. С другой стороны, враждебные намерения зачастую могут существовать без враждебных чувств. Среди дикарей преобладают намерения, исходящие от чувств, а среди цивилизованных наций — от рассудка; но это различие возникает из сопутствующих обстоятельств, организации и т. п. и, следовательно-

но, не обязательно встречается во всех случаях, хотя в большинстве превалирует. Короче, даже самые цивилизованные нации могут сгорать от страстной ненависти друг к другу.

Итак, мы видим, каким заблуждением было бы считать войну цивилизованной нации только рассудочным актом правительства, освобожденным от проявлений страстей. Если бы дело обстояло так, то было бы незачем пускать в ход физические массы вооруженных сил. Достаточно было бы, оценив взаимоотношения между странами, решить спор, заменив реальную борьбу решением простой алгебраической задачи.

Если война есть *акт* силы, она обязательно вторгается в область чувств. Если они и не всегда являются источником войны, она в большей или меньшей степени *реагирует* на них, и сила этой реакции зависит не от степени цивилизации, а от важности и длительности *затронутых* интересов.

Следовательно, если цивилизованные нации не убивают пленных, не опустошают города и деревни, то это делается потому, что их разум оказывает большее влияние на руководство военными действиями, который указывает им более эффективные средства применения силы, чем эти грубые проявления инстинкта. Изобретение черного пороха, постоянное совершенствование огнестрельного оружия являются достаточными доказательствами того, что прогресс цивилизации никак не повлиял на тенденцию уничтожать противника, лежащую в основе понятия войны.

Поэтому мы снова утверждаем, что война есть акт насилия, доведенный до предела; поскольку одна сторона диктует закон другой, возникает некое взаимодействие, которое логически должно вести к крайности. Это первое взаимодействие и первая крайность, с которой мы сталкиваемся (*первое взаимодействие*).

Целью военных действий является лишение противника возможности сопротивляться

Мы уже говорили, что целью всякого действия в войне является обезоруживание противника; и мы сейчас покажем, что это положение необходимо для теоретического понимания войны.

Чтобы подчинить противника нашей воле, мы должны поставить его в ситуацию, которая давит на него больше, чем жертва, которую мы от него требуем. При этом недостатки положения, естественно, должны быть длительными, иначе противник, вместо того чтобы покориться, будет держаться, ожидая перемен к лучшему. Поэтому всякие перемены, вызванные продолжением войны, должны ставить противника в еще худшее положение, по крайней мере, таким должно быть впечатление противника. Самое плохое положение, в которое может попасть воюющая сторона, это — полная невозможность сопротивляться. Таким образом, чтобы заставить противника в ходе военных действий подчиниться нашей воле, надо или полностью разоружить его, или поставить в положение, угрожающее потерей возможности сопротивляться. Из этого следует, что разоружение или разгром противника, как бы это ни называть, всегда должны быть целью войны. Итак, война — это всегда столкновение двух враждующих сил, а не живой силы с мертвой массой. При абсолютной пассивности одной стороны война немыслима; следовательно, то, что было сказано о конечной цели военных действий (сокрушение противника), относится к обоим сторонам. Это еще один пример взаимодействия. Пока противник не разгромлен, он может разгромить меня; следовательно, я не властен в своих действиях, потому что противник диктует мне законы точно так же, как диктую ему я. Это *второе взаимодействие*, ведущее ко второй крайности.

Крайнее напряжение сил

Чтобы сокрушить врага, мы должны соразмерить свои усилия с его силой сопротивления, которая выражается результатом взаимодействия двух факторов, неотделимых друг от друга, а именно *размером доступных ему средств и его волей к победе*. Размер доступных средств противника до известной степени поддается оценке, потому что здесь все сводится к цифрам; но определить его волю к победе труднее, и она может быть оценена до некоторой степени лишь силой мотивов, толкающих его к войне. При условии, что мы приблизительно определили силу сопротивления про-

тивника, с которым придется сражаться, мы можем рассмотреть наши средства и либо увеличить их, чтобы добиться перевеса, либо, если для этого у нас нет ресурсов, довести их до максимально возможного предела. Но противник делает то же самое; следовательно, идет новый процесс увеличения средств с обеих сторон. Возникает соревнование, заключающее в самом своем понятии стремление к крайности. Это третий случай взаимодействия и третья крайность, с которой мы встречаемся (*третье взаимодействие*).

Видоизменение в реальности

Рассуждая абстрактно, наш ум не может остановиться, не достигнув крайности, потому что он имеет дело с крайностью — с конфликтом сил, предоставленных самим себе и не подчиняющихся никаким законам, кроме собственных внутренних законов.

Но картина становится совсем иной, когда мы переходим от абстракции к реальности. В абстракции над всем господствовал оптимизм. Мы представляли себе как одну, так и другую стороны стремящимися к совершенству и достигающими его. Произойдет ли такое в реальности? Произойдет, если:

1. Война станет полностью изолированным актом, возникающим и никак не связанным с предыдущей историей воюющих государств.

2. Если война состоит из одного решающего акта или из ряда одновременных решающих актов.

3. Если война содержит в себе окончательное решение и если на нее не влияет заблаговременный учет того политического положения, которое сложится после ее окончания.

Война никогда не является изолированным актом

Что касается первого пункта, то ни один из двух противников не является для другого абстрактным лицом, и это касается даже такого фактора из комплекса сил со-

противления, который не зависит от объективных причин, то есть воли к победе. Эта воля не является совершенно неизвестной; по состоянию на сегодняшний день она указывает, что будет завтра. Война не начинается внезапно и не распространяется до своих крайних пределов в один момент. Поэтому каждый из двух противников может сформировать мнение о другом в значительной мере по тому, кто он такой, чем занимается, а не судить о нем согласно тому, что он, строго говоря, должен, а чего не должен делать.

Война не состоит из единственного быстрого удара

Второй пункт наводит на следующие размышления.

Если бы война заканчивалась единственным решающим моментом или рядом одновременных решающих актов, тогда, естественно, все приготовления к ней имели бы тенденцию к крайности, потому что любое упущение было бы непоправимым. Тогда самое большее, что мир реальности смог бы дать нам в качестве ориентира, были бы приготовления противника, поскольку они нам известны. Но так как решение исхода войны состоит из нескольких последовательных актов, то естественно, что каждый предшествующий акт со всеми своими фазами может считаться мерилom для последующего.

Несомненно, что любая война неизбежно сводилась бы к единичным решениям или сумме одновременных решений, если бы все средства, требующиеся для борьбы, выставлялись или могли бы быть выставлены сразу.

Но мы уже видели, что даже при подготовке к войне абстрактные понятия уступают место реальной жизни, и поэтому все силы вводятся в действие не сразу.

Кроме того, природа этих сил такова, что все они не могут быть задействованы одновременно. Эти силы — *собственно вооруженные силы, местность с ее географическими особенностями и населением и союзники.*

Фактически местность с ее географическими особенностями и населением не только является источником во-

енной силы, но и составляет одну из основных величин, определяющих ход войны. Часть страны образует театр военных действий, на который оказывают влияние окружающие области.

Конечно, можно допустить, что в дело сразу вступят все подвижные военные силы страны, но это невозможно для крепостей, гор, рек, населения и т. п. — короче, для всей страны, если она не настолько мала, что ее целиком мог бы охватить первый акт войны. Далее, сотрудничество союзников не зависит от воли воюющих, а из-за природы политических отношений государств союзники вступают в войну позднее, а иногда лишь тогда, когда потребуется помощь для восстановления утраченного равновесия.

Зачастую часть средств сопротивления, которая не может быть приведена в действие сразу же, является гораздо большей частью целого, чем сначала можно предположить, и часто она восстанавливает равновесие сил. Здесь достаточно сказать, что полное сосредоточение всех доступных сил и средств в данный момент противоречит природе войны.

Это само по себе не дает нам почвы для ослабления усилий, чтобы накопить силы и добиться первого успешного результата, потому что неблагоприятный исход начала войны всегда является недостатком, с которым никто не хочет сталкиваться намеренно. Чем значительнее будет первый успех, тем благотворнее его влияние на последующие этапы войны, хотя он не является единственным, определяющим конечную победу.

Однако предвидение возможности отсрочить достижение победы приводит к тому, что человеческая натура, не склонная к чрезмерному напряжению сил, заставляет людей уповать на эту надежду и не тратить энергию на сосредоточение и напряжение своих сил в должной мере в первом решающем акте войны. То, что одна воюющая сторона упускает из слабости, становится для другой стороны объективным основанием для снижения своего напряжения; и таким образом снова возникает взаимодействие, благодаря которому стремление к крайности снижается до степени умеренного напряжения.

Результат войны никогда не бывает абсолютным

Наконец, даже окончательный исход всей войны не всегда следует считать абсолютным. Победенное государство нередко видит в нем только преходящее зло, которое со временем можно исправить политическими комбинациями. Как это должно повлиять на степень напряжения и приложенных усилий, очевидно.

Возможности реальной жизни приходят на смену крайностям и абстракциям

Таким образом, весь акт войны освобождается от строгого закона крайнего напряжения сил. Если крайности больше не ожидается и к ней больше не надо стремиться, рассудок получает возможность определить пределы нужного напряжения сил, что делается с помощью *законов вероятности* на основе данных, вытекающих из явлений реальной жизни. Как только воюющие стороны перестали быть абстрактными понятиями, а стали индивидуальными государствами и правительствами, как только война перестала быть отвлеченным понятием, а стала своеобразной процедурой, действительные явления станут данными для поиска ожидаемого неизвестного.

Исходя из характера организованности, состояния и положения противника, с помощью закона вероятности каждая сторона будет делать выводы относительно намерений противника и, соответственно, планировать собственные действия.

На первый план выдвигается политическая цель войны

Закон крайности, то есть намерение разоружить противника и разгромить его, до сих пор несколько заслонял политическую цель войны. По мере того как этот закон теряет свою силу, на первый план выдвигается политическая

цель войны. Если рассмотрение нужного напряжения сил является вычислением вероятностей, основанным на определенных лицах и обстоятельствах, то политическая цель, будучи первоначальным мотивом, должна быть в этом комплексе основным фактором. Чем меньшей жертвы мы требуем от нашего противника, тем меньше он будет сопротивляться; но чем меньше наши требования, тем меньше будет и наша подготовка. Далее, чем меньше наша политическая цель, тем меньшее значение мы ей будем придавать и тем легче мы полностью от нее откажемся, а значит, и наши усилия будут незначительными.

Таким образом, политическая цель, как первоначальный мотив войны, будет служить мерилom для определения военной силы и объема необходимых усилий. Поскольку мы имеем дело с реальностью, а не с абстракцией, политическую цель нельзя рассматривать абстрактно, саму по себе, она зависит от взаимоотношений обоих государств. Одна и та же политическая цель может совершенно по-разному влиять на различные народы или даже на один народ в разные времена. Следовательно, мы можем признать политическую цель мерилom, лишь отчетливо представляя ее влияние на массы людей, которые она должна поднять. Вот почему на войне нельзя не считаться с природными свойствами этих масс. Легко понять, что результаты наших расчетов могут сильно различаться в зависимости от того, оживлены ли эти массы духом, придающим им силы, или нет. Между двумя государствами вполне возможны такие натянутые отношения, что самый ничтожный мотив к войне может произвести совершенно несоразмерный эффект — фактически настоящий взрыв.

Это применимо к усилиям, к которым политическая цель побудит оба государства, и к цели, которая будет поставлена вооруженным силам. Иногда политическая цель может совпасть с военной, как, например, завоевание какой-нибудь провинции. Иногда сама политическая цель не подойдет для выражения цели военных действий; тогда в качестве военной цели должен быть выдвинут некий эквивалент намеченной политической цели, пригодный для обмена при заключении мира. Но при этом надо также иметь в виду индивидуальные особенности заинтересованных государств.

Случаются обстоятельства, при которых эквивалент должен быть гораздо больше, чем политическая уступка, чтобы обеспечить достижение последней. Политическая цель будет тем важнее для масштаба войны, чем более равнодушны к ней массы, чем менее натянуты отношения между народами враждующих стран. Бывают случаи, когда только политическая цель определяет степень обоюдных усилий.

Если цель военных действий должна быть эквивалентной политической цели, то первая будет снижаться по мере снижения политической цели и приобретать все больший вес по мере того, как повышается политическая цель. Этим объясняется, что война, не насилуя своей природы, может приобретать весьма различные по важности и интенсивности формы, от войны на уничтожение до простого использования армии наблюдения.

Приостановка военных действий, не объяснимая словами «и все же»

Могут ли военные действия быть приостановлены даже на мгновение, какими бы незначительными ни были взаимно выдвинутые политические цели, какой бы маленькой ни была цель, на которую направлены эти действия? Это вопрос, глубоко проникающий в сущность предмета.

Любое взаимодействие требует для своего осуществления некоторого времени, которое мы называем его длительностью. Она может быть дольше или короче, в зависимости от того, с какой скоростью действуют участники.

Об этом мы здесь беспокоиться не будем. Каждый работает по-своему; но медлительный человек затягивает дело не оттого, что хочет потратить на него больше времени, а оттого, что это свойственно его природе. Если он поторопится, то сделает дело хуже, чем мог бы. Следовательно, затраченное время зависит от субъективных причин, а его количество составляет продолжительность действия.

Если всякому военному действию предоставить свойственную ему продолжительность, мы будем вынуждены признать, что любая затрата времени сверх этой продолжительности, то есть приостановка военных действий, бессмысленна.

Есть только одна причина, которая может приостановить военные действия, и это, кажется, возможно лишь для одной из сторон

Если две стороны вооружились для борьбы, значит, к этому их подтолкнуло чувство враждебности, и оно продолжается, пока они не заключат мир. Оно может временно стихнуть у какой-либо из сторон при одном условии: эта сторона *выжидает более благоприятного момента для действия*. На первый взгляд кажется, что этот повод может быть только у одной стороны. Если одна сторона настроена на активные действия, то другая заинтересована в затяжке времени.

Полное равновесие сил никогда не может вызвать приостановку военных действий, потому что во время этой приостановки нападающий должен продолжать наступать. Наконец, если представить равновесие в том смысле, что тот, у кого политическая цель позитивная, а значит, есть более сильный мотив для наступления, но в то же время он обладает меньшими силами, то равновесие возникает из сочетания мотивов и сил, и тогда нужно сказать, что, если нет оснований ожидать перемен в состоянии равновесия, обеим сторонам следует заключить мир. Если же предвидится изменение состояния равновесия, то оно может быть благоприятным лишь для одной из сторон, а следовательно, должно побудить к действиям другую сторону. Мы видим, что понятие равновесия не объясняет приостановку военных действий, и в этом случае дело сводится к *выжиданию более благоприятного момента*.

Предположим, что одно из двух государств имеет позитивную цель, например завоевание одной из провинций противника, чтобы получить уступку при заключении мира. После этого завоевания его политическая цель выполнена, необходимость в военных действиях отпадает, и для активной стороны наступает пауза. Если противник довольствуется таким решением, он заключит мир; если нет, он будет действовать. Если же предположить, что через четыре недели он лучше подготовится к ответным действиям, тогда он имеет достаточное основание для отсрочки операций.

Казалось бы логичным, чтобы не допустить этого, немедленно начать военные действия со стороны победителя,

сорвав таким образом подготовительные действия побежденного. Конечно, при таком ходе размышлений предполагается полное понимание обстоятельств обеими сторонами.

Таким образом, последует продолжение военных действий, которое приведет к кульминационному моменту

Если бы непрерывное продолжение операций друг против друга действительно имело место, то оно вновь толкало бы обе стороны к крайности. От таких действий, не знающих удержу и отдыха, чувства воспалялись бы все сильнее, придавая борьбе еще большие страсть и стихийную силу. Благодаря непрерывности действий возникла бы более строгая последовательность, более прочная причинная связь, делающая более значительным, а значит, и более опасным каждое единичное действие.

Но мы знаем, что военные действия редко или почти никогда не бывают непрерывными и что было много войн, в которых действие занимало гораздо меньшую часть используемого времени, остальное же проводилось в бездействии. И все же такие войны нельзя считать аномалией. Паузы в военных действиях всегда возможны и не должны являться противоречием к природе войны. Сейчас мы покажем, что это именно так.

**Здесь, следовательно,
выдвигается принцип полярности
(т. е. диаметральной противоположности)**

Поскольку мы подразумеваем, что интересы одного полководца всегда противоположны интересам другого, мы станем искать на точку зрения истинной *полярности*.

Принцип полярности имеет силу только тогда, когда он мыслится по отношению к одному предмету, где позитив и его противоположность, негатив, полностью уничтожают друг друга. В битве обе стороны стремятся победить; это и есть настоящая полярность, потому что победа одной стороны уни-

чтожает победу другой. Но когда мы говорим о двух различных предметах, имеющих между собой общую связь, лежащую вне их, то полярны не сами предметы, а их отношения.

**Наступление и оборона —
явления разные и неравной силы,
поэтому полярность к ним неприменима**

Если бы существовала только одна форма войны, а именно наступление и никакой обороны, или, другим словами, если бы наступление отличалось от обороны только преследованием позитивной цели, которая есть у одной стороны и отсутствует у другой, а сама борьба всегда была бы одной и той же, тогда в такой борьбе любой успех одной стороны оборачивался бы неудачей другой и существовала бы настоящая полярность.

Но военные действия подразделяются на два вида, наступление и оборону, которые очень различны по своей природе и не равны по силе. Поэтому полярность заключается в их отношении к решающему моменту, то есть к бою, но не в самом наступлении или обороне.

Если один полководец хочет отсрочить решающий момент, то другой должен желать его ускорить, но лишь при условии, что он останется при той же самой форме ведения войны. Если в интересах А атаковать противника не сейчас, а четырьмя неделями позже, то в интересах Б быть атакованным не через четыре недели, а сейчас. Это прямой антагонизм интересов, но из этого никоим образом не следует, что в интересах Б атаковать А сейчас. Это, очевидно, явление иного порядка.

**Эффект полярности часто уничтожается
превосходством обороны над наступлением,
и именно этим объясняется временная
приостановка военных действий**

Если оборона сильнее наступления, как было указано ранее, тогда возникает вопрос: так ли велико преимущество отсрочки решения для обороняющегося, как преимущество

обороны для наступающего? Если нет, то противоположности не уравниваются, и течение военных действий будет обусловлено другими соображениями. Поэтому побудительная сила, присущая полярности интересов, может потеряться в разнице сил наступления и обороны и таким образом оказаться неэффективной.

Итак, если та сторона, для которой настоящий момент благоприятен, слишком слаба, чтобы обойтись без преимущества обороны, она должна смириться с неблагоприятными перспективами на будущее; возможно, будет выгоднее вступить в оборонительную битву в малообещающем будущем, чем сейчас предпринять наступление или заключить невыгодный мир. Будучи уверены, что превосходство обороны (верно понятое) огромно и гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд, мы полагаем, что большее количество периодов бездействия, которые возникают в войне, объясняется именно такими соображениями, не противоречащими природе войны. Чем менее важны цели, преследуемые войной, тем чаще и продолжительнее будут паузы в военных действиях вследствие различной силы наступления и обороны. Все это подтверждается опытом прошлых войн.

Вторая причина состоит в недостаточном знании обстановки

Но есть еще одна причина, которая может остановить военные действия, а именно неполное владение ситуацией. Каждый полководец может полностью знать только собственное положение; положение противника он может знать лишь из сообщений, которые ненадежны. Следовательно, у него может сложиться ложное суждение об обстановке, и, вследствие этой ошибки, он может предположить возможность инициативы у противника, тогда как на самом деле действовать следовало бы ему. Недостаточное владение ситуацией, безусловно, может так же часто служить причиной как несвоевременного действия, так и

несвоевременного бездействия; но само по себе оно не способствует ни откладыванию, ни ускорению военных действий. И все же недостаточное знание обстановки всегда надо учитывать, как одну из естественных причин, не противоречащих природе войны, которая может остановить военные действия. Но если задуматься, насколько больше мы склонны переоценивать, нежели недооценивать силу нашего противника, потому что это в природе человека, то придется признать, что наше недостаточное знание обстановки вообще должно очень способствовать отсрочке военных действий и видоизменять принципы, определяющие наше поведение.

Возможность пауз видоизменяет военные действия, поскольку она перемежает эти действия временными остановками, что до известной степени уменьшает интенсивность борьбы, задерживает надвигающуюся опасность и увеличивает средства восстановления потерянного равновесия. Чем напряженнее была обстановка, приведшая к войне, тем энергичнее она ведется и тем короче будут периоды бездействия, и, наоборот, чем слабее напряженность войны, тем дольше будут эти периоды; ведь сильные мотивы усиливают волю, а это, как мы знаем, всегда является фактором, придающим силы.

**Частые периоды бездействия
в военных действиях все больше
отдаляют войну от абсолюта
и еще больше ставят ее в зависимость
от учета возможностей**

Чем медленнее идут военные действия, чем чаще и длиннее периоды бездействия, чем легче исправить ошибку; следовательно, тем смелее будет полководец в своих вычислениях, тем меньше он приближается к крайности и строит свои действия на учете возможностей. Для оценки обстановки в каждом конкретном случае выделяется больше или меньше времени, в зависимости от того, медленнее или быстрее протекает война.

Следовательно, чтобы сделать войну игрой, нужен лишь элемент случайности, а в нем никогда нет недостатка

Из вышесказанного мы видим, как объективная природа войны сводит ее к расчету вероятности; теперь недостает лишь единственного элемента, чтобы обратить ее в игру, и этот элемент — случай. Нет ни одного рода занятия, который бы так постоянно и так основательно зависел от случая, как война. Но наряду со случаем значительное место в войне занимает удача.

Война обращается в игру как по своей объективной, так и по субъективной природе

Если рассмотреть субъективную природу войны, то есть те средства, с которыми она ведется, она нам еще больше покажется игрой. Стихия, в которой ведутся военные действия, — это опасность; но какое из всех моральных качеств первое в опасности? *Мужество*. Безусловно, мужество вполне совместимо с осторожным расчетом, но все же это все явления совершенно иного толка, по существу, иные качества духовных сил человека. А вот отвага, вера в удачу, дерзость, безрассудство являются проявлениями мужества, и все эти свойства человеческой природы стремятся к риску, потому что это их стихия.

Итак, с самого начала мы видим, что в расчетах военного искусства абсолютное, так называемое математическое, не находит для себя надежного базиса. С самого начала в эти расчеты вторгается игра возможностей, вероятностей, везения и невезения, которые, как паутина, опутывают все детали ведения войны своими прочными и тонкими нитями и делают руководство военными действиями похожим на азартную игру.

Как это согласуется с человеческим разумом вообще

Хотя наш разум всегда стремится к ясности и уверенности, наш дух все же нередко привлекает неведомое. Дух человека почти никогда не идет вместе с рассудком по узкой

тропе философских изысканий и логических заключений. Ведь, двигаясь по этому пути, он почти бессознательно достигает областей, где чувствует себя посторонним, отделенным от всех хорошо известных понятий, поэтому дух человека и его воображение предпочитают оставаться в царстве везения и удачи. Взамен скудной необходимости они упиваются здесь богатством возможностей, которые окрыляют мужество. Риск и опасность становятся той стихией, в которую они устремляются, как бесстрашный пловец бросается в реку.

Оставит ли теория эти моменты и двинется ли дальше, удовлетворенная абсолютными выводами и правилами? Тогда она не имеет никакой практической пользы. Теория обязана принимать во внимание человеческую натуру; в ней должно находиться место мужеству, отваге, даже безрассудству. Военному искусству приходится иметь дело с живыми людьми и моральными силами, откуда следует, что оно никогда не может достичь абсолютного и достоверного. Для риска всегда остается простор, причем одинаково широкий как в более крупных делах, так и в более мелких. Риску противопоставляются храбрость и вера в свои силы. Насколько велики последние, настолько же может быть велик и риск — простор, предоставленный неведомому. Поэтому мужество и уверенность в себе являются для войны существенными принципами, следовательно, теория должна устанавливать лишь такие законы, которые предоставляют полную свободу для всех степеней и разновидностей этих необходимых и благороднейших военных доблестей. В риске есть своя мудрость и даже осторожность, только они измеряются по другой шкале ценностей.

**Война всегда есть серьезное средство для
достижения серьезных политических целей.
Это более специфическое определение**

Такова война; таков полководец, ведущий ее; такова теория, управляющая ею. Но война не развлечение; не простая страсть к риску и победе; не творчество свободного вдохновения. Это серьезное средство для достижения серьезной

цели. Все цвета радуги, которыми переливается на войне удача, все волнения страстей, храбрость, мужество, фантазия и воодушевление — все это лишь характерные особенности войны как средства.

Война в человеческом обществе, — война целых наций, и притом цивилизованных наций, — всегда вытекает из политического положения и вызывается лишь политическими мотивами. Следовательно, это политический акт. Если бы она была совершенным, ничем не ограниченным, абсолютным проявлением насилия, какой мы определили ее исходя из абстрактных понятий, тогда с самого начала она встала бы на место вызвавшей ее политики как нечто совершенно независимое от нее. Война вытеснила бы политику и, следуя только собственным законам, не подчинилась бы никакому управлению и никакому руководству, подобно взорвавшейся мине, а зависела бы только от организации, приданной ей при подготовке. Так считалось до сих пор всякий раз, когда недостаток гармонии между политикой и ведением войны приводил к попыткам теоретического осмысления. Но это не так, и такое представление ложно в своей основе. Действительная война, как мы уже показали, не крайность, разрешающая напряжение одним ударом; это действие сил, развивающихся не одинаково и равномерно. Иногда прилив этих сил оказывается достаточным, чтобы преодолеть сопротивление инерции и препятствий, иногда они слишком слабы, чтобы проявить какое-то действие. Война до известной степени представляет собой пульсацию насилия, то бурную, то более спокойную и, следовательно, более или менее быстро разрешающую напряжение и истощающую силы. Иначе говоря, война более или менее быстро подходит к финишу, но течение ее бывает достаточно продолжительным для того, чтобы сохранить ее подчинение руководящей разумной воле. Итак, если признать, что корни войны уходят в политическую цель, то естественно, что мотивы, вызвавшие ее, остаются первым и высшим соображением, с которым должно считаться руководство войной. И все же политическая цель не является деспотичным законодателем; ей приходится считаться с природой средства, которым она пользуется, и самой часто изменяться в соответствии с этим, но тем не менее политическая цель всег-

да остается тем, что прежде всего следует принимать во внимание. Следовательно, политика переплетена со всеми военными действиями и оказывает на них постоянное влияние, насколько позволяет природа сил, вызванных к жизни войной.

Война есть лишь продолжение политики другими средствами

Следовательно, мы видим, что война есть не просто политический акт, но также реальный политический инструмент, продолжение политических отношений другими средствами. Вся остальная специфика войны относится лишь к специфической природе средств, которые она использует. Военное искусство вообще и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерения политики не вступали в противоречие с военными средствами, и это требование отнюдь не пустяк. Но какое бы мощное действие оно ни оказывало на намерения политики, все же это воздействие всегда следует считать лишь видоизменением их; ведь политические намерения есть цель, а война — ее средство, а средство никогда нельзя представить без цели.

Различие в природе войн

Чем больше и сильнее мотивы войны, тем более она влияет на все существование народа. Чем сильнее натянутость отношений, предшествующих войне, тем ближе война приближается к своей абстрактной форме, тем больше она будет направлена на уничтожение противника, тем больше будут совпадать военная и политическая цели, тем более чисто военной и тем менее политической будет война. Но чем слабее мотивы и напряжение, тем меньше будет естественное направление военного элемента, то есть насилие, совпадать с политической линией; тем больше, следовательно, война будет отклоняться от своего естественного направления. Чем сильнее политическая цель расходится с

целью идеальной войны, тем больше кажется, что война становится политической.

Во избежание возникновения у читателя неправильных представлений, мы должны заметить, что под естественной тенденцией войны мы имеем в виду лишь философскую, логическую тенденцию, а не тенденцию сил, фактически задействованных в конфликте, например все эмоции и страсти воюющих. Несомненно, в некоторых случаях они также могут быть возбуждены до такой степени, что с трудом сдерживаются и направляются в политическое русло; но в большинстве случаев такого противоречия не возникает, потому что при существовании такого сильного возбуждения возник бы и соответствующий великий политический план. Если план направлен только на малую цель, тогда и подъем духовных сил масс будет также столь слабым, что эти массы потребуются не сдерживать, а стимулировать.

Все виды войны могут считаться политическими действиями

Возвращаясь к основной теме, заметим: если при одном виде войны политика как будто совершенно исчезает, тогда как при другом занимает очень видное место, мы все же можем утверждать, что один вид войны такой же политический, как и другой. Второй вид войны можно было бы считать более охваченным политикой только в том случае, если под политикой понимать не верную оценку положения вообще, а условное понятие осторожной, тонкой, а порой бесчестной хитрости, отвергающей насилие.

Влияние этой точки зрения на правильное понимание военной истории и на основы теории

Итак, мы видим, во-первых, что при любых обстоятельствах войну надо рассматривать не как нечто самостоятельное, а как политический инструмент; и, только приняв эту точку зрения, мы можем не оказаться в оппозиции всей во-

енной истории. При таком представлении эта великая книга становится доступной для понимания. Во-вторых, эта точка зрения показывает нам, как должны быть различны по характеру войны в зависимости от мотивов и обстоятельств, из которых они проистекают.

Первый самый крупный и самый решающий акт работы мысли государственного деятеля и полководца состоит в том, чтобы правильно определить войну, в которую он вступает, и не принять ее за то, чем она при данных обстоятельствах быть не может. Следовательно, это первый, наиболее всеобъемлющий из всех стратегических вопросов.

О теории ведения войны

Итак, война — явление изменчивое, потому что в каждом отдельном случае она несколько меняет свою природу, но также в своих общих формах по отношению к преобладающим в ней тенденциям является странным триединством, состоящим из насилия как первоначального ее элемента, ненависти и враждебности, которые можно рассматривать как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, что делает ее свободной душевной деятельностью; из подчиненности ее политике, как орудия последней, благодаря чему она подчиняется рассудку.

Первая из этих трех сторон больше обращена к народу; вторая — больше к полководцу и армии; третья — больше к правительству. Страсти, разгорающиеся во время войны, очевидно, в скрытой форме уже существовали в народах. Степень, которой достигнут проявления мужества и талантов в царстве вероятностей и случайностей, зависит от индивидуальных особенностей полководцев и армии, но политические цели войны принадлежат только правительству.

Эти три тенденции, представляющие как бы три ряда различных законов, глубоко коренятся в природе предмета и в то же время изменчивы по величине. Теория, не принимающая в расчет один из этих факторов или устанавливающая между ними произвольные соотношения, тотчас же войдет в такое противоречие с реальностью, что ее можно будет считать уничтоженной.

Следовательно, задача теории — сохранить равновесие между этими тремя тенденциями, как между тремя точками притяжения.

Способ, которым можно решить эту трудную проблему, мы рассмотрели в главе «*О теории войны*». Во всяком случае, понятие войны, как было определено выше, стало первым лучом света, который осветил построение теории и даст нам возможность разобраться в ее огромном содержании.

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА В ВОЙНЕ

Удостоверившись в предыдущем разделе в сложной и изменчивой природе войны, мы сейчас займемся изучением влияния, которое эта природа оказывает на цель и средства войны.

Если начать с вопроса о цели военных действий, на которую должны быть направлены усилия войны, чтобы быть надежным орудием политики, мы обнаружим, что эта военная цель так же изменчива, как политическая цель и различные условия войны.

Если вернуться к отвлеченному понятию войны, то придется сказать, что политическая цель находится вне ее пределов, ибо, если война является актом насилия, призванным заставить врага выполнить нашу волю, тогда в любом случае все зависит от нашего превосходства над противником, то есть его разоружения, и только от этого.

Ранее мы более пристально рассмотрели значение разоружения нации, здесь же ограничимся проведением различия между тремя элементами общего порядка, охватывающими все остальное. Это — *вооруженные силы, территория и воля противника*.

Вооруженные силы должны быть уничтожены, то есть доведены до такого состояния, когда противнику невозможно продолжать войну.

Территория должна быть завоевана, потому что она может быть источником формирования новых вооруженных сил.

Но даже когда оба этих условия выполнены, все же война, то есть враждебные чувства и действия враждебных сил, не может считаться законченной, пока не сломлена также

воля противника; то есть его правительство и его союзники должны быть вынужденными подписать мир, а народ принужден к подчинению; ведь, пока мы полностью оккупируем страну, война может разразиться снова, изнутри или с помощью союзников. Несомненно, это может произойти и после заключения мира, но это говорит только о том, что не всякая победа приносит полное решение и окончательную развязку.

Впрочем, с заключением мира все же угасает множество искр, которые бы тихо тлели, а возбуждение страстей утихает, потому что все умы, расположенные к миру, которых во всех нациях и при любых обстоятельствах немало, окончательно сворачивают с пути сопротивления. Что бы ни произошло впоследствии, с заключением мира мы всегда должны считать цель достигнутой, а войну завершённой.

Поскольку вооруженные силы предназначены в первую очередь для защиты страны, естественный порядок действий заключается в том, чтобы прежде всего уничтожить вооруженные силы, а потом завоевать страну.

Однако эта цель абстрактной войны — лишить противника возможности сопротивляться — лишь крайнее средство для достижения политической цели, в которой сочетаются все остальные. В действительности *полное разоружение противника* редко встречается в военной практике и не является необходимым условием для заключения мира. Есть бесчисленные примеры, когда мир заключался раньше, чем одна из сторон могла считаться разоруженной, и даже раньше, чем произошло заметное нарушение равновесия.

Есть два обстоятельства, которые могут служить, кроме полной невозможности сопротивляться, мотивами для заключения мира. Первое — это невероятность успеха, второе — слишком высокая его цена.

Война не всегда должна вестись до полного сокрушения одной из сторон; когда мотивы и страсти незначительны, будет достаточно слабой возможности будущих неудач, чтобы подтолкнуть эту сторону к уступчивости. Если другая сторона убеждена в этом заранее, естественно, она будет стремиться создать такую возможность, вместо того чтобы тратить время и силы на полное уничтожение неприятельской армии.

Еще более широкое влияние на решение заключить мир оказывают соображения об уже совершенных и предстоящих затратах сил. Поскольку война не является актом слепой страсти, а над ней господствует политическая цель, то ценность этой цели определяет меру жертв, которыми мы готовы купить ее достижение. Это относится не только к объему, но и к продолжительности принесения жертвы. Поэтому, как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от нее приходится отказаться и заключить мир.

Итак, мы видим, что в войнах, где одна сторона не может полностью разоружить другую, мотивы к заключению мира с обеих сторон будут больше или меньше зависеть от вероятности будущего успеха и требуемых расходов. Если бы эти мотивы были одинаково сильны у обеих сторон, то они остановились бы на золотой середине. Когда основания к заключению мира усиливаются у одной стороны, они ослабевают у другой, но если сумма мотивов обеих сторон окажется достаточной, то мир будет заключен, конечно, с выгодой для той стороны, у которой стремление к заключению мира было слабее.

Теперь возникает вопрос: как повлиять на вероятность успеха? Во-первых, уничтожением неприятельских вооруженных сил и завоеванием его территории; но эти два средства не одинаково важны. Если мы атакуем армию противника, то большая разница, намерены ли мы вслед за первым ударом наносить другие, пока все вражеские силы не будут уничтожены, или мы намерены довольствоваться тем, чтобы пошатнуть у противника чувство безопасности, убедить его в нашем превосходстве и посеять в нем чувство страха за будущее. Если такова наша цель, мы не выходим за пределы достаточного в деле разгрома его сил. Если же целью не является уничтожение неприятельской армии, то и завоевание его территории становится мероприятием совсем иного порядка. В последнем случае уничтожение армии есть реальное эффективное действие, а завоевание территории всего лишь его следствие; захват территории до полного уничтожения армии всегда должен рассматриваться как необходимое зло. С другой стороны, если нашей целью не является полное уничтожение сил противника и мы увере-

ны, что противник не стремится, а боится довести дело до кровавого исхода, завладение слабо защищенной (или беззащитной) территорией само по себе является преимуществом. А если это преимущество достаточно велико, чтобы внушить противнику опасения за окончательный исход войны, тогда оно представляет кратчайший путь к миру.

Теперь мы сталкиваемся с особым средством: воздействием на вероятность успеха без уничтожения вражеской армии, а именно с мероприятиями, предназначенными для оказания давления на политические отношения. Иногда появляется возможность операций, позволяющих отколоть или парализовать союзников противника, завоевать себе новых союзников, создать выгодные для нас политические комбинации и т. д. и т. п., все это повышает вероятность успеха, и этот путь может стать более короткой дорогой к нашей цели, нежели разгром сил противника.

Второй вопрос заключается в том, как повлиять на увеличение издержек и затрат сил у противника, то есть поднять цену успеха.

Издержки противника заключаются в утомлении («износе») его вооруженных сил, что достигается их разгромом и *уничтожением* нашими войсками, и в *потере территории*, следовательно, в ее *завоевании* нами.

Кроме этих двух способов, имеется еще три пути прямого увеличения расхода сил противника. Первый — это *вторжение*, то есть *оккупация территории противника*, не с целью ее удержания, а с целью взимания с нее контрибуций и даже ее опустошения.

Непосредственная цель здесь — не завоевание территории противника и не разгром его вооруженных сил, а только *повсеместное причинение ему ущерба*. Второй путь — нацелить наши операции преимущественно на причинение противнику наибольшего ущерба. Третий, гораздо более важный, судя по огромному числу случаев, которые он охватывает, — *изнурить* противника. Идея изнурения в борьбе на практике выражается в *постепенном истощении физических сил и воли путем длительного напряжения*.

Итак, если мы хотим одолеть противника длительностью схватки, мы должны довольствоваться как можно более скромными целями; самой малой целью, которую мы можем себе

поставить, является простое пассивное сопротивление, то есть бой без какой-либо позитивной цели. В этом случае наши средства достигают своей самой большой относительной ценности и, следовательно, результат более надежен. Как далеко может зайти этот негативный образ действий? Очевидно, не до абсолютной пассивности, потому что простая выносливость в получении ударов не является борьбой; сопротивление — это деятельность, которая должна уничтожить столько сил противника, чтобы он был вынужден отказаться от своей цели. Именно это является нашей целью в каждой операции, и в этом состоит негативная природа нашей цели.

Несомненно, эта негативная цель не может дать того же успеха, который в тех же условиях дала бы позитивная цель, особенно если бы ей сопутствовала удача. То, чего мы не можем достигнуть результатом одного боя, должно быть достигнуто временем, то есть длительностью битвы, и, следовательно, негативное намерение, заключающее в себе принцип чистой обороны, является естественным средством изнурения противника.

Отсюда происходит различие *наступления* и *обороны*, влияние которого распространяется на всю область военного дела. Из этого негативного намерения вытекают все сопутствующие ему преимущества, а также более сильные формы борьбы, которые находятся на стороне *обороны* и в которых реализуется философско-динамический закон, существующий между размером и обеспеченностью успеха.

Сосредоточение всех средств для простого сопротивления (негативное намерение) ставит сопротивляющуюся сторону в выгоднейшее положение. Если это преимущество достаточно велико, чтобы уравновесить возможный перевес противника, то будет достаточно одной *длительности* схватки, чтобы постепенно довести потери сил со стороны противника до степени, не соответствующей его политической цели, и заставить его отказаться от борьбы. Отсюда видно, что изнурение противника может применяться во многих случаях, когда более слабый успешно борется с более сильным.

Мы видим, что в войне имеется много путей достичь своей цели и не всегда нужно полностью сокрушать про-

тивника. Уничтожение вооруженных сил противника, завоевание его территории, временная ее оккупация, даже простое вторжение в нее, мероприятия, оказывающие на противника политическое давление, и, наконец, пассивное ожидание неприятельского удара — все это — средства, из которых каждое, в зависимости от конкретной обстановки, можно использовать для преодоления воли противника. Мы могли бы еще прибавить целую категорию кратчайших способов достижения цели, которые можно назвать аргументами *ad hominem*¹. В какой области человеческой деятельности не встречаются эти искры личных отношений, преодолевающие все материальные препоны? И чаще всего могут они появиться на войне, где личность деятеля играет крупную роль, как в кабинете, так и на поле боя. Мы ограничимся только намеком, поскольку было бы педантизмом пытаться классифицировать такие методы. Включив и их, мы можем сказать, что число возможных способов достижения цели стремится к бесконечности.

Чтобы избежать недооценки этих различных кратчайших путей к одной цели, мы не должны забывать о разнообразии политических целей, которые могут вызвать войну, и хотя бы охватить взором расстояние между смертельной борьбой за политическое существование и войной, которую вынужденный или шаткий союз делает неприятным долгом. На практике между ними существует множество градаций. Теория, отбросившая одну из этих градаций, с тем же правом могла бы отвергнуть их все, что равносильно полному отрицанию от реального мира.

Так обстоят дела с целью, которую нам приходится преследовать на войне; теперь рассмотрим средства.

Средство только одно — *бой*. Какие бы разнообразные формы ни принимала война, как бы она ни отличалась от грубого выхода ненависти и враждебности в рукопашной схватке, сколько бы ни примешивалось к ней явлений, не относящихся к бою, все же в понятии войны всегда подразумевается бой, так как он является начальной точкой, из которой исходят все явления войны.

¹ Личный порядок (*лат.*). (Примеч. пер.)

Что это всегда так, несмотря на огромное разнообразие и сложность действительных обстоятельств, доказывается очень просто: Все, что происходит на войне, ведется вооруженными силами, а там, где используют вооруженные силы, то есть вооруженных людей, в основе обязательно должна быть идея боя.

Таким образом, все, что относится к вооруженным силам, — их создание, сохранение и использование, — входит в сферу военной деятельности.

Если в основе любого применения вооруженной силы лежит идея боя, то использование вооруженной силы есть не что иное, как установка и распорядок известного числа частных боев.

Следовательно, любая военная деятельность обязательно прямо или косвенно связана с боем. Солдат призывается, получает обмундирование и вооружение, обучается, спит, ест, пьет и марширует только для того, чтобы в нужное время в нужном месте вступить в бой.

Поэтому, если все нити военной деятельности приводят к бою, мы охватим их все, установив порядок боя. В бою все действия направлены на *уничтожение* противника или, скорее, его *боеспособности*.

Целью также может быть просто уничтожение вооруженных сил противника, но это вовсе не обязательно, цель может быть совсем иной. Например, там, где, как мы показали, разгром противника не является единственным средством для достижения политической цели, где имеются другие цели, которые могут преследоваться в войне, тогда, само собой разумеется, такие цели могут стать целью отдельной военной операции и, следовательно, целью боев.

Но даже в тех случаях, когда общей целью является уничтожение вооруженных сил противника, частные бои не обязательно имеют своей ближайшей целью уничтожение вооруженных сил.

Если вспомнить о многообразии частей огромных вооруженных сил и о множестве обстоятельств, влияющих на их использование, становится ясно, что бой такой вооруженной силы также должен требовать разнообразной организации. Для различных частей может, естественно, ставиться ряд частных целей, которые сами по себе не являются уни-

чтожением вооруженных сил противника, но, безусловно, косвенно способствуют этому. Если батальону приказано выгнать противника с отдельной высоты, моста и т. п., тогда, строго говоря, захват любого из этих мест есть подлинная цель, а уничтожение вооруженных сил противника будет лишь средством или побочным делом. Если враг может быть изгнан лишь ложной атакой, цель все равно достигнута; но ведь эти высота и мост фактически занимаются только для того, чтобы увеличить потери вооруженных сил противника. Если такое случается на поле боя, то то же самое происходит, только в гораздо большем масштабе, на всем театре военных действий, где друг против друга стоят уже не две армии, а два государства, две нации, две страны. Здесь ряд возможных соотношений и, следовательно, возможных комбинаций гораздо больше, увеличивается и разнообразие распорядков.

Следовательно, по многим причинам возможно, что уничтожение сил противника не является целью частного боя, а только средством. Но во всех подобных случаях бой есть не что иное, как мера силы, и имеет ценность не сам по себе, а по своему результату, то есть его исходу.

Но соизмерение сил при очевидном неравенстве может быть произведено простым арифметическим подсчетом. В таких случаях не произойдет никакого боя, так как более слабый заблаговременно уклонится от него.

Следовательно, целью боя не всегда является уничтожение вооруженных сил враждующих сторон и часто может быть достигнута и вовсе без боя, а лишь постановкой вопроса о бое. Это объясняет, почему оказывались возможными целые кампании, которые велись с огромным напряжением, но где фактические бои не играли сколько-нибудь существенной роли.

Что так может быть, военная история доказывает сотней примеров.

Война обладает лишь одним средством — боем. Из единственности средства проистекает нить, помогающая рассмотрению предмета, так как она проходит сквозь всю паутину военных действий и связывает их воедино.

Мы рассматривали уничтожение неприятельских сил как одну из целей, которая может преследоваться в войне, ни

слова не упомянув о том, какое значение следует ему придавать по сравнению с другими целями. Теперь мы постараемся определить это.

Бой есть единственная деятельность на войне; в бою уничтожение противника является средством достижения цели; это верно даже тогда, когда боя фактически не происходило, потому что уклонение от боя одной из сторон имело предпосылку, что такое уничтожение несомненно. Таким образом, уничтожение вооруженных сил противника лежит в основе всех военных действий.

Бой в крупных и мелких военных операциях является тем же самым, что уплата наличными в экономических сделках. Как бы ни была далека эта расплата, как бы редко она ни реализовалась, когда-нибудь ее час настанет.

Если решение с помощью оружия лежит в основе всех военных операций, из этого следует, что противник может любую из них парализовать удачным для себя боем. Не обязательно, чтобы это был бой, на котором мы строили свою кампанию. Тот же результат даст и каждый другой бой, лишь бы он был достаточно крупным; ведь каждый крупный военный успех, то есть уничтожение части вооруженных сил противника, влияет на все остальные части, понижая их общий уровень.

Таким образом, уничтожение вооруженных сил противника всегда является самым лучшим и эффективным средством, которому уступают все остальные.

Однако приписывать большую эффективность уничтожению вооруженных сил противника можно лишь при предполагаемом равенстве всех прочих условий. Было бы огромной ошибкой делать вывод, будто слепой натиск всегда победит мастерство и осторожность. Неумелая атака может привести скорее к уничтожению наших сил, а не сил противника, что, естественно, не в наших интересах. Наибольшая эффективность относится не к *средствам*, а к *цели*.

Когда мы говорим об уничтожении вооруженных сил противника, мы должны особо отметить, что ничто не обязывает нас ограничивать это понятие одними лишь материальными силами. Напротив, мы обязательно подразумеваем также и моральные силы, потому что они тесно связаны между собой и неотделимы друг от друга. Но именно в свя-

зи с уже упоминавшимся неизбежным влиянием, которое великий акт уничтожения (великая победа) оказывает на все остальные операции, этот моральный элемент наиболее неустойчив, если мы можем использовать это выражение, и легче всего распределяется по всем вооруженным силам.

Огромной ценности такого средства, как уничтожение вооруженных сил противника, противостоят расходы на это средство и связанный с ним риск, которых можно избежать, только используя любые другие средства.

Опасность этого средства заключается в том, что наибольшая эффективность, которой мы добиваемся, в случае неудачи обернется против нас со всеми ее худшими последствиями.

Поэтому другие пути в случае успеха не будут так дороги, а в случае неудачи менее опасны. Но это справедливо лишь при одном условии: эти методы применяются обеими сторонами. Если же противник выберет путь решительного боя, мы будем вынуждены встать на тот же путь. Теперь все будет зависеть от исхода борьбы на уничтожение; но, разумеется, ясно, что, *ceteris paribus*¹, мы в этом акте окажемся во всех отношениях в невыгодной ситуации, потому что наши намерения и наши средства были частично ориентированы на другие цели, а противник этого не делал. Следовательно, если один из двух воюющих твердо намерен искать важное решение с помощью оружия, тогда у него высокие шансы на успех, если он уверен, что противник не пойдет по этому пути, а станет преследовать иную цель. Каждый, кто ставит перед собой такую вот иную цель, поступает разумно лишь в том случае, если уверен, что его противник так же, как и он, не ищет крупных решений с помощью оружия.

Но то, что мы сейчас сказали о другом направлении целей и сил, относится к другим *позитивным целям*, которыми, кроме уничтожения сил противника, мы можем задаться на войне, и не распространяется на чистое сопротивление, избранное с намерением истощить противника. У чистого сопротивления нет позитивного задания, и, следовательно, пока мы в обороне, наши силы не могут отвлекаться на дру-

¹ При прочих равных условиях (*лат.*). (Примеч. пер.)

гие цели, так как им задано парализовать намерения противника.

Теперь надо рассмотреть обратную сторону уничтожения вооруженных сил противника, то есть сохранение наших собственных. Оба этих стремления всегда идут вместе и находятся в постоянном взаимодействии; мы лишь должны выяснить, какие будут последствия, если то или другое стремление получит перевес. Стремление уничтожить силы противника имеет позитивную цель и ведет к позитивным результатам, которые увенчиваются полным сокрушением противника. Сохранение наших сил имеет негативную цель, следовательно, ведет к сокрушению намерений противника, то есть к чистому сопротивлению, окончательной целью которого является такая затяжка продолжительности действий, которая истощит силы противника.

Стремление к позитивной цели вызывает акт уничтожения; стремление к негативной цели заставляет ждать его.

Как далеко должно и может завести это состояние ожидания, мы подробно рассмотрели в разделах о наступлении и обороне. Здесь же только напомним, что ожидание не должно быть совершенно пассивным и что в деятельности, связанной с ожиданием, уничтожение вооруженных сил противника может быть целью, как и в любой другой военной деятельности. Следовательно, было бы огромной ошибкой считать, что негативное стремление обязательно приводит к отказу от выбора своей целью уничтожения вооруженных сил противника и к предпочтению бескровного решения. Преимущество, которое дает негативное стремление, безусловно, может подать к этому повод, но такое решение всегда сопряжено с риском не попасть на правильный путь, что зависит от условий, не подвластных нам, а подвластных противнику. Этот другой, бескровный путь не может никоим образом рассматриваться как естественное средство удовлетворения нашего желания сохранить свои силы; напротив, при неблагоприятных обстоятельствах этот путь приведет их к гибели. Очень многие полководцы впадали в эту ошибку и губили себя.

Итак, из приведенных выше размышлений мы увидели, что есть много путей, ведущих к успешному концу, то есть

к достижению политической цели; но что единственным средством является бой и что, следовательно, все подчинено высшему закону, а именно *решению с помощью оружия*. Среди всех целей, которые могут преследоваться на войне, уничтожение вооруженных сил противника всегда преобладает над остальными.

Что может быть достигнуто на войне комбинациями иного толка, мы узнали из предыдущих разделов. Здесь мы только напомним, что кровавое разрешение кризиса, стремление к уничтожению вооруженных сил противника — первородный сын войны. Если политическая цель не важна, мотивы слабы, напряжение сил невелико и осторожный полководец искусно нащупывает на поле боя и в тиши кабинета пути, ведущие к миру, без особых кризисов и кровопролитий, используя характерную слабость противника, мы не имеем права обвинять его. Если его предположения достаточно мотивированны и дают основания рассчитывать на успех, мы все же должны предостеречь его, что он идет обходной дорогой, где бог войны может застать его врасплох. Полководец ни на минуту не должен упускать противника из виду, чтобы не попасть под удары боевого меча, имея в руках лишь щегольскую шпагу.

ПРИНЦИПЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Наиболее важные для ведения войны принципы, хоть и являются результатом долгих размышлений и постоянного изучения истории искусства ведения войны, лишь намечены мной в общих чертах, и поэтому их форма не выдерживает строгой критики. Кроме того, из-за обширности темы для краткости были выбраны только самые важные вопросы. Поэтому эти принципы не дадут вашему королевскому высокочеству полного военного образования, но могут послужить руководством к вашим самостоятельным размышлениям.

Карл фон Клаузевиц

Глава 1

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

1. Теория ведения войны занимается изучением вопроса, как на решающем участке добиться перевеса в физических силах и материальном преимуществе. Поскольку это не всегда возможно, теория не обходит вниманием моральные факторы: возможные ошибки противника, впечатление, производимое смелым маневром, и... да, даже наше отчаяние! Теория военного искусства рассматривает все эти факторы и является не больше чем результатом размышлений о всех возможных ситуациях, встречающихся во время войны. Нужно всегда помнить и тщательно изучать самые опасные из этих ситуаций. Только так можно прийти к героическим решениям, основанным на разуме, которые не сможет поколебать никакая критика.

Любой, кто будет представлять вашему королевскому высочеству этот предмет иначе, является педантом, чьи взгляды только повредят вам. В решающие моменты вашей жизни, в суматохе битвы, вы когда-нибудь ощутите, что только такой взгляд сможет помочь тогда, когда больше всего требуется помощь и где вам не поможет сухой педантизм цифр.

2. Рассчитывая на физическое или моральное превосходство, во время войны нужно всегда стремиться к тому, чтобы вероятность победы была на вашей стороне. Но это не всегда возможно. Часто приходится предпринимать какие-то действия, не считаясь с вероятностью успеха — тогда, когда нельзя сделать ничего лучшего. Если бы мы в таком случае пришли в отчаяние, то наш разум как раз умолк бы в тот момент, когда он более всего необходим, когда все кажется ополчившимся против нас.

Поэтому, даже когда вероятность успеха призрачна, нельзя думать, что наше дело неразумно или невозможно, потому что оно всегда возможно, если наиболее полно использовать те немногие средства, которыми располагаем.

Мы никогда не должны терять спокойствия и твердости, которые так трудно сохранить во время войны. Без них самые блестящие качества ума пропадут впустую. Поэтому мы должны всегда допускать мысль о возможном поражении. Мы должны всегда помнить об этом и полностью привыкнуть к этому. Будьте уверены, всемилостивейший господин, что без твердой решительности нельзя достичь великих результатов в самой успешной войне, не говоря уже о самой неуспешной.

Разумеется, эта мысль нередко занимала Фридриха II во время его первых силезских войн (т. е. во время Войны за австрийское наследство 1740—1748 гг. — *Ред.*). Именно потому, что она была ему знакома, он в памятный день 5 декабря предпринял атаку под Лейтеном¹, а не потому, что верил, будто его косой боевой порядок поможет ему уничтожить австрийцев (примеч. 1, с. 209).

3. Какие бы специфические действия, какие бы меры мы ни предпринимали, у нас всегда есть выбор между самым дерзким и самым осторожным решением. Некоторые полагают, будто теория войны всегда рекомендует осторожность. Это не так. Если теория вообще что-либо советует, то в природе войны необходимы самые решительные, то есть самые смелые действия. Теория, однако, предоставляет военачальнику действовать в соответствии с собственным мужеством, предприимчивостью и уверенностью в себе. Поэтому делайте выбор согласно этой внутренней силе, но никогда не забывайте, что военачальник без отваги никогда не становился великим.

¹ Сражение под Лейтеном (современное название Лютыня (Польша, Силезия) произошло 5 декабря 1757 г. Прусская армия (ок. 40 тыс., 167 орудий) имела численность более чем в полтора раза меньшую, чем армия Карла Лотарингского (до 66 тыс., 300 орудий). В ходе сражения Фридрих II атаковал левый фланг австрийцев, разбил его, а затем и центр австрийских сил, применив косой боевой порядок. Австрийцы потеряли 27 тыс. пленными, убитыми и ранеными и всю артиллерию, пруссаки — 6,5 тыс. убитыми и ранеными. (*Примеч. ред.*)

Глава 2

ТАКТИКА, ИЛИ ТЕОРИЯ БОЯ

Война есть сочетание многих отдельных боев. Такое сочетание может быть разумным или неразумным, и от этого в значительной степени зависит успех. И все же самым главным моментом является исход боя. Ведь только сочетание успешных боев может привести к хорошим результатам. Самым важным в войне всегда будет искусство разгромить противника в бою. К этому вопросу должно быть обращено все внимание вашего императорского высочества. Наиболее важными я считаю следующие принципы:

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОБОРОНЫ

1. Как можно дольше держать свои войска скрытыми от противника. Поскольку вероятность нападения со стороны противника велика, кроме тех случаев, когда мы нападаем сами, нам следует всегда быть настороже и как можно дольше держать войска скрытыми от противника.

2. Не вводить в бой сразу все свои войска. Такие действия свидетельствуют об отсутствии мудрости, необходимой для ведения битвы. Только в том случае, если в вашем распоряжении есть резервы войск, можно в решающий момент повернуть ход битвы.

3. Поменьше беспокоиться или не беспокоиться вообще о протяженности нашего фронта. Само по себе это не важно, но протяженность фронта ограничивает глубину нашего строя (т. е. число корпусов, стоящих один за другим). Войска, оставленные в тылу, должны быть всегда готовы к

бою. Их можно использовать или для того, чтобы возобновить битву на том же участке, или для того, чтобы ввести в бой на других участках, расположенных неподалеку. Этот принцип является следствием предыдущего.

4. При атаке противник часто стремится одновременно обойти нас с флангов и окружить. Армейские корпуса (примеч. 2), находящиеся в тылу, могут отбить эту попытку и таким образом обеспечить поддержку основного фронта, которую обычно создают естественные препятствия на местности. Такое расположение войск лучше, чем вытягивание линии фронта, так как в этом случае неприятелю труднее обойти нас с фланга. Этот принцип снова является более близким определением второго.

5. Если у нас имеется в резерве много войск, только часть из них должна стоять непосредственно перед фронтом. Оставшиеся войска следует скрыть позади.

С этой позиции они, в свою очередь, могут атаковать вражеские колонны, стремящиеся окружить нас с флангов.

6. Главный принцип заключается в том, чтобы никогда не оставаться полностью пассивным, а атаковать неприятеля с фронта и с флангов, даже когда он атакует. Поэтому нам следует защищаться на данном фронте просто для того, чтобы вынудить неприятеля развернуть свои силы в наступлении на этом фронте. Затем мы, в свою очередь, атакуем с теми из наших войск, которые держали в тылу. Искусство возводить укрепления, как однажды так превосходно заметил ваше королевское высочество, нужно обороняющемуся не для того, чтобы безопасно защищаться в окопе, а для того, чтобы более успешно атаковать противника. Эта идея должна быть применена к любой пассивной обороне. Такая оборона не более чем средство, с помощью которого можно наиболее эффективно атаковать противника на заранее выбранной и соответствующим образом оборудованной местности, где мы развернули наши войска.

7. Атака с оборонительной позиции может быть начата в тот момент, когда противник наступает или пока он еще на марше. В тот момент, когда надо атаковать, можно оттянуть свои войска, заманить противника на неизвестную территорию и напасть на него с обеих сторон. Эшелони-

рованный боевой порядок, то есть порядок, при котором только две трети, половина или еще меньше армии выдвинуты вперед, а остальные войска, если возможно, прямо или косвенно скрыты, очень подходит для всех передвижений. Поэтому тип боевого строя имеет огромное значение.

8. Если бы, например, у меня было две дивизии, я бы предпочел держать одну в тылу. Если бы у меня было три, я бы по крайней мере одну держал в тылу, а если бы четыре, то, вероятно, две. Если бы у меня было пять, я бы по крайней мере две держал в резерве, а во многих случаях даже три и т. д.

9. Там, где мы остаемся пассивными, нужно воспользоваться искусством возведения фортификационных сооружений. Для этого потребуются проведение многочисленных работ с соблюдением строгих правил строительства таких сооружений.

10. Создавая план сражения, мы должны ставить перед собой крупную цель, например атаку значительной вражеской колонны или полное ее уничтожение. Если наша цель мелка, а цель врага обширна, мы, естественно, потерпим жестокое поражение, поскольку проявим мелочность и расточительность.

11. Поставив перед собой высокую цель в нашем плане обороны (уничтожение вражеской колонны и т. д.), мы должны направить на ее выполнение всю свою энергию и силы. В большинстве случаев нападающий будет преследовать собственную цель в каком-нибудь другом месте. Пока мы нападаем, например, на его правое крыло, он будет стараться завоевать решающие преимущества на левом. Если мы ослабеем раньше врага, если мы будем преследовать нашу цель с меньшей энергией, чем он, он добьется полного преимущества, тогда как мы добьемся преимущества только наполовину. Таким образом, он получит перевес сил; победа будет за ним, и нам придется сдать даже отчасти завоеванные преимущества. Если ваше королевское высочество внимательно прочтет историю битв при Ратисбоне¹ и

¹ Р а т и с б о н — чаще назывался и называется Регенсбургом, находится в Баварии на Дунае. (Примеч. пер.)

Ваграме¹, все это покажется вам правдивым и важным (примеч. 3).

12. Позвольте мне изложить еще раз два последних принципа. Их сочетание дает нам принцип, который должен занять первое место среди всех случаев победы в современном военном искусстве: «Преследуй одну великую решающую цель с силой и упорством».

13. Правда, в этом случае, если мы потерпим поражение, опасность будет еще больше. Но усиливать осторожность за счет достигаемого результата не есть военное искусство. Это ложная осторожность, которая, как я уже говорил в моих «Принципах войны в общем», противоречит природе войны. Ради великих целей мы должны совершать дерзкие поступки. Когда мы вовлечены в дерзкое предприятие, правильная осторожность состоит в том, чтобы из-за лени, вялости или беспечности не пренебрегать теми мерами, которые помогут нам достичь нашей цели. Примером может служить Наполеон, который никогда из осторожности не преследовал крупные цели робко или нерешительно.

Если вы вспомните, все милостивейший господин, несколько оборонительных битв, которые когда-либо были выиграны, вы обнаружите, что лучшие из них велись в духе принципов, изложенных здесь. Ведь именно изучение истории войны дало нам эти принципы.

При Миндене герцог Фердинанд² неожиданно появился тогда, когда противник не ожидал его, и перешел в наступление, тогда как в Таннхаузене он пассивно оборонялся за земляными укреплениями (примеч. 4). При Росбахе армия Фридриха II атаковала врага в неожиданном месте и в неожиданный момент (примеч. 5).

При Лигнице австрийцы обнаружили короля ночью на позиции совершенно отличной от той, на которой они ви-

¹ В а г р а м — селение в Австрии, в 16 км к северо-востоку от Вены, в районе которого 5—6 июля 1809 г. во время австро-французской войны 1809 г. произошло решающее сражение между французской армией Наполеона I (170 тыс., 584 орудия) и австрийской армией эрцгерцога Карла (110 тыс., 452 орудия). Французы, как считается, одержали победу, но австрийцы в полном порядке отступили, а потери обеих сторон были почти равными — 32 тыс. у австрийцев и 27 тыс. у французов. (Примеч. ред.)

² Имеется в виду герцог Фердинанд Брауншвейгский, племянник Фридриха, прусский фельдмаршал. (Примеч. пер.)

дели его накануне. Он напал со всей своей армией на вражескую колонну и разгромил ее прежде, чем остальные смогли начать борьбу (примеч. 6).

При Гогенлиндене¹ у Моро² было пять дивизий на передовой линии и четыре непосредственно за ними в тылу и на флангах. Он обошел противника с фланга и напал на его правое крыло прежде, чем оно смогло атаковать (примеч. 7).

При Ратисбоне (Регенсбурге) маршал Даву³ защищался пассивно, тогда как Наполеон атаковал своим правым

¹ Г о г е н л и н д е н (Хоэнлинден) — селение в Баварии (восточнее Мюнхена), около которого 3 декабря 1800 г., во время войны 2-й европейской коалиции монархических государств против республиканской Франции, французская армия Ж. Моро нанесла поражение австрийской армии эрцгерцога Иоанна. После этого Австрия подписала Люневильский мир 1801 г. (*Примеч. пер.*)

² М о р о Жан Виктор (1763—1813) — французский военачальник, дивизионный генерал (1794). С 1789 г. в Национальной гвардии, с 1791 г. волонтер революционной армии. В 1792 г. был избран командиром батальона. Воевал в Нидерландах. С 1794 г. командовал северной, а с 1796 г. рейнско-мозельской армиями, одержав ряд побед над австрийцами. В 1799 г. генерал-инспектор, затем командующий французской армией в Италии, где был разбит А.В. Суворовым. После переворота 18 брюмера, совершенного Наполеоном, командовал Рейнской армией, где одержал победу при Гогенлиндене. В 1804 г. он был обвинен в роялистском заговоре против Наполеона и выслан из Франции. Моро поселился в Америке, откуда его в 1813 г. пригласил царь Александр I. Моро стал военным советником при штабе союзных армий. В битве при Дрездене, где Наполеон одержал блестящую победу, 27 августа 1813 г. Моро был смертельно ранен французским ядром и 2 сентября умер. Существует легенда, что ядро было выпущено из пушки, которую наводил сам Наполеон. (*Примеч. ред.*)

³ Д а в у Луи Никола (1770—1823) — представитель обедневшего аристократического рода. Окончил парижскую военную школу (1788). Во время Великой французской революции 1789 г. перешел на сторону революционного народа. С 1794 до 1797 г. в рейнской армии в чине бригадного генерала. С 1804 г. маршал Франции, в 1804—1814 гг. командир корпуса. В 1798—1799 гг. участвовал в Египетской экспедиции, командуя кавалерией. В 1800—1801 гг. командовал кавалерией итальянской армии Наполеона. В 1806 г. одержал победу над пруссаками в битве при Ауэрштедте, разгромил прусскую армию и получил в 1808 г. титул герцога Ауэрштедтского. В 1807—1809 гг. успешно сражался при Прейсиш-Эйлау, Ваграме и Экмюле, за что был удостоен титула князя Экмюльского. При вторжении Наполеона в Россию в 1812 г. корпус Даву участвовал в штурме Смоленска, в Бородинском сражении. При отступлении из России командовал арьергардом, после поражения под Вязьмой заменен Неем. В 1813—1814 гг. руководил обороной Гамбурга от прусских войск. Во время Ста дней военный министр. С воцарением Бурбонов лишен чинов и титулов (однако не расстрелян, как Ней!), но в 1817 г. они ему были возвращены. С 1819 г. пэр Франции. (*Примеч. ред.*)

крылом V и VI армейские корпуса и полностью их разгромил.

Хотя австрийцы при Ваграме в основном оборонялись, на второй день они атаковали французов большей частью своих сил. Поэтому Наполеон тоже мог считаться обороняющимся. Однако затем правое крыло французов (Даву) имело успех против левого крыла австрийцев. В то же время австрийцы были активны против левого крыла Наполеона и продвинулись до Эслинга, однако контратакой сильных резервов французов были отброшены. Затем ударная группировка Макдональда, наступая левее центра, вынудила австрийцев к общему отступлению, в том числе с позиций на реке Русбах.

Не все принципы, упомянутые ранее, четко прослеживаются в каждой из этих битв, но все они являются примерами активной обороны.

Мобильность прусской армии под началом Фридриха II была средством достижения победы, на которое мы больше не можем рассчитывать, потому что другие армии, по крайней мере, так же мобильны, как наша. С другой стороны, окружение с флангов было в то время менее распространено, а глубокий боевой порядок, следовательно, менее необходим.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ НАСТУПЛЕНИЯ

1. Мы должны выбрать для наступления одно место позиции противника (т. е. одну часть его войск — дивизию, корпус) и атаковать его с огромным перевесом, оставляя остаток его армии в неуверенности и держа его под контролем. Это единственный способ, позволяющий нам использовать равные или меньшие силы для сражения с преимуществом и, таким образом, с шансом на успех. Чем мы слабее, тем меньше войск мы должны использовать, чтобы отвлечь противника боями на несущественных участках с целью сохранить как можно больше сил для сражения на решающем участке. Фридрих II, несомненно, выиграл битву при Лейтене только потому, что он сосредоточил свою небольшую армию в одном месте, и его армия ока-

залась более сосредоточенной, чем неприятельская (примеч. 8).

2. Мы должны направить наш главный удар против крыла неприятеля, атакуя его с фронта и с фланга или полностью окружив его и атакуя с тыла. Только когда мы отрезали неприятелю путь к отступлению, мы уверены в крупном успехе и победе.

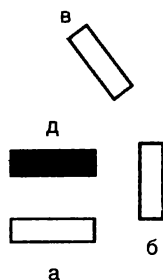
3. Даже хотя мы сильны, мы все же должны направлять основную атаку только против одного участка. Только так мы сможем бросить на этот участок больше сил. Ведь полностью окружить армию возможно только в редких случаях, и это требует невероятного физического и морального превосходства. Однако отрезать противнику путь к отступлению на отдельном участке его фланга и таким образом добиться большого успеха — задача более легкая.

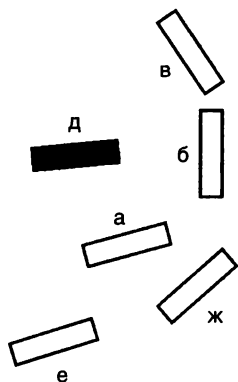
4. В общем, главная цель — это уверенность (высокая степень вероятности) в победе, то есть уверенность в том, что противник будет выбит с поля боя. Обеспеченность успеха должна ложиться в основу плана сражения, ведь выигранное, хотя и нерешающее сражение легко превратить в решающую победу путем энергичного преследования врага.

5. Предположим, у врага на одном крыле достаточно войск, чтобы развернуть фронт во всех направлениях. Нашим главным силам следует попытаться окружить это крыло, нападая со всех сторон. Окруженные войска гораздо быстрее потеряют мужество; подвергнутые испытаниям, они будут расстроены, и нам будет легче обратить их в бегство.

6. Окружение противника требует большего развертывания сил на линии фронта от нападающего, чем от обороняющегося.

Если корпуса *a*, *b* и *c* предпринимают атаку на формирование *d* вражеской армии с целью ее окружения (см. рис.), им, разумеется, следует держаться вместе. Но нам никогда не следует вводить в бой все свои войска, обязательно предусмотрев резерв. Отсутствие его будет огромной ошибкой, которая приведет к поражению, если противник готов к окружению.

Если корпусам *а*, *б* и *в* предстоит атаковать формирование противника *д*, корпуса *е* и *ж* следует оставить в резерве. С таким глубоким боевым порядком мы способны постоянно тревожить один и тот же участок. В том же случае, если наши войска будут разбиты на противоположном конце линии, нам не обязательно немедленно прекращать там боевые действия, поскольку у нас есть резервы, способные противостоять неприятелю. Так поступили французы в битве при Ваграме.

Их левое крыло, противостоявшее правому крылу австрийцев, развернувшееся ближе к Дунаю, было относительно слабо и потерпело сокрушительное поражение. Даже центр французов у Адеркла не был очень силен, и австрийцы вынудили их отступить в первый день битвы. Но все это не имело значения, потому что Наполеон имел огромный резерв войск на своем правом крыле, которые он бросил на левое крыло австрийцев. А потом, введя в бой огромную колонну Макдональда (пехота, кавалерия, артиллерия), Наполеон отбросил австрийцев и на своем левом крыле. Хотя ему не удалось разгромить эрцгерцога Карла, он, по крайней мере, достиг своей цели, выиграв сражение.

7. Занимая оборонительную позицию, мы должны выбрать объектом нападения тот участок неприятельской армии, поражение которого принесет нам решающие преимущества.

8. В обороне, пока остаются хоть какие-то ресурсы, мы не должны сдаваться, пока не достигнем своей цели. Если обороняющийся сохраняет свою активность, если он нападает на нас с других сторон, нам удастся одержать победу только в том случае, если мы превзойдем его в энергии и смелости. С другой стороны, если он пассивен, серьезная опасность нам не угрожает.

9. Длинные и непрерывные линии войск следует полностью избегать. Они приведут только к параллельным атакам, которые сегодня недопустимы.

Каждая дивизия атакует отдельно, имея указания высшего командования и, следовательно, согласованно друг с

другом. И все же одна дивизия (от 8000 до 10 000 человек) никогда не выстраивается в одну линию, а образует две, три или даже четыре линии. Из этого следует, что длинная и непрерывная линия больше невозможна.

10. Согласованность атак дивизий и армейских корпусов должна достигаться не управлением их действиями из одного пункта и не поддержанием контактов друг с другом. Ведь они могут находиться далеко друг от друга или даже быть разделены частями противника. Это ложный метод взаимодействия, подверженный тысяче случайностей. При таком методе управления следует ожидать не достижения высоких результатов, а скорее поражения от сильного, энергичного противника.

Правильный метод состоит в том, чтобы указать каждому командиру армейского корпуса или дивизии основное направление его движения, поставить целью действий — неприятеля, а задачей — победу над ним.

Каждый командир колонны, следовательно, имеет приказ всеми своими силами атаковать неприятеля там, где встретит. Он не должен нести ответственность за успех атаки, потому что это приведет к нерешительности. Но он ответствен за то, чтобы его корпус всеми силами принял участие в бою, не останавливаясь ни перед какими жертвами.

11. Хорошо организованный отдельный корпус может выдержать сильную атаку в течение некоторого времени (нескольких часов) и поэтому не может быть уничтожен в один момент. Таким образом, даже если он преждевременно ввяжется в бой с противником и будет разбит, для общего дела это не пройдет даром. В бою против этого одного корпуса противник потратит свои материальные и физические силы, дав остальным нашим силам хороший шанс контратаковать его.

О том, как должен быть организован корпус для этой цели, мы поговорим позже.

Итак, мы обеспечиваем взаимодействие всех сил, давая каждому корпусу определенную степень независимости, но позаботившись о том, чтобы каждый нашел неприятеля и атаковал его со всем возможным самопожертвованием.

12. Один из важнейших принципов наступательной войны — поразить неприятеля внезапно. Чем внезапнее

атака, тем она будет успешнее. На неожиданность, которую может создать обороняющийся скрытностью своих мероприятий и укрытым расположением войск, наступающий может ответить лишь неожиданностью своего появления.

Однако это явление наблюдается крайне редко в новейших войнах, что зависит частично от улучшения принимаемых в настоящее время мер охранения, а частично от быстроты ведения войны. Теперь в военных действиях редко наступает продолжительная пауза, в течение которой бдительность одной из сторон могла бы ослабеть, что предоставило бы другой стороне случай произвести внезапную атаку.

При таких обстоятельствах, кроме ночных нападений, которые всегда возможны (как в Хохкирхе в 1758 г.) (примеч. 9), можно застать противника врасплох, только перемещая войска к одному флангу или к тылу, а затем неожиданно снова поворачивая их и бросая вперед. Или, если мы находимся далеко от противника, с помощью невероятной энергии и активности можно появиться в нужном месте быстрее, чем он нас ожидает (как, например, Суворов при Рымнике в 1789 г., когда он прошел 100 км за 2,5 суток по размытым осенними дождями дорогам, после чего разгромил не ожидавших его появления турок (турки из 100 тыс. потеряли 10 тыс. убитыми и до 10 тыс. ранеными, пленными и утонувшими, русские и австрийцы из 25 тыс. ок. 1 тыс. убитыми и ранеными); Суворов же в Италии, преодолев за 38 часов 60 км, с ходу вступил в бой с французами (Макдональд) и меньшими силами (30 тыс. против 35 тыс. у французов) в течение следующих двух дней разгромил их на р. Треббия. Французы потеряли 16 тыс., русские и австрийцы — 6 тыс. — *Ред.*).

13. Правильное неожиданное нападение (ночью, как в Хохкирхе) является лучшим способом получить эффект при небольшой армии. Но нападающий, не так хорошо знакомый с местностью, как обороняющийся, при этом немало рискует. Чем меньше знаешь местность и подготовку противника, тем больше становится риск. Поэтому такие действия следует применять лишь в крайних случаях.

14. Этот вид атаки требует большей предварительной подготовки и большего сосредоточения наших войск, чем в дневное время.

ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКАМИ

1. Если нельзя обойтись без огнестрельного оружия (а если можно, зачем способствовать его развитию?), его нужно использовать в открытом бою. *Кавалерия не должна использоваться раньше, чем враг значительно пострадает от пехоты и артиллерии. Из этого следует:*

а) кавалерию нужно разместить позади пехоты. Не следует легко ввязываться в открытый бой. Только когда беспорядок в рядах противника или его поспешное отступление дает надежду на успех, мы должны использовать нашу кавалерию для дерзкой атаки¹.

2. Артиллерийский огонь гораздо эффективнее, чем пехотный. Батарея из восьми шестифунтовых (90-мм) пушек занимает менее трети линии фронта, занимаемого батальоном пехоты; в ней в восемь раз меньше людей, чем в батальоне, но при этом ее огонь в два, а то и в три раза эффективнее. С другой стороны, у артиллерии есть недостаток: она менее мобильна, чем пехота. Это относится даже к самой легкой конной артиллерии, потому что она не может, как пехота, использоваться на пересеченной местности. Поэтому с самого начала сражения необходимо направлять артиллерию на самые важные участки, так как она не может, как пехота, быстро перегруппироваться в ходе битвы. Большая батарея от 20 до 30 пушек обычно решает исход битвы на тех участках, где она находится (так, в сражении при Прейсши-Эйлау в 1807 г. 2 конноартиллерийские роты (36 орудий), переброшенные генералом Кутайсовым с правого крыла на левый, картечными залпами остановили и заставили залечь наступавших здесь французов, после чего русская пехота конратаковала и отбросила врага, повернув ход сражения. — Ред.).

3. Из этих и других видимых характеристик вытекают следующие правила использования различного оружия:

а) битву следует начинать с мощной артиллерийской подготовки. Только когда в нашем распоряжении имеется большое количество войск, мы должны держать в резерве

¹ Положения, выделенные курсивом, генерал Фридрих фон Кохенхаузен, преподаватель Германской военно-воздушной академии, считает неприменимыми в современных войнах.

и конную и тяжелую артиллерию. Артиллерию нужно использовать большими батареями, сосредоточенными против одного участка. От 20 до 30 орудий, составляющих одну батарею, защищают важную часть наших позиций или обстреливают тот участок неприятельских позиций, который мы собираемся атаковать;

б) после этого мы используем легкую пехоту — стрелков, — но ни в коем случае нельзя сразу вводить в бой слишком много сил. Сначала нужно понять, что ожидает нас впереди (потому что это редко удастся обнаружить заранее), как повернется ход сражения и т. д.

Если такая линия огня достаточна для того, чтобы противостоять силам неприятеля, и если нет необходимости спешить, будет ошибкой раннее использование наших оставшихся сил. Мы должны попытаться, сколько возможно, ослабить противника этой предварительной схваткой;

в) если противник вводит в бой такое количество войск, что наши силы на линии огня вот-вот отступят, или если по каким-то другим причинам у нас нет сомнений в правильности своих действий, следует развернуть всю линию пехоты. Она окажется в 100—200 шагах от противника и будет стрелять или заряжать, в зависимости от обстоятельств;

г) это основная цель пехоты. Если, в то же время, боевой порядок достаточно глубок, и в качестве резерва у нас имеется еще одна линия пехоты (построенная в колонны), мы на этом участке будем достаточно прочно владеть ситуацией. Чтобы одержать победу, эта вторая линия пехоты, если возможно, должна быть использована только колоннами.

д) кавалерия, находящаяся позади сражающихся отрядов, во время боя должна быть настолько близка к ним, насколько это возможно без больших потерь; то есть она должна быть вне досягаемости вражеской картечи или ружейного огня. С другой стороны, она должна располагаться достаточно близко, чтобы быстро воспользоваться преимуществом при любом благоприятном повороте в ходе сражения.

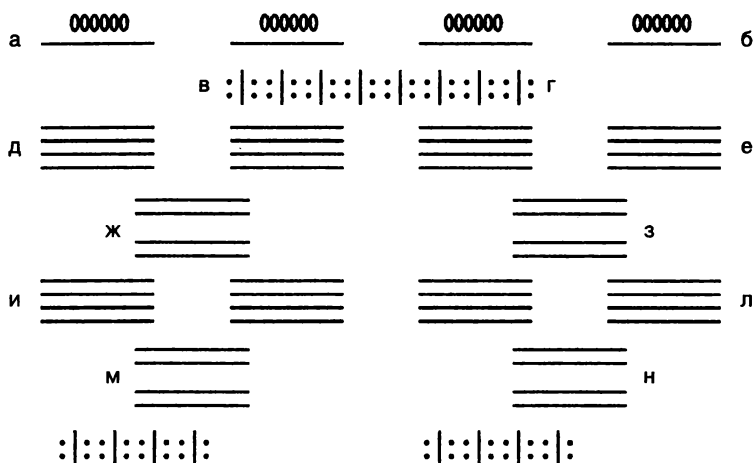
4. Более или менее точно подчиняясь этим правилам, мы никогда не должны упускать из вида следующий принцип, значение которого невозможно переоценить:

никогда не следует приводить в действие все силы наудачу и одновременно, потеряв, таким образом, все средства ведения боя, а, если возможно, ослаблять противника малыми силами, чтобы сохранить большую часть своих войск для критического момента, а, введя в действие, использовать с наибольшей смелостью.

5. Мы должны установить один боевой порядок (расположение войск до и во время сражения) для всей кампании или для всей войны. Этот порядок будет служить нам во всех случаях, когда нет времени на особую диспозицию войск. Этот порядок, прежде всего, должен быть рассчитан для обороны. Он придаст боевым действиям армий некоторое единообразие, которое будет полезно и выгодно. Ведь неизбежно большая часть низших генералов и других офицеров, командующих небольшими контингентами, не имеет специальных знаний в области тактики и, вероятно, никаких выдающихся способностей к ведению войны.

Таким образом, вместо искусства ведения войны, когда его нет, возникает некоторый методизм. По моему мнению, это в значительной степени относится к французской армии.

6. После того, что я сказал об использовании оружия, этот боевой порядок, в применении к бригаде, выглядит приблизительно следующим образом (рис. на с. 180): а—б является линией легкой пехоты, которая начинает сражение и которая на пересеченной местности до некоторой степени служит авангардом. Затем идет артиллерия, в—г, которую следует располагать на выгодных позициях. Если это невозможно, ее следует расположить за первой линией пехоты д—е (в данном случае четыре батальона). Задача этой линии состоит в том, чтобы построиться и открыть огонь, а ж—з — это несколько полков кавалерии. Вторую линию пехоты и—л держат в резерве для решающего этапа боя, а м—н — это кавалерия. Сильный корпус выстраивается согласно тем же принципам и в той же манере. В то же время боевой порядок не обязательно должен быть именно таким. Он может слегка отличаться при условии, что соблюдаются вышеупомянутые принципы. Так, например, в обычном боевом порядке первая линия кавалерии ж—з может оставаться со второй линией кавалерии м—н. Ее следует продвигать только в особых случаях, когда эта позиция окажется слишком отдаленной.

7. Армия состоит из нескольких самостоятельных корпусов, имеющих каждый своего генерала и штаб. Они выстроены в линию и друг за другом, как описано в общих правилах боя. *Здесь надо заметить, что, если мы не испытываем недостатка в кавалерии, следует создать специальный кавалерийский резерв, который, конечно, нужно держать в тылу. Цель этого следующая (примеч. 10):*

а) *нападать на противника, когда он отступает с поля боя, и атаковать кавалерию, которой он прикрывает свое отступление. Если мы разобьем кавалерию противника, нам гарантирован огромный успех, если вражеская пехота не покажет чудеса храбрости. Небольшие отряды кавалерии не выполняют эту задачу;*

б) *насколько можно стремительно преследовать противника, если он отступает непобежденным или продолжает отступать на следующий день после проигранного сражения. Кавалерия движется быстрее, чем пехота, и оказывает больший деморализующий эффект на отступающие войска. После победы преследование является в войне самым важным;*

в) *осуществляя великий (стратегический) поворот, мы должны иметь, из-за необходимости движения войск по обходным маршрутам, части, которые продвигаются быстрее, чем пехота.*

Чтобы сделать такой корпус более самостоятельным в своих действиях, нам следует придать ему значительное ко-

личество артиллерии — сочетание нескольких видов вооруженных сил только придаст ему дополнительную силу.

8. Боевой порядок войск, описанный до сих пор, был предназначен для боя; это был боевой порядок для сражения.

Порядок передвижения обычно следующий:

а) каждый самостоятельный корпус (бригада, дивизия) имеет свой авангард и арьергард и образует собственную колонну. Это, однако, не мешает некоторым корпусам идти друг за другом по одной и той же дороге и таким образом образовывать одну колонну;

б) корпуса передвигаются согласно их положению в общем боевом порядке. Они идут рядом или друг за другом, как стояли бы на поле битвы;

в) в самих корпусах неизменно соблюдается следующий порядок: легкая пехота с одним полком кавалерии, образующие авангард и арьергард, пехота, артиллерия и, наконец, остальная кавалерия.

Этот порядок остается в том случае, если мы движемся на врага или за ним, или параллельно с ним — тогда это называется естественным порядком. В последнем случае можно предположить, что те части, которые в боевом порядке находились друг за другом, будут идти бок о бок. Но когда нам придется выстроить войска для сражения, всегда будет достаточно времени, чтобы продвинуть кавалерию и вторую линию пехоты направо или налево.

ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕСТНОСТИ

1. Местность создает на войне два преимущества.

Первое — это создание препятствий для приближающегося врага. Эти препятствия или делают его продвижение невозможным в данном месте, или заставляют его продвигаться медленнее и поддерживать боевой порядок в колоннах и т. д.

Второе преимущество состоит в том, что, используя особенности ландшафта, мы можем защитить наши войска.

Хотя оба преимущества очень важны, мне кажется, второе важнее первого. В любом случае от него мы, безусловно, получим выгоду, так как в большинстве случаев даже самая

простая местность более или менее служит нам защитой. Раньше чаще использовалось только первое из этих преимуществ. Сегодня же большая мобильность всех армий заставляет нас использовать первое реже, а второе чаще. Первое из этих двух преимуществ полезно только для обороны, второе же и для нападения, и для обороны.

2. Местность, как препятствие продвижению врага, служит главным образом для того, чтобы подкреплять наши фланги и усиливать наши позиции.

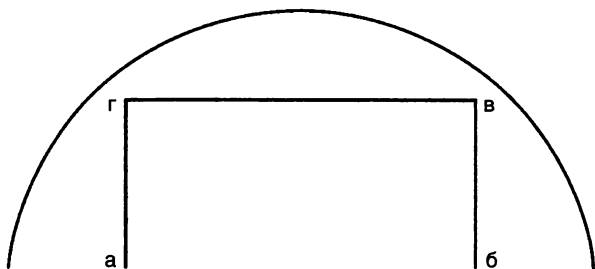
3. Чтобы усилить наши позиции, это препятствие должно быть совершенно непреодолимым, как, например, широкая река, озеро, топкое болото. Однако такие препятствия очень редки, и поэтому полная защита наших флангов трудно осуществима. Сегодня это встречается реже, чем раньше, потому что мы долго не задерживаемся на одной позиции, а энергично продвигаемся, находя новые позиции на театре военных действий.

Препятствие, которое трудно, но все же преодолимо, на самом деле не *point d'appui*¹ для нашего фланга, а подкрепление. В этом случае войска должны быть расположены за ним. Но и для них, в свою очередь, оно становится препятствием.

И все же всегда выгодно обезопасить наш фланг таким препятствием, ибо в этом случае нам в этом месте понадобится меньше войск. Однако следует избегать двух опасностей: во-первых, настолько полагаться на эту защиту, чтобы не держать в тылу сильный резерв; во-вторых, окружать себя с обоих флангов подобными препятствиями, поскольку они не защищают нас полностью, а значит, не всегда предотвращают сражение на обоих наших флангах. Следовательно, они крайне пагубны для нашей обороны, потому что не позволяют нам легко перейти к активной обороне на одном из крыльев. Нам придется обороняться при самых невыгодных условиях, когда оба фланга, *a—г* и *в—б*, отброшены назад (рис. на с. 183).

4. В результате наблюдений возникли лишь новые аргументы в пользу глубокого построения. Чем меньше на местности препятствий, обеспечивающих надежное подкрепление наших флангов, тем больше корпусов мы долж-

¹ Точка опоры (*фр.*).

ны иметь в тылу, чтобы окружить вражеские войска, окружающие нас.

5. Все типы местностей, непреодолимые для войск, шагающих строем, все деревни, все участки, огороженные изгородями и рвами, болотистые луга и, наконец, все горы, которые преодолеваются только с трудом, представляют собой такого рода препятствия. Мы можем их преодолеть, но только медленно и с усилием. Поэтому они увеличивают силу сопротивления войск противника, расположенных за ними. В этот перечень могут входить и леса, только если они очень густые или болотистые. Обычный строевой лес можно пройти так же легко, как равнину. Однако нельзя упускать из виду тот факт, что в лесу может прятаться враг. Если мы тоже решим спрятаться в нем, то обе стороны окажутся в опасном положении. Поэтому оставлять на нашем фронте или фланге не занятые нами леса является серьезной ошибкой. Баррикады, построенные в качестве препятствий, помогают мало, так как их легко снести.

6. Из всего этого следует, что мы должны использовать подобные препятствия на одном фланге, чтобы оказать относительно сильное сопротивление с немногочисленными войсками, а на другом фланге тем временем осуществлять запланированное наступление. Очень выгодно сочетать использование укреплений с естественными препятствиями, потому что тогда, если враг преодолет препятствие, огонь из этих укреплений защитит наши слабые войска от имеющего слишком большое преимущество противника и крупного поражения.

7. Когда мы обороняемся, любое препятствие на нашем фронте представляет огромную ценность.

Горы занимаются войсками только с этой целью. Ведь высокая позиция редко оказывает существенное влияние на эффективность нашего оружия, а часто вообще не оказывает. Но если мы стоим на высоте, противник, чтобы приблизиться к нам, должен взбираться на нее, взбираться с трудом. Он будет продвигаться медленно, его боевой порядок будет расстроен, его солдаты вступят в ближний бой выбившимися из сил. При равной отваге и силе эти преимущества могут оказаться решающими. Ни в коем случае не следует упускать из вида моральный эффект стремительного натиска (а натиск сверху будет стремительным). Он поднимает моральный дух, в то время как солдат, стоящий на одном месте, теряет присутствие духа. *Поэтому всегда очень выгодно поместить нашу первую линию пехоты или артиллерии на гору* (в битве при Аустерлице Наполеон, заняв господствующие Праценские высоты, оставленные из-за ошибочного решения союзников (царственных особ), стремительным натиском сверху рассек и смял союзную армию. Союзники потеряли убитыми, ранеными и пленными 27 тыс. (в т. ч. 21 тыс. русских) из 86 тыс., Наполеон 12 тыс. из 73 тыс. — *Ред.*).

Часто гора настолько крута или склон настолько холмистый и неровный, что обстрел становится неэффективным. В таком случае мы не должны помещать на гребень горы нашу первую линию, а в крайнем случае только наших снайперов. Целую линию мы должны размещать таким образом, чтобы подвергнуть противника эффективному огню в тот момент, когда он добирается до вершины и собирает все силы.

Все остальные препятствия, такие как небольшие речки, ручейки, овраги и тому подобные, служат для того, чтобы нарушить фронт неприятеля. Ему придется перестраивать свой боевой порядок, преодолевая их, а это будет отсрочкой. Поэтому подходы к таким препятствиям надо эффективно обстреливать *крупной картечью (с 400 до 600 шагов), если у нас в этом месте мало артиллерии.*

8. Основополагающим законом является эффективный обстрел любых препятствий, усиливающих наш фронт. Но важно заметить, что никогда не следует полностью ограничивать наше сопротивление таким огнем, *а необходимо под-*

готовить к штыковой атаке значительную часть наших войск (от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$), построенных в колонны. Если мы очень слабы, следует организовать только огневой рубеж из стрелков и артиллерии на расстоянии, с которого удобно вести эффективный обстрел препятствия. Остальные войска, построенные в колонны, нужно держать на расстоянии от 600 до 800 шагов и, если возможно, под защитой складок местности и др.

9. Еще один способ использовать эти препятствия для защиты нашего фронта заключается в том, чтобы оставить их немного впереди. Так они окажутся в зоне эффективного действия нашей артиллерии (от 1000 до 2000 шагов), и мы можем атаковать неприятельские колонны со всех сторон, по мере того как они появляются. Нечто подобное сделал герцог Фердинанд при Миндене в 1759 году (см. примеч. 4). Таким образом, препятствие способствует осуществлению нашего плана активной обороны, и эта активная оборона, о которой мы говорили ранее, будет осуществляться на нашем фронте.

10. Такие препятствия, как земля и местность, мы до сих пор считали, прежде всего, препятствиями при протяженных позициях. И все же необходимо кое-что сказать об отдельных, изолированных участках.

В целом защитить отдельные, изолированные участки можно только с помощью укреплений или таких мощных препятствий, как местность. Первые мы здесь обсуждать не будем. Единственные препятствия, которые могут сохраняться сами по себе, следующие:

а) изолированные крутые высоты. Здесь укрепления также необходимы, поскольку противник всегда может двинуться против обороняющегося более или менее протяженным боевым порядком. И в конечном счете обороняющийся всегда будет атакован и смят с тыла, потому что мы редко обладаем достаточной мощностью, чтобы держать фронт с обеих сторон;

б) теснины. Под этим словом мы подразумеваем любой узкий путь, являющийся единственным для прохода противника. К ним же относятся мосты, плотины (дамбы) и узкие ущелья.

Следует заметить, что эти препятствия разделяются на две категории: те, что нападающий ни в коем случае не может

избежать, как, например мосты через широкие реки. В этом случае обороняющийся может смело расположить все свои силы так, чтобы как можно эффективнее вести огонь по месту переправы. И те, которые враг может обойти, например мосты через небольшие реки и большинство горных ущелий. В этом случае необходимо иметь в резерве значительные силы (от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$) для атаки сомкнутым строем;

в) населенные пункты, деревни, небольшие города и тому подобное.

Если войска сражаются отважно и с энтузиазмом, дома дают уникальную защиту для немногих против многих. Но если мы не уверены в каждом солдате, предпочтительно занимать дома, сады и т. п. только снайперами и входить в деревни с артиллерией. Большую часть наших войск (от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$) *следует построить сомкнутыми колоннами и укрыть в населенном пункте или за ним, чтобы напасть на противника, когда он атакует.*

11. Эти изолированные позиции в крупных операциях служат отчасти аванпостами, и в этом случае они представляют собой не абсолютную защиту, а только способ отвлечения противника. Кроме того, они помогают удерживать пункты, важные для проведения операций, которые мы запланировали для нашей армии. Также часто необходимо создать такие позиции в отдаленном месте, чтобы выиграть время для принятия активных мер к обороне, которые мы, возможно, запланировали. Но, если место отдаленное, оно *ipso facto*¹ изолированное.

12. Необходимо сделать еще два замечания относительно отдельных препятствий. Во-первых, за ними следует расположить войска, готовые принять отряды, отброшенные назад. Во-вторых, тот, кто включает подобные отдельные препятствия в свой план обороны, не должен слишком на них рассчитывать, как бы сильны ни были эти препятствия. С другой стороны, командир, которому доверена оборона такого препятствия, всегда, даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, должен стараться держаться до конца. Для этого он должен обладать решительностью и духом самопожертвования, которые проистекают только из честлю-

¹ В силу самого факта (лат.). (Примеч. пер.)

бия и энтузиазма. Поэтому для этой миссии следует выбирать людей, обладающих этими благородными качествами.

13. Использование местности для прикрытия диспозиции и продвижения войск не требует подробного толкования.

Не следует занимать гребень горы, которую мы собираемся защищать (как это часто делалось в прошлом), а расположиться за ним. Следует занимать позицию не перед лесом, а внутри него или за ним; последнее только в том случае, если лес просматривается. *Мы должны держать наши войска колоннами, чтобы легче найти укрытие.* Войска можно укрыть в деревнях, небольших лесках и в холмистой местности. Для продвижения следует выбирать самую неожиданную местность и т. д.

На местности, измененной хозяйственной деятельностью, на которой легко произвести рекогносцировку, почти нет мест, где бы не могла укрыться значительная часть неприятельских войск, если они с умом воспользовались такой местностью. Здесь остановить продвижение нападающего труднее, так как он будет идти по дорогам.

Используя местность, чтобы укрыть войска, никогда нельзя упускать из виду цель и намеченные операции. Прежде всего, не следует полностью нарушать боевой порядок, можно лишь слегка от него отклоняться.

14. Если суммировать все вышеизложенное, для обороняющегося при выборе позиции важно следующее:

- а) поддержка одного из своих флангов;
- б) открытый обзор перед фронтом и на флангах;
- в) препятствия перед фронтом обороны своих войск;
- г) замаскированная диспозиция войск;

д) пересеченная местность в тылу, чтобы в случае поражения преследование противником было затруднено. При выборе местности следует остерегаться близких долин рек (как при Фридланде¹), так как они становятся причиной задержки отступления и неразберихи (примеч. 11).

¹ Битва у Фридланда (Восточная Пруссия) 2(14) июня 1807 г. закончилась поражением русской армии под командованием Беннигсена, совершившего роковую ошибку, когда он переправил свою армию на западный берег р. Алле с целью двинуться по этому берегу на выручку Кенигсберга от войск Наполеона. Переправа произошла в районе г. Фридланда (ныне Правдинск Калининградской обл.), который Беннигсен занял в результате

15. Было бы ошибкой полагать, что все эти преимущества можно найти на любой позиции, которую мы занимаем во время войны. Не все позиции одинаково важны: наиболее важны те, которые больше всего подходят для нападения на нас. Именно здесь мы должны иметь все эти преимущества, тогда как на остальных нам требуется только часть из них.

16. При выборе местности нападающий должен учитывать два основных момента: местность не должна быть слишком трудной для атаки и, с другой стороны, достаточно трудной для наблюдения противником за продвижением наших войск.

17. Я заканчиваю эти наблюдения принципом, имеющим огромное значение и который можно считать краеугольным камнем всей теории обороны:

никогда не уповать на силу местности и, следовательно, никогда не позволять этой выгодной местности соблазнить нас возможностью пассивной обороны.

Ведь если местность действительно настолько удобна, что наступающий не может выбить нас с нее, противник может обойти ее, сделав бесполезной самую неприступную территорию. Мы будем вынуждены драться на иной местности в условиях в корне изменившейся обстановки, словно преимущество удобной местности не учитывалось при составлении наших планов. Но если местность не слишком выгодна и атака в ее пределах все же возможна, то выгодная местность никогда не уравновесит невыгоды пассивной обороны. Следовательно, все препятствия, предоставленные местностью, должны быть использованы только для частичной обороны, чтобы со сравнительно малыми силами оказать сильное сопротивление и выиграть время для подготовки к наступлению, с помощью которого необходимо пытаться одержать настоящую победу на других участках.

успешных боев с французскими войсками. Ошибка Беннигсена состояла в том, что он расположил все имеющиеся войска в излучине р. Алле, оставив за спиной единственный путь отступления — мосты в г. Фридланд. Невыгодной позицией русских войск немедленно воспользовался Наполеон, имевший к тому же большое численное преимущество (80 тыс. против 60 тыс. у русских). В результате русская армия после упорного боя была разбита и понесла большие потери на переправах (мосты русские за собой сожгли). (Русские потеряли, по разным данным, от 10 до 25 тыс. убитыми, утонувшими и пленными, французы — 8 тыс. — *Ред.*) Россия была вынуждена заключить с Наполеоном Тильзитский мир. (*Примеч. пер.*)

Глава 3

СТРАТЕГИЯ

Этот термин означает сочетание отдельных боев для достижения цели кампании или войны.

Если мы умеем сражаться и побеждать, больших знаний не требуется. Ведь сочетать положительные результаты легко. Это лишь дело опытного размышления и не зависит от специальных знаний, нужных для руководства боем.

Отсюда те немногие принципы, которые можно установить в стратегии и которые покоятся на организационных основах государства и армии, можно свести по существу к весьма кратким положениям.

ГЛАВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

1. Война имеет три основные цели:

а) завоевание и уничтожение вооруженных сил противника;

б) овладение материальными и другими источниками силы;

в) завоевание общественного мнения.

2. Для достижения первой цели всегда направляют основные силы — против основных сил вражеской армии или, по крайней мере, против значительной части сил противника. Ведь только разгромив их, можно последовательно претворять в жизнь две остальные цели.

3. Для захвата материальных сил противника войсковые операции нацеливают против тех мест, где сосредоточена большая часть этих ресурсов: крупных городов, складов и больших крепостей. На пути к ним возможны встречи с

основными силами противника или, по крайней мере, значительной их частью.

4. Общественное мнение завоевывается путем крупных побед и занятия вражеской столицы.

5. Первое и самое важное правило, необходимое для выполнения этих целей, — использовать все наши силы с наибольшей энергией. Любая умеренность отдаляет нас от конечной цели. Даже при очень благоприятных обстоятельствах неразумно отказываться прилагать максимум усилий для достижения намеченных целей. Такие усилия никогда не приводят к отрицательным результатам. Пусть они лягут тяжким бременем на всю страну, но это не нанесет большого ущерба, поскольку тем скорее это бремя будет снято с ее плеч.

Бесконечно важен моральный подъем, создаваемый такими действиями. Он придает уверенность в успехе, а это лучший способ поднять моральный дух нации.

6. Второе правило заключается в том, чтобы сосредоточить как можно больше сил на участке, где должен быть нанесен главный удар. Чтобы увеличить шансы на победу на решающем участке, возможно, придется ослабить другие участки и понести там потери, но победа компенсирует их.

7. Третье правило — никогда не терять времени. Если выжиданием нельзя добиться важных преимуществ, необходимо приступить к решительным действиям. Быстротой можно пресечь в зародыше многие мероприятия противника и склонить на свою сторону общественное мнение.

Внезапность играет гораздо большую роль в стратегии, чем в тактике. Это важнейший элемент нашей победы. Наполеон, Фридрих II, Густав II Адольф, Цезарь, Ганнибал и Александр Македонский обязаны ярчайшими лучами своей славы именно внезапности.

8. Наконец, четвертое правило — с величайшей энергией использовать достигнутые нами успехи.

Только преследование поверженного противника принесет нам плоды победы.

9. Первый из этих принципов является основой трех остальных. Следуя ему, мы можем, не ставя всего на карту, применить остальные с величайшим дерзновением. Он дает нам средство непрерывно формировать в тылу новые

силы, а с ними можно загладить всякую постигшую нас неудачу.

Вот в чем заключается истинная осторожность, а не в том, чтобы двигаться вперед робкими шагами.

10. Малые государства в наши дни не могут вести завоевательных войн, но для войны оборонительной и они обладают большими возможностями. Поэтому я твердо убежден, что тот, кто напряжет все свои силы для постоянного пополнения своей армии, кто примет все меры для повышения подготовки, кто сосредоточит свои войска на главном направлении и, вооруженный таким образом, решительно и энергично преследует крупную цель, тот сделает все, что достижимо при стратегическом руководстве войной. И если боевое счастье не изменит, то он в конечном итоге неизменно окажется победителем, поскольку его противник будет отставать от него в напряжении сил и энергии.

11. При соблюдении этих принципов форма операций в конечном счете не имеет особого значения. Впрочем, я попытаюсь в нескольких словах прояснить самое важное.

В тактике всегда стараются окружить противника, и притом ту его часть, против которой направлен главный удар. Отчасти это делается потому, что действие сил по концентрическим направлениям более выгодно, чем при прямых параллельных фронтах, а отчасти потому, что лишь этим путем мы имеем возможность отрезать неприятелю путь к отступлению.

Если этот вопрос в отношении противника и позиции из области тактики перенести в стратегию, на театр военных действий, а следовательно, учтя и снабжение неприятеля, то окажется, что отдельные колонны или армии, направленные на окружение неприятеля, в большинстве случаев будут так далеко отстоять друг от друга, что окажутся не в состоянии принять участие в одном и том же бою. Противник же, находясь в центре, будет иметь возможность обратиться против каждого отдельного корпуса и разобьет их поодиночке одной и той же армией. Кампании Фридриха II являют примеры этого, особенно в 1757 и 1758 годах (примеч. 12).

А так как бой есть самое главное и решительное действие, то осуществляющий операции по внешним линиям,

не имея решающего перевеса сил, утратит в боях все те преимущества, которые ему должно было предоставить окружение противника, ибо воздействие на снабжение проявляется крайне медленно, а победа, одержанная в сражении, — чрезвычайно быстро.

Поэтому в стратегии сторона, окружаемая неприятелем, более обеспечена, чем сторона, которая окружает своего противника, особенно при равных или слабейших силах.

Жомини в этом был прав, и если фон Бюлов продемонстрировал противоположное так правдоподобно, то только потому, что он придавал слишком большое значение временным задержкам снабжения продовольствием и полностью отрицал неизбежный успех войны (примеч. 13).

Конечно, чтобы отрезать неприятеля от путей отступления, стратегические обход и окружение являются чрезвычайно действенным средством. Но так как той же цели можно достигнуть также и посредством тактического окружения, то стратегическое окружение можно рекомендовать лишь в том случае, когда наши силы (моральные и физические) настолько превосходят силы противника, что мы останемся достаточно сильными для сражения на решающем участке даже при отвлечении сил на окружение.

Император Наполеон никогда не предпринимал стратегических окружений, хотя он часто, даже почти всегда, располагал физическим и моральным перевесом (примеч. 14).

Фридрих II воспользовался этим приемом один только раз: во время своего вторжения в Богемию (Чехию) в 1757 году (примеч. 15). Правда, этим он достиг того, что первое сражение австрийцы смогли дать лишь под Прагой; однако какую пользу принесло ему завоевание Богемии вплоть до самой Праги без решительной победы? Сражение под Колином¹ принудило его отказаться от всех его завоеваний — доказательство, что сражения решают все. Под Прагой ему, несомненно, грозила опасность быть атакованным всеми силами австрийской армии до подхода Шверина. Он не подвергся бы этой опасности, если бы двинулся со всеми свои-

¹ К о л и н — чешский город на р. Лабе (Эльбе) на перекрестке древних торговых путей. Близ Колина 18 июня 1757 г. армия Фридриха II (34 тыс.) была разгромлена австрийцами Дауна (54 тыс.). Пруссаки потеряли 14 тыс. и 45 орудий. (Примеч. ред.)

ми силами через Саксонию. Тогда первое сражение, вероятно, произошло бы под Будине-над-Огржи, и оно было бы столь же решающим, как сражение под Прагой. Поводом для такого концентрического наступления на Богемию бесспорно послужила зимняя дислокация прусской армии в Силезии и Саксонии. Крайне важно отметить, что в большинстве случаев именно такого рода соображения играют более вескую роль, чем преимущества той или иной формы группировки сил, ибо удобоисполнимость операции способствует скорости выполнения, а помехи в действиях столь огромной машины, как армия, настолько велики, что без особой нужды их не следует увеличивать.

12. Только что приведенный нами принцип — по возможности сосредоточиваться на решающем направлении — уже сам по себе устраняет идею стратегического окружения, а отсюда сама собою вытекает группировка наших вооруженных сил. Поэтому я был вправе заявить, что форма этой группировки не имеет особого значения. Однако в одном случае стратегическое воздействие на неприятельский фланг ведет к таким же крупным последствиям, как и в сражении, а именно — когда неприятель, действующий в бедной стране, с великим трудом устроит свои магазины, от целостности которых, безусловно, зависит успех его операций. В подобных случаях можно даже рекомендовать не идти с главными силами навстречу главной армии неприятеля, а устремиться к его базе. Но для этого необходимы два условия:

а) неприятель должен настолько удалиться от своей базы, чтобы наше движение принудило его к значительному отступлению;

б) мы должны иметь возможность задержать его на главном операционном направлении небольшими силами при помощи естественных и искусственных преград, дабы он не мог сделать завоеваний, способных возместить ему потерю базы.

13. Снабжение войск продовольствием — неминуемое условие ведения войны, а потому оно оказывает большое влияние на операции, особенно тем, что лишь до известного предела допускает сосредоточение масс и является решающим фактором при выборе операционной линии, определяя полосу наступления на театре военных действий.

14. В областях, сколько-нибудь допускающих снабжение войск за счет местных ресурсов, последние добывают реквизициями.

При современном способе ведения войны армия занимает значительно большее пространство, чем раньше. Образование в нашей армии отдельных корпусов сделало это возможным, не ставя нас в худшее положение по сравнению с противником, который, как всегда, сосредоточит в одном пункте от 70 000 до 100 000 человек. Ведь корпус современной организации может в течение некоторого времени вести борьбу с противником, вдвое и втрое превосходящим его. Тем временем подойдут на выручку остальные, и если первый корпус даже окажется разбитым, то он сражался недаром, как уже было указано выше по другому поводу.

Поэтому теперь отдельные дивизии и корпуса двигаются врозь, рядом или один за другим; если они составляют одну и ту же армию, то удаление их друг от друга ограничивается лишь соображением совместного участия в общем сражении.

Это дает возможность питать войска непосредственно, без собственных магазинов. Такая постановка снабжения облегчается организацией самих корпусов с их штабом и интендантством.

15. Если решающее значение не принадлежит более веским основаниям, например расположению главной неприятельской армии, то для операций выбирают наиболее плодородные области, ибо легкость снабжения способствует быстроте операции. Важнее вопросов снабжения может быть лишь расположение главной армии противника, столкновение с которой нам предстоит, положение столицы или крепости, которой мы стремимся овладеть. Все прочие основания, например выгоднейшая форма группировки сил, о которой мы уже говорили, обычно имеют гораздо меньшее значение.

16. Несмотря на эту новую систему довольствия, мы еще далеки от того, чтобы совершенно обходиться без всяких магазинов. Поэтому мудрый полководец, даже если средства провинции совершенно достаточны для снабжения войск продовольствием, все же не преминет на непредвиденный случай устроить у себя в тылу магазины, чтобы

иметь возможность прочнее укрепиться в известных пунктах. Эта предосторожность принадлежит к числу тех мер, которые не идут в ущерб поставленной задаче.

ОБОРОНА

1. С политической точки зрения оборонительной называется такая война, которую ведут, чтобы отстоять свою независимость. Со стратегической точки зрения оборонительной войной называют такую кампанию, в которой я ограничиваюсь борьбой с неприятелем на том театре военных действий, который я себе подготовил для этой цели. Даю ли я на этом театре военных действий сражения наступательного или оборонительного характера, дела не меняет.

2. Стратегическую оборону выбирают главным образом в тех случаях, когда неприятель сильнее нас. Естественно, что крепости и укрепленные лагеря, на которые следует смотреть, как на основу подготовки театра военных действий, представляют значительные преимущества; в число последних входят также знакомство с местностью и наличие хороших карт. С помощью этих преимуществ небольшая армия маленького государства, располагающая небольшими средствами, будет скорее в состоянии оказать неприятелю сопротивление, чем без них.

Наряду с этим следующие два основания могут побудить остановиться на оборонительной войне.

Во-первых, если провинции страны, прилегающие к нашему театру военных действий, в значительной мере затрудняют операции из-за недостатка продовольствия. В этом случае, выбрав оборонительную войну, мы избежим неудобств, которые всецело лягут на противника. Таково, например, в настоящее время (1812) положение русской армии.

Во-вторых, когда неприятель превосходит нас в умении вести войну. На подготовленном театре военных действий, который нам знаком и где нам благоприятствуют все побочные обстоятельства, вести войну гораздо легче; здесь нельзя наделать так много ошибок. В этом случае, то есть когда к оборонительной войне нас побуждает ненадежность наших войск и генералов, к стратегической обороне

охотно присовокупляют и оборону тактическую, то есть сражения даются на заранее подготовленных позициях — опять-таки потому, что в этих условиях будет допущено меньше ошибок.

3. В войне оборонительной не менее чем в войне наступательной надлежит задаваться крупной целью. Таковой может быть не что иное, как истребление неприятельской армии или посредством сражения, или посредством создания для нее трудных для существования условий, что приводит ее в расстройство и принуждает к отступлению; в течение последнего она, естественно, подвергается большим потерям. Примерами тому могут служить походы Веллингтона¹ 1810 и 1811 годов (примеч. 16).

Следовательно, оборонительная война не сводится лишь к праздному выжиданию событий. Выжидать следует только в предвидении очевидных и решающих выгод. Крайне опасно для обороняющегося то затишье перед бурей, во время которого наступающий собирается с силами для решающего удара.

Если бы австрийцы после сражения под Асперном утروили свои силы, как это сделал французский император — а возможности для этого у них были, — то период затишья, предшествовавший сражению под Ваграмом, оказался бы для них полезным, но только при таком условии. Так как они все же этого не сделали, то время оказалось для них потерянным. Было бы гораздо благоразумнее с их стороны воспользоваться невыгодным положением Наполеона, чтобы в сражении под Асперном одержать полную победу (примеч. 17).

¹ Герцог Веллингтон Артур Уэлсли (1769—1852) — английский военный и политический деятель, дипломат, фельдмаршал (1813). В 1794—1795 гг. участвовал в войне против республиканской Франции в Нидерландах. В 1796—1805 гг. служил и воевал в Индии. В 1806 г. был избран в парламент. С 1808 г. был командующим союзными войсками в Португалии и Испании, освобождал Испанию от французов. В 1814 г. занял Юго-Западную Францию. Получил герцогский титул и стал первым герцогом Веллингтоном. Был назначен послом Англии в Париже (1814). После возвращения Наполеона с о. Эльба и начала новой войны Веллингтон вместе с Блюхером командовал союзными войсками в битве при Ватерлоо. Веллингтон представлял Англию на Венском конгрессе. Позже занимал различные государственные и дипломатические посты. Умер в Англии в 1852 г. (Примеч. пер.)

4. Назначение крепостей — отвлечь значительную часть неприятельских сил на осады. Этот промежуток времени должен быть использован на то, чтобы разбить остальную часть неприятельской армии. Следовательно, лучше давать сражение за своими крепостями, а не перед ними. Но не следует безучастно наблюдать, как их берут, как это сделал Беннигсен¹ во время осады Данцига (примеч. 18)

5. Большие реки, то есть такие, через которые наведение моста представляет большие трудности (как, например, Дунай ниже Вены и Нижний Рейн), составляют естественную оборонительную линию. Но не следует равномерно распределять войска вдоль реки, чтобы непосредственно препятствовать переправе. Это очень опасно. Напротив, надо наблюдать за ней, и там, где неприятель переправился, атаковать его со всех сторон в ту минуту, когда он не успел еще перебросить все свои силы и еще ограничен узким пространством близ реки. Примером таких действий может служить сражение под Асперном. В сражении под Ваграмом австрийцы без всякой надобности предоставили французам слишком много пространства, чем избавили последних от неизбежных невыгод переправы через реку (примеч. 19).

6. Горы составляют второй вид естественных преград, которые могут служить хорошей оборонительной линией. Существует два способа воспользоваться ими. Первый — оставить их впереди себя, занимая только легкими войсками и трактуя их до некоторой степени как реку с тем, чтобы разрешить неприятелю перевалить через них, и затем,

¹ Граф Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745—1826) — родился в Брауншвейге. В 1759—1773 гг. служил в ганноверской армии, а в 1773 г. поступил на службу в русскую армию, где сделал успешную карьеру, получив в 1802 г. звание генерала от кавалерии. Участвовал в Русско-турецких войнах 1768—1774 и 1787—1791 гг., Польской кампании 1792—1794 гг., Персидском походе русских войск в 1796 г. В войне против Наполеона в 1806—1807 гг. успешно провел сражения при Пултуске, Прейсиш-Эйлау и Гейльсберге. Однако потерпел сокрушительное поражение при Фридланде. В Отечественную войну был начальником штаба русских войск, принимал участие в Бородинской битве и Тарутинском бою (за интриги и противодействие Кутузову был отстранен от должности). В 1813 г. командовал резервной армией (до октября), затем 2-й русской армией. В 1818 г. покинул Россию. (Примеч. пер.)

как только он начнет дебушировать¹ отдельными колоннами из горных проходов, всеми силами обрушиться на одну из них. Другой способ заключается в том, чтобы ввести в горы главные силы. В последнем случае следует защищать отдельные горные проходы лишь небольшими отрядами, а значительную часть армии (от одной трети до половины) держать в резерве, дабы атаковать превосходящими силами одну из неприятельских колонн, которой удалось бы прорваться. Однако не следует распылять силы этого крупного резерва, стараясь абсолютно преградить выход всем колоннам. С самого начала надо задаться целью обрушиться на ту колонну, которая предполагается самой сильной. Если таким путем удастся разбить значительную часть наступающей армии, то остальные прорвавшиеся колонны отступят сами.

Строение большинства горных систем таково, что среди них обычно имеются и более или менее высокие плоскогорья (плато), в то время как склоны, обращенные к равнинам, обычно пересечены глубокими, крутыми долинами, образующими горные проходы. Таким образом, обороняющийся найдет в горах местность, по которой он может быстро передвигаться вправо и влево, в то время как наступающие колонны отделены друг от друга крупными и неприступными хребтами. Лишь в тех случаях, когда горы носят такой характер, они представляют удобства для обороны. Если же горы суровы и неприступны во всю глубину, так что отряды обороняющегося окажутся разбросанными без взаимной связи, то оборонять их главными силами — дело опасное. Все выгоды при этих условиях оказываются на стороне наступающего, который имеет возможность атаковать отдельные пункты превосходящими силами; и тогда ни один горный проход и перевал, ни один отдельный пункт не будет настолько крепок, чтобы им не могли быстро овладеть превосходящие силы.

7. Вообще по поводу горной войны следует заметить, что в ней все зависит от искусства отдельных начальников, офицеров и еще в большей мере от духа солдат. Здесь не

¹ Дебушировать — выводить войска из горной теснины или ущелья на открытую местность (фр.). (Примеч. пер.)

требуется большого искусства маневрирования, но нужны боевой дух и преданность делу, ибо здесь каждый более или менее предоставлен самому себе. Вот почему народное ополчение особенно сильно в горной войне, ибо, лишенное первого, оно в высшей мере обладает последними двумя качествами.

8. Наконец, по поводу стратегической обороны надо заметить, что, будучи сильнее, чем наступление, она должна служить лишь для того, чтобы добиться первых крупных успехов. Но если они достигнуты, а непосредственно за ними мир не последовал, дальнейших успехов можно добиться лишь наступлением. Ведь только тот, кто постоянно хочет только обороняться, находится в невыгодном положении, всегда воюя за собственный счет. Этого долго не выдержит ни одно государство. Подвергаясь ударам противника и ни разу не ответив ударом на удар, обороняющийся, несомненно, в конце концов ослабеет и будет побит. Нужно начинать с обороны, чтобы тем вернее можно было закончить наступлением.

НАСТУПЛЕНИЕ

1. Стратегическое наступление преследует достижение политической цели войны, ибо оно непосредственно направлено на уничтожение неприятельских сил, тогда как стратегическая оборона пытается достигнуть этой политической цели отчасти лишь косвенным образом. Поэтому принципы наступления уже содержатся в «Общих принципах» стратегии. Лишь о двух пунктах следует здесь упомянуть особо.

2. Первое — это безостановочное пополнение войск и вооружения. Для обороняющегося это сравнительно нетрудно благодаря близости источников такого пополнения. Наступающий же, хотя в большинстве случаев и располагает ресурсами более обширного государства, оказывается вынужденным доставлять свои ресурсы издалека и с огромными затруднениями. Поэтому, чтобы никогда не испытывать недостатка в силах, он должен принять такие меры, чтобы наборы рекрутов и перевозка вооружения производи-

лись задолго до появления в них нужды. Дороги его операционной линии должны быть непрерывно заняты движением следующих к армии людей и транспорта, перевозящего все необходимое снабжение. На этих дорогах должны быть устроены этапные пункты, содействующие быстрейшему следованию транспорта.

3. Даже при самых благоприятных условиях и при величайшем моральном и физическом превосходстве сил наступающий никогда не должен упускать из виду возможность крупной неудачи. Поэтому он должен подготовить на своей операционной линии такие пункты, куда он смог бы отойти со своей разбитой армией. Это могут быть крепости с укрепленными лагерями при них или же одни укрепленные лагеря.

Большие реки — лучшее средство на некоторое время задержать преследующего неприятеля. Поэтому переправы через них должны быть защищены предмостными укреплениями, усиленными поясом сильных редутов.

Для занятия таких пунктов, а также самых значительных городов и крепостей должно быть оставлено большее или меньшее количество войск в зависимости от большей или меньшей степени опасности, которая угрожает от нападений неприятеля или от восстания населения. Эти войска вместе с прибывающим подкреплением образуют новые корпуса, которые при успешном ходе дел продвигаются вслед за армией, в случае же неудачи размещаются в укрепленных пунктах для обеспечения отступления.

Наполеон в деле организации тыла своей армии всегда отличался чрезвычайной осмотрительностью, отчего самые рискованные его операции являлись менее рискованными, чем казались (в 1812 г. это не помогло: потеряв в России боле 570 тыс., в т. ч. всю конницу, почти всю артиллерию, ему пришлось набирать новую армию, которая лишь задержала неизбежное, — 18(30) марта 1814 г. после тяжелого боя русские и союзники вошли в Париж. — *Ред.*).

Глава 4

О ПРИМЕНЕНИИ ИЗЛОЖЕННЫХ ПРИНЦИПОВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Принципы военного искусства сами по себе в высшей степени просты и вполне согласуются со здравым смыслом. Если в тактике они и опираются на специальные знания в большей мере, чем в стратегии, то все же эти знания столь необширны, что по объему и разнообразию их едва ли можно сравнить с любой другой наукой. Здесь не требуется ни учености, ни особо выдающихся качеств ума. Если сверх способности рассуждать и требуется какое-либо особое свойство ума, то, скорее всего, хитрость или изворотливость. Долгое время утверждалось прямо противоположное, но только из-за преувеличенного благоговения перед искусством полководцев и из-за тщеславия авторов, занимавшихся этими вопросами. В этом нас убеждает беспристрастное изучение искусства ведения войны, подтверждаемое практическим опытом. Еще в период революционных войн многие люди, не получившие никакого военного образования, проявили себя искусными полководцами, даже полководцами первой величины. По крайней мере, военное образование Конде, Валленштейна, Суворова и многих других (примеч. 20) весьма сомнительно. (Александр Васильевич Суворов получил «книжное» военное образование дома, с детских лет изучая артиллерию, фортификацию, военную историю под руководством отца — генерал-аншефа, сенатора, автора первого русского военного словаря. А с 1748 г. Суворов уже начал службу капралом в Семеновском полку. Завершил свою блистательную карьеру в звании генералиссимуса, присвоенном ему в 1799 г., умер в 1800 г. — *Ред.*)

Нет никакого сомнения в том, что ведение войны — дело трудное. Но трудность заключается не в том, что требуется особая ученость или огромный гений для того, чтобы усвоить истинные принципы военного искусства. Это доступно каждому правильно развитому мозгу, свободному от предубеждений и сколько-нибудь знакомому с делом. Даже применение этих принципов на карте и на бумаге не представляет никаких трудностей, и, чтобы набросать хороший операционный план, не требуется особой мудрости. Великая трудность заключается в том, чтобы при практическом выполнении остаться верным усвоенным принципам.

Обратить внимание на эту трудность и составляет задачу настоящих заключительных замечаний, а дать вашему королевскому высочеству ясное об этом представление я считаю самым важным из всего того, чего я хотел достигнуть этими записками.

Ведение войны напоминает сложную работу машины с огромным сопротивлением, так что комбинации, которые с легкостью набрасываются на бумаге, могут потребовать для их выполнения на деле большого напряжения сил.

Таким образом, свободная воля и мысль полководца ежеминутно встречают препоны своим движениям, и для преодоления этих препон требуется особая сила духа и разума. Среди этого сопротивления приходится отбрасывать не одну удачную мысль и прибегать к более простым, скромным приемам, хотя более сложные и могли бы дать большие результаты.

Дать исчерпывающий перечень всех причин этого трения, пожалуй, невозможно, но главнейшие из них следующие:

1. Как правило, о положении противника и о его мероприятиях имеется гораздо меньше данных, чем требуется для составления планов. В момент выполнения принятого решения возникают бесчисленные сомнения из-за грозящих отовсюду опасностей, если при составлении плана в его основу были заложены ошибочные предположения. Тогда нами овладевает чувство беспокойства, которое легко нападает на человека при выполнении большого дела, а от беспокойства до нерешительности и от нерешительности до полумер всего лишь маленький, незаметный шаг.

2. К неточности сведений о количестве сил неприятеля добавляется то, что слухи (все сведения, получаемые нами от сторожевых частей и подразделений, от шпионов и из случайных источников) всегда преувеличены. Людская толпа боязлива по природе, а потому всегда преувеличивает опасность. Таким образом, у полководца создается ложное представление о силах неприятеля, с которым придется иметь дело; и это служит новым источником его нерешительности.

Трудно переоценить размеры катастрофы, которая может произойти из-за недостаточной осведомленности, а потому особенно важно заранее к ней подготовиться.

Если все заранее спокойно обдумано, если без предубеждения мы разобрались в обстановке и предусмотрели наиболее вероятный поворот событий, мы не должны сразу отказываться от первоначального плана. Все доставляемые сведения надо подвергать строгой критике, сравнивать их между собою, посылать за новыми и т. д. Очень часто неверные сведения могут быть немедленно опровергнуты, а другие данные получить подтверждение. В обоих случаях мы получаем большую достоверность и можем сообразовать с ней свое решение. Если у нас нет полной достоверности, то надо сказать себе, что на войне ничего не делается без риска, что сама природа войны не дает возможности всегда наперед предвидеть, куда идешь; что вероятное все же остается вероятным, даже если оно и не представляется нам во всей своей полноте, и что при прочих благоразумных мероприятиях не сразу же последует полная гибель от одной ошибки.

3. Незнание положения дел в каждую данную минуту распространяется не только на неприятеля, но и на свою армию. Последняя редко может быть настолько сосредоточенною, чтобы можно было в любой момент отчетливо представлять положение всех ее частей. Если мы склонны к осторожности, то на этой почве могут возникать новые сомнения. Появляется желание выждать, а неизбежным его следствием будет задержка в общем действии.

Поэтому необходимо верить, что наш общий распорядок оправдывает ожидаемые от него результаты. В особенности надо доверять своим подчиненным командирам. Поэтому на эти посты надлежит назначать людей, на которых можно

положиться. Это соображение нужно ставить выше всяких других. Раз мы целесообразно наметили свои мероприятия и учли при этом возможные несчастные случайности, предусмотрев все меры, чтобы не погибнуть сразу, если эти случайности произойдут, то следует смело идти вперед среди мрака неизвестности.

4. Если мы решили вести войну с большим напряжением сил, то часто подчиненные командиры, а также и войска (особенно если они не втянуты в войну) будут считать затруднения, встречающиеся на их пути, непреодолимыми препятствиями. Им покажется, что переходы слишком велики, усилия слишком тяжки, а снабжение продовольствием невозможно. Стоит только дать веру всем этим затруднениям (Diffikultaten, как их называл Фридрих II) — и скоро окажешься подавленным ими, и вместо того, чтобы действовать сильно и энергично, станешь слабым и бездеятельным.

Чтобы противостоять всему этому, необходимо доверять своей проницательности и убежденности. В эти минуты такая убежденность имеет вид упрямства, но на самом деле представляет собою ту силу ума и характера, которую мы называем твердостью.

5. Результаты, на которые мы рассчитываем на войне, никогда не бывают в точности такими, как их представляет себе тот, кто лично в ней не участвует и не свyksя с ней.

Часто ошибаются на много часов в расчете марша какой-нибудь колонны, причем нельзя даже точно выяснить, отчего произошла задержка. Часто возникают препятствия, которые было невозможно предвидеть заранее. Часто предполагают достигнуть с армией известного пункта, но бывают вынуждены остановиться в пути на несколько часов. Часто выделенный нами отряд оказывает гораздо меньшее сопротивление, чем мы ожидали, а неприятельский отряд — гораздо большее. Часто ресурсы какой-нибудь провинции оказываются скромнее, чем мы предполагали, и пр.

Все подобные препятствия могут быть преодолены не иначе, как ценою больших усилий, чего полководец может добиться лишь строгостью, граничащей с жестокостью. Лишь в том случае, когда он убежден, что будет выполнено все возможное, он может быть уверен, что эти мелкие затруднения не приобретут большого влияния на операции и он

окажется не слишком далеко от цели, которой должен достигнуть.

6. Можно принять за несомненное, что армия никогда не будет находиться в том самом состоянии, в каком ее рисует себе тот, кто следит за операциями из своего кабинета. Если он расположен к этой армии, он будет представлять ее себе на треть или на половину более сильной и более хорошей. Весьма естественно, что полководец, впервые составляющий план предстоящих операций, находится в таком положении. Но затем он видит, что его армия начинает таять, чего он не предполагал, что его кавалерия теряет боеспособность. Поэтому то, что в начале похода и наблюдателю и полководцу кажется возможным и легким, при выполнении оказывается трудным и недостижимым. Если полководец окажется человеком отважным, с сильной волей, то, побуждаемый высоким честолюбием, он все же будет преследовать свою цель; человек же заурядный почитает состояние своей армии достаточным оправданием, чтобы отказаться от достижения цели.

Массена¹ доказал в Генуе и Португалии, какое воздействие сила воли полководца может оказать на войска. В Генуе твердость его характера, даже можно сказать, его жестокость, позволила его армии вынести чрезвычайные лишения и привела к большому успеху. В Португалии он если и уступил, то, по крайней мере, сделал это много позже, чем сделали бы другие (примеч. 21).

¹ М а с с е н а Андре (1758—1817) — малограмотный сын крестьянина, герцог Риволи и князь Эслингский, превосходил большинство других маршалов даром полководческой импровизации и вообще как военачальник. К началу революции дослужился за 14 лет до фельдфебеля. В 1791 г. вступил в революционную армию и в 1792 г. стал командиром батальона, а в 1793 г. — бригадным генералом. Именно он, разгромив 14—15(25—26) сентября 1799 г. в битве под Цюрихом русско-австрийский корпус А.М. Римского-Корсакова (38 тыс. французов против 24 тыс. русских), заставил А.В. Суворова уйти из Швейцарии и тем самым спас Францию от грозившего ей русско-австрийского нашествия. В 1800 г. в Генуе выдержал с 15 тыс. французов 1,5-месячную осаду 30 тыс. австрийцев и английской эскадры. В 1805 г., командуя армией, занял Венецию, Каринтию, Штирию и Неаполитанское королевство. В войне 1809 г. с Австрией командовал корпусом. При Ваграме, находясь на левом фланге, выдержал сильный контрудар австрийцев, чем способствовал общему успеху. В 1810 г. назначен командующим французскими войсками в Португалии. За ряд поражений в 1811 г. отстранен от дел. (Примеч. ред.)

В большинстве случаев неприятельская армия будет находиться в таком же положении. Вспомним хотя бы Валленштейна и Густава II Адольфа под Нюрнбергом (примеч. 22), Наполеона и Беннигсена после сражения под Прейсиш-Эйлау¹ (примеч. 23). Но состояние противника не видно, а страдания собственной армии — перед глазами. Поэтому последние действуют на обыкновенного человека сильнее, ибо у обыкновенного человека чувственные впечатления берут верх над голосом разума.

7. Снабжение войск продовольствием, как бы оно ни производилось (из магазинов или путем реквизиции), представляет всегда такие трудности, что при выборе способа действий должно учитываться в первую очередь. Часто перебои со снабжением срывают проведение боевых операций, так как вынуждают заботиться о пище, когда можно было бы добиваться победы, самого блестящего успеха. Вследствие потребности в продовольствии вся военная машина приобретает тяжеловесность, из-за чего ее успехи могут отставать от полета широких замыслов.

Генерал, который тиранически требует от своих войск крайнего напряжения сил, величайших лишений; армия, в длительных войнах свыкшаяся с этими жертвами, — какое огромное преимущество будут они иметь перед своим противником, насколько скорее достигнут своей цели, несмотря на все препятствия! При одинаково хороших планах — сколь различен будет успех!

8. Трудно переоценить наглядные впечатления, получаемые при непосредственном участии в военных операциях,

¹ Сражение при Прейсиш-Эйлау (ныне г. Багратионовск Калининградской обл.) состоялось 26—27 января (7—8 февраля) 1807 г. между русско-прусской и французской армиями в ходе войны с Францией против стран 4-й коалиции (России, Пруссии, Англии и др.). В начале января русская армия под командованием Л.Л. Беннигсена начала наступление на запад с целью разбить корпуса Нея и Бернадота. Однако из-за нерешительности Беннигсена эта возможность была упущена. Наполеон, собрав войска с зимних квартир (до 70 тыс. чел., 450 орудий), перешел в наступление с целью отрезать русскую армию (78 тыс., в т. ч. 8 тыс. пруссаков, 400 орудий) от сообщений с Россией. Сражение не имело решающего успеха ни для одной из сторон. Потери сторон: русские потеряли 26 тыс. убитыми и ранеными, французы 23—30 тыс. Однако Беннигсен в конце сражения, имея подошедший свежий корпус, упустил возможность дожать армию Наполеона, правый фланг которой был в совершенном расстройстве. (Примеч. ред.)

всегда живее представляемых нами при зрелом размышлении. Но эти впечатления часто производятся лишь видимой стороной событий, а она, как известно, редко совпадает с их сущностью. Поэтому есть опасность в угоду первичным впечатлениям забыть о результатах зрелых размышлений.

Эти первичные впечатления, как правило, создают страх и влекут к чрезмерной осторожности, что свойственно природной боязливости человека, которая заставляет его глядеть на все односторонне.

Следовательно, к первичным впечатлениям следует относиться с осторожностью и больше доверять результатам своих прежних размышлений. Такой подход поможет укрепить себя против расслабляющего действия первичных впечатлений.

Следовательно, успешные действия зависят от верности и твердости собственного убеждения. Потому-то так важно изучение военной истории, ибо из нее мы узнаем все о войнах, самый ход событий. Принципы, которые дает нам теория, пригодны лишь для того, чтобы облегчить это изучение и обратить внимание на самое важное в военной истории.

Итак, вы должны, ваше королевское высочество, ознакомиться с этими принципами, чтобы проверить их при изучении истории войн и чтобы самому увидеть, где они совпадают с ходом событий и где эти события вносят в них те или другие коррективы или даже опровергают их вовсе.

Наряду с этим изучение военной истории при недостатке собственного опыта в состоянии дать наглядное представление о том, что мы назвали сопротивлением всей машины в целом.

Правда, не следует останавливаться лишь на общих выводах, еще менее следует доверять рассуждениям историков, но нужно, по возможности, изучать детали. Историки редко задаются целью изобразить высшую правду. Обычно они приукрашивают деяния своей армии или же доказывают совпадение исторических фактов с мнимыми правилами. Они выдумывают историю вместо того, чтобы ее писать. Для вышеуказанной цели не требуется истории многих войн. Детальное знакомство с несколькими отдельными сражениями полезнее, чем беглое знакомство со многими кампа-

ниями. Поэтому полезнее читать больше отдельных реляций и дневников, чем исторических сочинений в собственном смысле этого слова. Образец такой непревзойденной реляции представляет описание обороны Менена в 1794 году, приведенное в мемуарах генерала фон Шарнхорста. Это повествование, особенно рассказ о вылазке и прорыве гарнизона, даст в руки вашему королевскому высочеству пример того, как надо писать военную историю (примеч. 24).

Ни один бой, как этот, не укрепил во мне убеждения, что на войне до последней минуты нельзя сомневаться в успехе. Он доказывает, что влияние правильных принципов, которое никогда не проявляется так часто, как мы этого ожидаем, неожиданно сказывается вновь в самом бедственном положении, когда, казалось, уже утрачена всякая надежда на их влияние.

Необходимо, чтобы какое-нибудь чувство воодушевляло великие силы полководца, будь то честолюбие Цезаря, ненависть к врагу Ганнибала, гордая решимость погибнуть со славою Фридриха Великого.

Откройте свое сердце такому чувству. Будьте смелыми и хитрыми в составлении ваших планов, твердыми и настойчивыми в их исполнении, решительными в стремлении к победе, и судьба коронует вашу юную голову сияющей славой, которая является украшением принцев, а ваш образ останется в сердцах ваших потомков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фридрих II (Великий), родился 1712 году, король Пруссии (1740—1786) — один из великих военных деятелей истории. Первую половину своего правления в значительной степени посвятил войнам с Австрией, которой правила Мария Терезия (1717—1780), его основной враг в Войне за австрийское наследство (1740—1748) и Семилетней войне (1756—1763).

Особенно во время последней войны, когда Пруссии в союзе с Англией пришлось сражаться с превосходящими силами коалиции Австрии, Франции, России, Швеции и Саксонии, Фридрих доказал свое искусство военачальника и отвагу. Одна из самых блестящих и решающих побед была одержана под селением Лейтен в Силезии (совр. Лютыня в Польше) 5 декабря 1757 года. Победа над значительно превосходящей по силам австрийской армией, руководимой принцем Карлом Лотарингским, была столь же обязана военному гению, как и превосходному моральному духу офицеров и солдат Фридриха. Перед битвой, в присутствии генералов, прусский король произнес знаменитую речь, иллюстрирующую точку зрения Клаузевица. Она заканчивалась словами: «Господа, враг, вооруженный до зубов, стоит за этими укреплениями. Мы должны атаковать его и победить или погибнуть. Третьего не дано. Если вам это не нравится, можете подать в отставку и отправляться домой».

(Другими значительными битвами Семилетней войны, упоминаемыми Клаузевицем, были битвы при Росбахе, Лигнице, Праге, Колине, Хохкирхе, Кунерсдорфе, Миндене.)

2. Термин «корпус», повсеместно используемый Клаузевицем, не подразумевает определенное подразделение (как, например, современный армейский корпус), а имеет в виду просто любую часть армии.

3. Обе битвы были частью наполеоновской кампании против Австрии в 1809 году. При Экмюле, близ Регенсбурга, в Южной Германии, французская армия под командованием Наполеона и его маршала Даву 22 апреля разбила сильную австрийскую армию. Это открыло дорогу для вторжения Наполеона в Австрию, где у селения Ваграм, близ Вены, Наполеону 5—6 июля удалось нанести эрцгерцогу Карлу такой серьезный удар, что Австрии все же пришлось просить о мире.

4. Возле Миндена в Вестфалии герцог Фердинанд Брауншвейгский, один из генералов Фридриха II во время Семилетней войны, одержал значительную победу над французами, которыми командовал маршал Контад. Он собирался атаковать французские позиции ранним утром 1 августа 1759 года, когда ему стало известно, что французы, в свою очередь, готовы напасть на него. Он осуществил свой план подготовки к битве, чем свел на нет приготвления Контада к внезапному нападению. В начавшейся битве Фердинанд, командуя объединенными английскими, ганноверскими и прусскими войсками, одержал решающую победу, в результате которой французы отступили за реки Рейн и Майн.

В то же самое время примерно треть армии Фердинанда, организованная как отдельный корпус под командованием генерала фон Вангенхайма, была размещена слева от основной армии, возле деревни Таннхаузен (известной также как Тонхаузен или Тодтхаузен). Этому корпусу не сообщили о готовящемся нападении французов. Примерно в 5 часов утра вражеский корпус под командованием де Бролье открыл огонь по укреплениям Вангенхайма. Однако внезапное нападение не удалось, а у Вангенхайма появилась возможность выстроить свои войска и оказать сопротивление Бролье, пока поражение основной армии под командованием Контада не заставило французов отступить.

5. При Росбахе 5 ноября 1757 года армия Фридриха II, насчитывавшая 22 000 человек, разбила превосходящую ее почти вдвое (43 тыс.) объединенную франко-австрийскую армию под командованием некомпетентных маршала принца де Субиза (Франция) и принца Хильдбурхаузена (Саксония). В то время как его противники, думая, что Фридрих поспешно отступает, принялись его преследовать, отлично обученная кавалерия Фридриха II под командованием генерала фон Зейдлица внезапно атаковала их правый фланг. Противник, не имевший времени построить боевой порядок, был разбит, потеряв 7000 человек (в основном пленными), 67 орудий, 22 знамени и весь обоз. Пруссакки потеряли свыше 500 человек.

Победа Фридриха имела невероятный моральный эффект как в Германии, так и за ее пределами. Она восстановила его репутацию, которая сильно пострадала после поражения под Колином (см. примеч.15).

6. В битве при Лигнице, как раньше в битвах при Росбахе и Лейтене, проявилось искусство Фридриха II Велико-го побеждать превосходящего по силе противника, используя высокую мобильность армии в концентрированной атаке и как можно дольше скрывая от противника свои намерения.

Обнаружив себя окруженным при Лигнице (Саксония) несколькими австрийскими армиями, насчитывавшими около 100 000 человек, он тщательно спланировал отступление. В ночь с 14 на 15 августа 1760 года он разбил лагерь, оставив, однако, горящие огни, чтобы ввести в заблуждение неприятеля, который на 15 августа наметил треугольную атаку. На рассвете прусский король застал врасплох один из отрядов австрийской армии под командованием Лаудона на реке Кацбах и разгромил 30 000 человек с армией вдвое меньшей.

7. Во время наполеоновской кампании против 2-й коалиции (Великобритания, Австрия и Россия) французский генерал Моро сосредоточил свои силы у селения Хоэнлинден (так в атласе, но в военных энциклопедиях чаще Гогенлинден), расположенного в центре крупного лесного массива на плато к востоку от Мюнхена. Несмотря на предупреждения его генералов, эрцгерцог австрийский Иоанн 2 декабря 1800 года вошел в лес, чтобы преследовать отступавших, как он считал, французов. Тем временем Моро, построивший свои войска на выходе из леса, в ходе боя с выходившими из леса четырьмя колоннами австрийцев обошел австрийцев одной дивизией с фланга, и те оказались между двух огней. Австрийская армия была разбита, потеряв около 14 000 человек (в т. ч. 9 тыс. пленными), почти всю артиллерию (87 орудий), а Моро (потеряв 2,5 тыс.) смог продолжить наступление на Вену, что заставило Австрию заключить невыгодный для нее Люневильский мирный договор 1801 года.

8. Фридрих II достиг необходимой концентрации своих войск особым боевым порядком, известным как «косой боевой порядок». Хотя его никоим образом нельзя назвать новым (им время от времени пользовались с античных времен), именно Фридрих последовательно применял этот порядок в большинстве своих битв. В своих «Общих принципах ведения войны», написанных в 1748 году, Фридрих описал его следующим образом: «Мы «ослабляем» перед врагом один из наших флангов

и укрепляем фланг, с которым намерены атаковать». Это даст возможность разгромить армию противника, значительно превосходящую по силам: «Армия из 100 000 человек, атакованная во фланг таким способом, может быть разбита армией из 30 000 человек». Самым успешным примером использования Фридрихом этого боевого порядка «уступами» была битва при Лейтене (см. примеч. 1).

9. При Хохкирхе (Гохкирхе), селении в Саксонии, 14 октября 1758 года австрийская армия маршала Дауна¹ нанесла серьезный удар силам Фридриха II. Атаковав на рассвете, австрийцы застали врасплох самонадеянного короля Пруссии и силами в 78 000 человек разгромили его армию, состоявшую из 40 000 человек. Прусская армия понесла большие потери. Пруссак потеряли примерно 9000 человек, несколько генералов Фридриха были убиты или ранены.

10. Генерал Фридрих фон Кохенхаузен в своих примечаниях к этой книге отмечает, что большая часть правил, касающихся кавалерийского резерва, хотя больше неприменима в современной войне, может применяться почти слово в слово к механизированным частям.

11. 2(14) июня 1807 года, во время русско-пруско-французской войны 1806—1807 годов, русская армия под командованием Беннигсена (60 тыс.) была разгромлена Наполеоном (80 тыс.) в битве при Фридланде, в Восточной Пруссии. Спеша на помощь Кенигсбергу, русские, переправившись 1 июня через Алле и заняв Фридланд, имели против себя единственный французский корпус под командованием маршала Ланна².

¹ Да у н Леопольд (1705—1766) — австрийский генерал-фельдмаршал. (Примеч. пер.)

² Сын конюха, солдат революции Жан Л а н н (1769—1809), будущий герцог Монтебелло, был замечен Наполеоном еще как батальонный офицер в бою при Дего 15 апреля 1796 г. и с того дня стремительно пошел вверх, закончив итальянскую кампанию уже бригадным генералом. В Египетском походе Бонапарта командовал дивизией. При Монтебелло (1800) продержался до подхода подкреплений, способствовал общей победе. Отличился в 1805—1807 гг. В феврале 1809 г. именно Ланн взял штурмом героически защищавшуюся Сарагосу, после чего написал Наполеону о своем неприятии такой войны, когда приходится убивать мирных жителей. Историк Ж. Мишле считал Ланна «великим солдатом» и «великим полководцем». Товарищи по оружию считали его «храбрейшим в армии». Первым во главе своих гусар он врвался на неприятельские позиции, сражался рядом со своими солдатами на улицах Сарагосы, вел их на штурм Регенсбурга (1809). В возрасте 40 лет, уже покрытый к тому времени 25 ранами, он был смертельно ранен в битве при Асперне (Эслинге). Наполеон тогда заплакал — второй и последний раз в жизни. (Примеч. пер.)

Беннигсен решил, что это превосходный шанс для атаки, но Ланн держался, пока не подошел Наполеон с основной армией. Император наносил главный удар на левом фланге русских, отделенном от их правого фланга оврагом с ручьем Мюленфлюс и озером. Единственным путем отступления русских войск левого фланга было узкое дефиле между этим оврагом и излучиной реке Алле. Артиллерийская батарея Наполеона (36 орудий), выдвинутая в этом месте вперед, нанесла русским большой урон прежде, чем тем удалось добраться до мостов через Алле. Еще хуже ситуация сложилась на правом фланге Горчакова. К 9 часам вечера его отчаянно сражавшиеся войска были сброшены превосходящими силами врага в реку и переправлялись под убийственным огнем. Всего Беннигсен потерял от 10 000 до 25 000 (по разным данным) убитыми, ранеными и утонувшими, Наполеон 8000 (по другим данным, 12—14 тыс.).

12. Во время Семилетней войны Пруссия оказалась в окружении врагов: Саксонии и Австрии на юге, Франции на западе, Швеции на севере и России на востоке (примерно такая же аргументация была у Геббельса 22 июня 1941 г. Агрессоры похожи. — *Ред.*). Фридрих II преодолел сложное положение, полностью использовав преимущества, которые дает высоко-мобильной армии под руководством инициативного полководца сражение на «внутренней линии». В 1756 году он без объявления войны захватил Саксонию. Его вторжение в Богемию в 1757 году было остановлено австрийцами при Колине (см. примеч. 14), и ему пришлось оставить собственные территории. Оттуда он с молниеносной скоростью направился сначала в Центральную Германию, где разгромил французов в битве при Росбахе (см. примеч. 5), а затем обратно в Силезию, где разбил австрийцев в битве при Лейтене (см. примеч. 1). 14(25) августа 1758 года он разбил русских близ Цорндорфа («мясорубка» при Цорндорфе, где русские потеряли свыше 16 тыс. и 60 орудий, а пруссаки свыше 11 тыс. и 36 орудий, — весьма сомнительная победа. Обе стороны, обессилев, уже не могли сражаться. Противники после боя разошлись в разные стороны, «зализывая раны». В нашей литературе пишется, что сражение закончилось «вничью». — *Ред.*). Однако в конце концов численное преимущество противников стало слишком большим, и Фридриху пришлось ограничиться оборонительной стратегией, в то время как его тактика оставалась наступательной.

13. Барон Антуан Анри Жомини (1779—1869), швейцарец по происхождению, вступил во французскую армию в 1804 году,

командовал батальоном, затем адъютант маршала Нея¹ и начштаба его корпуса (1805—1809, 1813). С вторжением французов в Россию в 1812 году был комендантом Вильно и губернатором Смоленска. Отличился в успешном для французов Бауценском сражении 1813 года. Столкновения с начштаба Наполеона Бертье заставили Жомини в августе 1813 года перейти на службу в русскую армию. Состоял в штабе и в свите Александра I. Он прославился очень влиятельными работами по военной теории, такими как «Очерки военного искусства», «Рассуждения о великих военных действиях или критическое и сравнительное описание походов Фридриха и Наполеона...» и др. Его основной идеей было то, что победы над противником следует достигать не путем маневрирования без сражения, а решительным сражением; стратегию Жомини рассматривал как науку ведения войны, тактику — как науку о сражении и бое.

Барон Адам Генрих Дитрих фон Бюлов (1757—1807) — прусский военный писатель и теоретик. Служил в прусской армии (1772—1790). Выйдя в отставку, участвовал в восстании в Южных Нидерландах (совр. Бельгия и Люксембург) против австрийской власти. В 1799 году издал труд «Дух новейшей военной системы». В 1806 году написал памфлет «Поход 1805 года», содержащий критику действий русской армии в этой кампании и оскорбительные выпады против русского командования. За это по требованию русского правительства был арестован (1806) и отправлен морем в Россию, но по дороге умер. Независимый ум Бюлова сделал его одним из наиболее влиятельных авторов, писавших на эту тему и введших в обращение многие из современных военных терминов. Согласно Бюлову, войны решаются не победами, одержанными на поле боя, а скорее стратегическими маневрами против вражеских «операционных направлений» (т. е. коммуникаций). Сформулировал важный тезис о подчиненности военной стратегии политике, тактики — страте-

¹ Маршал Ней Мишель (1769—1815) — сын бочара, герцог Эльхингенский и «князь Московский» (последнего титула он был удостоен Наполеоном за доблесть в Бородинской битве — его корпус атаковал Семеновские флеши), герой всех кампаний Наполеона, человек исключительно популярный в армии. Именно ему Наполеон, правда уже после смерти Ланна, дал прозвище Храбрейший из Храбрых, которое армия ставила выше всех его титулов. При отступлении французов командовал арьергардом, который почти полностью был уничтожен в сражении у Красного, где французы потеряли 32 тыс. (в т. ч. 26 тыс. пленными), а русские 2 тыс. Во время Ста дней он, посланный во главе королевских войск против Наполеона, перешел вместе с войсками на сторону бывшего императора. Теперь в Париже, на площади Обсерватории, где французы 7 декабря 1815 г. расстреляли своего Храбрейшего из Храбрых, стоит памятник Нею. (*Примеч. пер.*)

гии. Клаузевиц возражал против догматизма и геометрических построений Бюлова, который недооценивал значение сражения.

14. Это утверждение верно только отчасти, в отношении таких битв, как битвы при Йене, Ульме, Экмюле, Маренго и Ваграме.

15. Весной 1757 года Фридрих Великий вторгся в Богемию (Чехию) с тремя отдельными армиями. Две из них двигались из Саксонии (одной командовал сам король), а третья, под командованием семидесятидвухлетнего маршала Шверина, из Силезии. Австрийская армия под командованием принца Карла отступила перед захватчиками и заняла прочную позицию возле Праги. Армия Шверина запоздала, и, когда она наконец подошла, пруссаки 6 мая 1757 года разбили австрийцев, но позволили значительной части австрийских сил отступить. 18 июня Фридрих, хотя и с меньшими силами, снова атаковал австрийскую армию, на этот раз под командованием маршала Дауна, возле Колина. Фридрих II был наголову разбит, в основном из-за численного превосходства австрийцев, но также благодаря таланту и мужеству маршала Дауна.

16. Кампания Веллингтона 1810—1811 годов была частью Полуостровной войны, имевшей целью освободить Испанию и Португалию от господства Наполеона. Как и в России во время наполеоновской кампании 1812 года, жители Пиренейского полуострова добровольно уничтожали свои владения и запасы, чтобы сделать снабжение вражеской армии невозможным и ускорить ее поражение. Эта тактика «выжженной земли», как ее сегодня называют, в обоих случаях имела огромный успех.

17. Близ Асперна и Эслинга, двух селений близ Вены на противоположном, левом берегу Дуная, 21—22 мая 1809 года Наполеон потерпел крупное поражение. После победы над австрийцами близ Ратисбона (Регенсбурга) 19—23 апреля 13 мая Наполеон вошел в Вену. Австрийская армия под командованием эрцгерцога Карла отступила на левый берег Дуная, и Наполеону, чтобы атаковать ее, пришлось форсировать реку. Карл в смертельной битве разгромил французов, потерявших одного из своих талантливейших военачальников, маршала Ланна. Получив крупное пополнение, 4 июня Наполеон предпринял еще одну попытку форсировать Дунай. На этот раз ему сопутствовал успех, и 5—6 июля он одержал победу в битве при Ваграме, положив, таким образом, конец освободительной войне, которую вела Австрия.

18. Весной 1807 года Наполеон приказал маршалу Лефевру начать осаду города Данцига. Осада, начавшаяся в марте, про-

длилась до мая. Русский главнокомандующий Беннигсен, находившийся поблизости, все это время оставался пассивным, несмотря на то что капитуляция Данцига дала Наполеону важную базу и высвободила часть его войск, которые он вскоре с огромной выгодой использовал в битве при Фридланде (см. примеч. 11).

19. См. примеч. 17.

20. Людовик II Бурбон, принц Конде (1621—1686), известный как Великий Конде, начал блестящую военную карьеру в 1640 году, к концу Тридцатилетней войны (1618—1648). В 1643 году он получил пост командующего французскими силами, оборонявшими северо-восточные границы Франции против испанцев, и одержал решающую победу при Рокруа, которая сделала его в возрасте 22 лет одним из выдающихся военачальников. В дальнейшем командовал французскими войсками, воюя в Германии, Лотарингии и Фландрии. Участвовал во «Фронде принцев», в 1652 году был разбит Тюренном, бежал в Нидерланды и в 1653—1658 годах во главе испанской армии воевал против своих. В 1660 году вернулся. В 1672—1675 годах успешно руководил французской армией в войне с Голландией.

Альбрехт фон Валленштейн (1583—1634) — богемский чешский дворянин из рода Вальдштейнов, главнокомандующий (генералиссимус) войсками Священной Римской империи в ходе Тридцатилетней войны, хотя его военное образование, согласно Клаузевицу и современным стандартам, было коротким и поверхностным. В течение двух лет службы в армии (1604—1606) он сражался против турок и венгров, а с 1617 года командовал все возрастающим числом наемников (в большинстве своем нанятых им самим за счет стремительно растущего состояния), которых предоставил в распоряжение императора Фердинанда II. Его называли «кумир войск и бич народов». Убит заговорщиками-офицерами (см. также примеч. 22).

Граф Александр Суворов-Рымникский, князь Италийский (1729—1800) снискал славу командующего русскими войсками во время войн Екатерины II Великой с турками (1768—1774, 1787—1791). В 1799 году он стал главнокомандующим союзной армией в Италии и, разгромив, изгнал французов из Северной Италии. Приняв боевое крещение в битве при Кунерсдорфе (1759), Суворов участвовал в 63 сражениях и боях и во всех победил. У своих противников (пруссаков, поляков, турок, французов) Суворов взял 609 знамен, 2670 пушек и 50 000 пленных. Последним для Суворова стал Швейцарский поход, после блестящего проведения которого великий полководец вскоре умер.

21. Андре Массена, принц Эслингский (1758—1817) — выдающийся французский генерал и маршал времен революционных и Наполеоновских войн. На военной службе с 1775 года, рядовой. В 1789 году вышел в отставку фельдфебелем. В 1791 году вступил в революционную армию. В 1793 году бригадный генерал. Проявил себя в сражении при Риволи (1796). В 1799 году разгромил корпус Римского-Корсакова при Цюрихе. Весной 1800 года Наполеон приказал ему оборонять итальянский город Геную против австрийцев. Последние внезапно атаковали, расчленили его армию на две части, и ему с оставшимся правым флангом пришлось отступить в город. Австрийский генерал Отт начал осаду города, а Массена не давал ему покоя постоянными вылазками. Несмотря на все возрастающий недостаток продовольствия, он продержался 1,5 месяца, дав возможность Наполеону одержать победу при Маренго.

В 1810 году Массена получил должность главнокомандующего французской армией численностью в 70 000 человек, вторгшейся в Португалию, чтобы «сбросить в море» англичан под командованием Веллингтона. Ему снова пришлось противопоставить свою силу воли и решительность такому ужасному врагу, как голод. Британские войска отступили в глубь страны, оставив за собой гористую, неплодородную землю, лишенную какого-либо продовольствия. Только одна крупная битва была выиграна французами (при Бусако). Большая часть французских потерь, 25 000 человек, была вызвана болезнями и голодом. Еще больших потерь в значительной степени удалось избежать благодаря искусному отступлению Массены.

22. В период шведского вторжения (1630—1632) в ходе Тридцатилетней войны Альбрехт фон Валленштейн, предводитель католических и имперских сил (см. примеч. 20), и шведский король Густав II Адольф заняли позиции друг против друга возле Нюрнберга в Южной Германии. После того как Валленштейн несколько раз отказывался от битвы, 3 сентября 1632 года шведы атаковали его лагерь. Битва продолжалась до ночи, обе стороны понесли тяжелые потери, но Густаву II Адольфу не удалось выбить Валленштейна. В решающем сражении при Лютцене (6 ноября 1632 года) Густав II Адольф одержал победу над имперскими войсками Валленштейна, но был убит.

23. 8 февраля 1807 года близ Прейсиш-Эйлау в Восточной Пруссии французская армия (70 тыс.) под командованием Наполеона и его маршалов Даву и Нея одержали победу (победу приписывали себе обе стороны. — *Ред.*) над русскими под командованием Беннигсена (78 тыс., в т. ч. 8 тыс. пруссаков). Благодаря подкреплению, которое получали во время боев и

Наполеон и Беннигсен, удача во время битвы поворачивалась лицом то к одной, то к другой армии. Но с наступлением ночи никто не одержал решающей победы (хотя Беннигсен мог дожать французов). Потери французов превышали потери русских, которые потеряли более трети своих людей (русские потеряли 26 тыс. убитыми и ранеными, французы от 23 до 30 тыс. — *Ред.*). Однако Беннигсен, опасаясь дальнейшего усиления французской армии, отступил, после чего Наполеон объявил о своей победе (а Беннигсен — о своей). Эта битва была самой кровопролитной из всех данных до этого Наполеоном (еще более кровавые Бородино и Лейпциг были впереди). Все было залито кровью. Маршал Ней, глядя на все это, воскликнул: «Что за бойня, и без всякой пользы!»

24. Генерал Герхард фон Шарнхорст (1755—1813), известный своими реформами прусской армии, был близким другом и учителем Клаузевица. В чине капитана он участвовал в войне 1-й коалиции против революционной Франции и был среди героических защитников города Менена во Фландрии. Он описал свои наблюдения в труде под названием «Оборона города Менена».

В течение нескольких дней в апреле 1794 года силы численностью в 2000 человек под командованием генерала Хаммерштейна защищали этот укрепленный город от штурмовавших его 20 000 французов под командованием генерала Моро. Когда запасы снаряжения и продовольствия у Хаммерштейна истощились, а город горел, он 30 апреля совершил со своими войсками успешный прорыв через неприятельские линии, потеряв более одной пятой своих сил.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Из книги «О войне»

Глава 1. О ПРИРОДЕ ВОЙНЫ

Военный гений	13
Опасность и напряжение сил во время войны	22
Информация во время войны	24
Препятствия и помехи на войне	25

Глава 2. О ТЕОРИИ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Ветви военного искусства	29
Теория ведения войны	33
Моральные качества на войне	35

Глава 3. О СТРАТЕГИИ В ОБЩЕМ

Стратегия (определение)	40
Моральные качества и воинская доблесть	44
Храбрость	49
Численное превосходство	53
Внезапность	57
Сосредоточение сил в пространстве и времени	60
Стратегический резерв	64
Экономия сил	66
О временном прекращении военных действий	67
Напряжение и передышка	70
Бой	73
О значении боя	80
Продолжительность боя	82
Исход боя	83
Генеральное сражение	87

Влияние победы	91
Стратегическое значение победы	94
Отступление после проигранной битвы.....	99

Глава 4. НАСТУПЛЕНИЕ И ОБОРОНА

Понятие обороны	102
Наступление и оборона в тактике	104
Наступление и оборона в стратегии.....	104
Характер стратегической обороны	107
Партизанская война	109
Более определенные цели в войне	113

Глава 5. ПЛАН ВОЙНЫ

Взаимозависимость участников войны	117
О значении движущих мотивов в войне	118

Глава 6. ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Глава 7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что такое война?	130
Цели и средства в войне	151

Принципы ведения войны

Глава 1. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Глава 2. ТАКТИКА, ИЛИ ТЕОРИЯ БОЯ.....

Общие принципы обороны.....	167
Общие принципы наступления	172
Принципы управления войсками	177
Принципы использования местности	181

Глава 3. СТРАТЕГИЯ.....

Главные принципы.....	189
Оборона	195
Наступление	199

Глава 4. О ПРИМЕНЕНИИ ИЗЛОЖЕННЫХ ПРИНЦИПОВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.....

Примечания	209
------------------	-----

Клаузевиц Карл фон
ПРИНЦИПЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *А.В. Максименко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.04.2009.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 11,42.
Тираж 3 000 экз. Заказ №3016

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

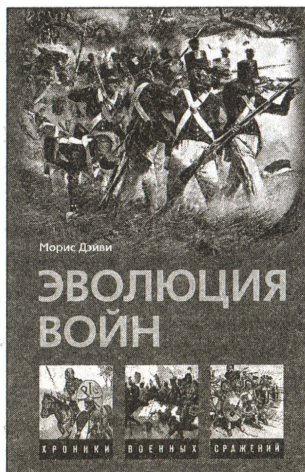
Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Морис Дэйви

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЙН

Почему история человечества так кровава? Есть ли у нас надежда на будущее? В своей книге Морис Дэйви утверждает, что первым шагом к ответу на эти вопросы должно стать изучение войны в самых ее примитивных формах. Его подход к рассмотрению феномена войны весьма разносторонен, и прежде всего он вскрывает психологические, социальные и национальные причины военных конфликтов на заре цивилизации. Автор объясняет сущность межплеменных распрей. Рассказывает, как различия физиологии и психологии полов провоцируют войны. Отчего одни народы воинственнее других, и существует ли объяснение известного факта, что в одних регионах царит мир, тогда как в других нескончаемые столкновения. Как повлияло на характер конфликтов совершенствование оружия. Каковы первопричины каннибализма, рабства и кровной мести. В чем состоит религиозная подоплека войн. Где и почему была популярна охота за головами. Как велись войны за власть. И наконец, как войны сказались на развитии общества.

Дэйви предлагает достаточно оригинальное видение проблемы, подкрепляя свою позицию обширнейшей коллекцией интересных фактов из истории жителей всех уголков Земли. Книга написана чрезвычайно живо и увлекательно, тем не менее это научный труд, основанный на документальных источниках.

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Приобретайте книги издательства «Центрполиграф»
без торговой наценки, с помощью нашей
службы «Книга-почтой»!

Книги высылаются наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные издания, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством.

Обращаем ваше внимание, что цены указаны без учета стоимости доставки и услуг Почты РФ.

Заполните почтовую карточку по образцу четко и разборчиво и отправляйте по адресу: 111024, Москва, 1-я улица Энтузиастов, д. 15 («Центрполиграф»).

Также вы можете заказать книги через сайт издательства «Центрполиграф» www.centropoligraf.ru.

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ	
От кого	<u>Ивановой Г.П.</u>
Откуда	<u>г. Хабаровск, ул. Мира,</u> <u>д. 10, кв. 5</u>
Индекс места отправления 680011	
Кому	<u>«Центрполиграф»</u>
Куда	<u>г. Москва,</u> <u>1-я ул. Энтузиастов, д. 15</u>
Индекс места назначения 111024	
	
Подделка государственных знаков почтовой оплаты преследуется по закону © Издательство «Мир» - Москва, Россия, 2003. 2.178440. ППФГ	

На обратной стороне карточки укажите количество экземпляров книг, которые вы хотите приобрести, или серию, на которую вы хотели бы подписаться.

В зависимости от суммы заказа, веса посылки и удаленности места заказа общая стоимость книг может увеличиться от 20 до 70%.

Если вам необходима подробная информация, пришлите письмо с вложенным конвертом и вам отправят бесплатный и подробный прайс-лист.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенным платежом составляет от 7% от стоимости заказа.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

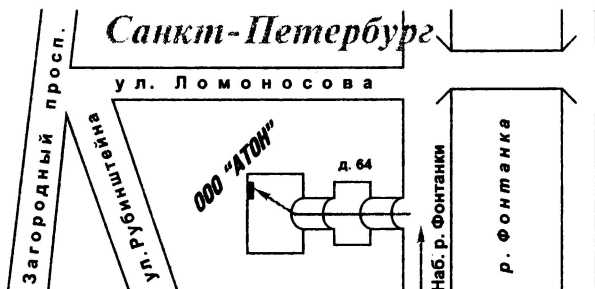
Фирменные магазины издательства «Центрполиграф» в Москве и Ростове-на-Дону

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), тел.: (8632) 38-38-02; пн—пт — 9.00—18.00.

Официальный дистрибьютор издательства ООО «АТОН». Санкт-Петербург, набережная р. Фонтанки, д. 64, пом. 7-н, тел. для справок: (812) 575-52-80, (812) 575-52-81. Пн—пт — 9.00—18.30; сб, вскр — выходной. E-mail: aton@ppp.delfa.net

ХРОНИКИ ВОЕННЫХ СРАЖЕНИЙ

Карл фон Клаузевиц ПРИНЦИПЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Труд выдающегося теоретика военного дела прусского генерала Карла фон Клаузевица является результатом всей его жизни, целиком посвященной военной службе.

Подтверждая свои мысли и обобщения, он опирается на известные компании, многие из которых изучил досконально, а в некоторых участвовал сам. Клаузевиц всесторонне рассматривает природу войны, показывая решающее значение военного гения в исходе сражения. Четко и ясно излагая важность плана войны, взаимосвязь войны и политики, стратегию и тактику ведения войны, включая организацию боя, виды и способы наступления и обороны, автор определяет и поясняет термины профессионального военного языка, что придает его трудам характер превосходного справочного руководства. Отводя значительную часть книги оценке моральных факторов ведения войны, Клаузевиц подчеркивает необходимость таких качеств, как мужество, отвага и самопожертвование, обращает внимание на важность армейского кодекса чести, боевого духа и общественного мнения.

Несмотря на изменения военной организации и техники, книга Клаузевица остается на все времена базисом для любого значительного развития военного искусства.

ISBN 978-5-9524-4349-5

9 785952 443495

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

SPROUWGT.COM.UA